Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ФЕВРАЛЯ 3

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 54283. Москва. Тираж 40.500 экз.
Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

И. Сталин.

Ленинградской организации В. К. П. (б.) посвящаю.

И. Сталин.

К вопросам ленинизма [1]).

(Вместо предисловия).

Одной из основных частей настоящего сборника нужно считать брошюру «Об основах ленинизма». Эта брошюра впервые была выпущена в свет почти два года назад, в апреле 1924 г. Теперь она выходит в настоящем сборнике вторым изданием. За эти два года утекло много воды: партия пережила две дискуссии, выпущен целый ряд брошюр и руководств по ленинизму, встали на очередь новые практические вопросы социалистического строительства. Понятно, что новые вопросы, возникшие за эти два года, равно как результаты дискуссий, имевших место после выхода брошюры, не могли быть учтены в этой брошюре. Понятно также, что конкретные вопросы нашего строительства (нэп, госкапитализм, вопрос о среднем крестьянстве и т. д.) не могли быть полностью освещены в маленькой брошюре, представляющей «конспективное изложение основ ленинизма». Эти и подобные им вопросы могли быть освещены лишь в последующих брошюрах автора («Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К итогам XIV партконференции», «Вопросы и ответы» и т. д.), вошедших в состав настоящего сборника и органически связанных с основными положениями, изложенными в первоначальной брошюре «Об основах ленинизма». Это обстоятельство вполне оправдывает выход в свет настоящего сборника, представляющего, таким образом, единый и целостный труд по вопросам ленинизма.

Последняя дискуссия на XIV парт'езде подвела итог идеологической и строительной работе партии за последний период, за период с XIII по XIV с'езд. Она дала вместе с тем некоторую проверку положений, выставленных в свое время новой оппозицией. Позволительно спросить: каковы итоги этой проверки?

I.

Определение ленинизма.

В брошюре «Об основах ленинизма» дано известное определение ленинизма, получившее, видимо, права гражданства. Оно гласит:

> «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»

[1]) Настоящая статья вошла в состав выходящего в свет сборника статей т. Сталина «Вопросы ленинизма» в качестве предисловия к нему. *Ред.*

Правильно ли это определение?

Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его, как марксизм эпохи империализма, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его, как марксизм эпохи империализма, в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности.

Все это, как будто бы, не нуждается в особых комментариях.

Тем не менее в нашей партии имеются, оказывается, товарищи, считающие необходимым определить ленинизм несколько иначе. Вот, напр., т. Зиновьев думает, что:

> «Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство»[1]) (см. статью т. Зиновьева «Большевизм или троцкизм», «Правда» № 273 от 30/XI—24 г.).

Что могут означать слова, подчеркнутые т. Зиновьевым? Что значит вводить в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер?

Это значит превращать ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности.

Это значит играть на-руку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых.

Слов нет, что крестьянский вопрос имеет для России важнейшее значение, что страна у нас крестьянская. Но какое значение может иметь этот факт для характеристики основ ленинизма? Разве ленинизм выработался только на почве России и для России, а не на почве империализма, и не для империалистических стран вообще? Разве такие труды Ленина, как «Империализм», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь левизны» и т. д., имеют значение только для России, а не для всех империалистических стран вообще? Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения всех стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий всех стран? Разве Ленин был неправ, говоря, что «большевизм годится как образец тактики для всех» *) (см. том XV, стр. 503)? Разве Ленин был неправ, говоря о «международном значении *) Советской власти и основ большевистской теории и тактики» (см. т. XVII, стр. 116)? Разве неправильны, напр., следующие слова Ленина:

> «В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы—и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране. Так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного» *) (см. т. XVI, стр. 348).

[1]) Курсив т. Зиновьева. *И. Ст.*

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Но если все это верно, не следует ли из этого, что определение ленинизма, данное т. Зиновьевым, не может быть признано правильным?

Как совместить это национально-ограниченное определение ленинизма с интернационализмом?

II.

Главное в ленинизме.

В брошюре «Об основах ленинизма» сказано:

> «Иные думают, что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть — является вопросом производным».

Правильно ли это положение?

Я думаю, что правильно. Это положение целиком вытекает из определения ленинизма. В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата,—то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса.

Тем не менее т. Зиновьев, видимо, не согласен с этим положением. В своей статье «Памяти Ленина» он говорит:

> «Вопрос о роли крестьянства, как я уже сказал, является основным вопросом *) большевизма, ленинизма» (см. «Правда» № 35 от 13 февр. 1924 г.).

Это положение т. Зиновьева, как видите, целиком вытекает из неправильного определения ленинизма, данного т. Зиновьевым. Поэтому оно так же неправильно, как неправильно его определение ленинизма.

Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является «коренным содержанием революции» (см. т. XV, стр. 447)? Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует то, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата.

Разве это неверно, что вопрос об империализме, вопрос о скачкообразном характере развития империализма, вопрос о победе социализма в одной стране, вопрос о государстве пролетариата, вопрос о советской форме этого государства, вопрос о роли партии в системе диктатуры пролетариата, вопрос о путях строительства социализма,—что все эти вопросы разработаны именно Лениным? Разве это неверно, что эти именно вопросы и составляют основу, фундамент идеи диктатуры пролетариата? Разве это неверно, что без разработки этих основных вопросов разра-

*) Курсив мой. *И. Ст.*

ботка крестьянского вопроса с точки зрения диктатуры пролетариата была бы немыслима?

Слов нет, что Ленин был знатоком крестьянского вопроса. Слов нет, что крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата, имеет важнейшее значение для пролетариата и является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата. Но разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом основной вопрос о диктатуре пролетариата, то не было бы и производного вопроса о союзнике пролетариата, вопроса о крестьянстве? Разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом практический вопрос о завоевании власти пролетариатом, то не было бы и вопроса о союзе с крестьянством?

Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он, несомненно, является, он был бы простым «крестьянским философом», каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вел разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы.

Одно из двух:

либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм не пригоден, не обязателен для стран капиталистически развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами;

либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых.

Тут надо выбирать.

III.

Вопрос о «перманентной» революции.

В брошюре «Об основах ленинизма» «теория перманентной революции» расценивается, как «теория» недооценки роли крестьянства. Там сказано [1]):

> «Ленин воевал со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата».

Эта характеристика русских «перманентников» считалась до последнего времени общепризнанной. Тем не менее она, будучи вообще правильной, не может быть, однако, признана исчерпывающей. Дискуссия 1924 года, с одной стороны, и тщательный анализ трудов Ленина, с другой стороны, показали, что ошибка русских «перманентников» состояла не только в недооценке роли крестьянства, но и в недооценке сил и способностей пролетариата повести за собой крестьянство, в неверии в идею гегемонии пролетариата.

Поэтому в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.) я расширил эту характеристику и заменил ее другой, более полной. Вот что сказано об этом в этой брошюре:

> «До сего времени отмечали обычно *одну* сторону теории «перманентной революции»,—неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить *другой* стороной,—неверием в силы и способности пролетариата России».

[1]) Речь идет о первом издании.

Это, конечно, не значит, что ленинизм стоял, или стоит против идеи перманентной революции без кавычек, провозглашенной Марксом в сороковых годах прошлого столетия. Наоборот, Ленин был единственным марксистом, который правильно понял и развил идею перманентной революции. Отличие Ленина от «перманентников» состоит в этом вопросе в том, что «перманентники» исказили идею перманентной революции Маркса, превратив ее в безжизненную, книжную мудрость, тогда как Ленин взял ее в ее чистом виде и сделал ее одной из основ своей теории революции. Следует помнить, что идея перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, данная Лениным еще в 1905 году, есть одна из форм воплощения марксовой теории перманентной революции. Вот что писал на этот счет Ленин еще в 1905 году:

> «От революции демократической мы все же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. *Мы стоим за непрерывную революцию* *). Мы не остановимся на полпути... Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы можем сказать и говорим *лишь одно*: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, *чтобы тем легче было* нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической» (см. т. XVI, стр. 449—450).

А вот, что пишет Ленин на эту тему спустя шестнадцать лет, после завоевания власти пролетариатом:

> «Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хилквиты, Лонге, Макдональды, Туратти и прочие герои «$2^1/_2$-ного» марксизма не сумели понять... соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями. *Первая перерастает во вторую* *). Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 363).

Я обращаю особое внимание на первую цитату, взятую из статьи Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», опубликованной 1 сентября 1905 года. Я подчеркиваю это к сведению тех товарищей, которые все еще продолжают утверждать, что Ленин пришел, будто бы, к идее перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, к идее перманентной революции после империалистской войны, примерно, в 1916 году. Эта цитата не оставляет сомнений в том, что эти товарищи глубоко заблуждаются.

IV.

Пролетарская революция и диктатура пролетариата.

В чем состоят характерные черты пролетарской революции, в отличие от революции буржуазной?

Различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной можно было бы свести к пяти основным пунктам.

1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, вы-

*) Курсив мой. *И. Ст.*

росших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция *завершается* обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее *началом*, при чем власть используется, как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой, в виду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплоататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплоатируемых, класс пролетариев, в виду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз, именно как трудящихся и эксплоатируемых, если она хочет выполнить свою основную задачу упрочения власти пролетариата и построения новой, социалистической экономики.

Вот некоторые основные положения Ленина на этот счет:

«Одно из основных различий,—говорит Ленин,—между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма. В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи—организационные» (см. т. XV, стр. 124).

«Если бы народное творчество,—продолжает Ленин,—русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства,— Российскую Советскую Республику» (см. там же, стр. 124—125).

«Оставались еще,—говорит Ленин,—две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция» (см. там же, стр. 125).

«Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на „ура", того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны» (см. там же, стр. 125).

«Вторая задача — решение вопроса международной революции. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть; если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощью всего об'единенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не мог и по своему об'ективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема—необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию» (см. там же, стр. 126—127).

Таковы внутренний характер и основной смысл пролетарской революции.

Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии,—значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции.

Это положение должно быть подчеркнуто с тем большей силой и категоричностью, что мы имеем дело с пролетарской революцией, победившей пока что в одной стране, которая окружена враждебными капиталистическими странами и буржуазию которой не может не поддерживать международный капитал.

Вот почему говорит Ленин, что «освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 302).

«Пускай сначала,—говорит Ленин,—при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти, гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата,—только тогда она может и должна взять власть»,—так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя «социалистами» (см. т. XVI, стр. 456).

«Пускай сначала,—продолжает Ленин,—революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат,—тогда пролетариат, одержавший победу,

сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплоататоров, говорим мы» (см. там же, стр. 457).

«Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону,—продолжает Ленин,—пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки. Он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, *добить* влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей среди большинства непролетарских трудящихся масс *революционным* осуществлением *их* экономических нужд *за счет* эксплоататоров» (см. там же, стр. 450).

Таковы характерные признаки пролетарской революции.

Каковы, в связи с этим, основные черты диктатуры пролетариата, если признано, что диктатура пролетариата есть основное содержание пролетарской революции?

Вот наиболее общее определение диктатуры пролетариата, данное Лениным:

«Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденой, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии» (см. т. XVI, стр. 240—241).

Возражая против смешения диктатуры пролетариата с властью «общенародной», «общевыборной», с властью «не классовой», Ленин говорит:

«Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его *один*. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 175).

Это не значит, однако, что власть одного класса, класса пролетариев, который не делит и не может делить ее с другими классами, не нуждается для осуществления своих целей в помощи, в союзе с трудящимися и эксплоатируемыми массами других классов. Наоборот. Эта власть, власть одного класса, может быть утверждена и проведена до конца лишь путем особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелко-буржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства.

Что это за особая форма союза, в чем она состоит? Не противоречит ли вообще этот союз с трудящимися массами других непролетарских классов идее диктатуры одного класса?

Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководящей силой этого союза является пролетариат. Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является *одна* партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая *не делит и не может делить* руководства с другими партиями.

Как видите, противоречие тут только видимое, кажущееся.

«Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть *особая форма классового союза* *) между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), *союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно, классами»* *) (см. т. XVI, стр. 240—241).

В одном из своих инструктивных докладов тов. Каменев, полемизируя с такого рода пониманием диктатуры пролетариата, говорит:

«Диктатура *не есть* *) союз одного класса с другим» (см. «Правда», № 11, от 14 января 1925 г.).

Я думаю, что т. Каменев имеет тут в виду, прежде всего, одно место из моей брошюры «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», где сказано:

«Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат».

Я всецело поддерживаю эту формулировку диктатуры пролетариата, ибо думаю, что она целиком и полностью совпадает с только что приведенной формулировкой Ленина.

Я утверждаю, что заявление т. Каменева о том, что «диктатура *не есть* союз одного класса с другим», данное в такой безоговорочной форме,—не имеет ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата.

Я утверждаю, что так могут говорить лишь люди, не понявшие смысла идеи смычки, идеи союза пролетариата и крестьянства, идеи гегемонии пролетариата в этом союзе.

Так могут говорить только люди, не понявшие ленинского тезиса о том, что:

«*Только соглашение с крестьянством* *) может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 138).

Так могут говорить лишь люди, не понявшие положения Ленина о том, что:

«*Высший принцип диктатуры* *)—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 331).

Отмечая одну из важнейших целей диктатуры, цель подавления эксплоататоров, Ленин говорит:

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»... «Диктатура означает—примите это раз на всегда к сведению, господа кадеты—неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой» (см. т. XVII, стр. 361 и 355).

*) Курсив мой. *И. Ст.*

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Но насилием, конечно, не исчерпывается диктатура пролетариата, хотя без насилия не бывает диктатуры.

«Диктатура,—говорит Ленин,—означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация» (см. т. XVI, стр. 222).

«Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основной этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма» (см. т. XVI, стр. 247—248)... «Главная сущность ее (т.-е. диктатуры. *И. Ст.*) в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя—пролетариата. Его цель—создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,—и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелко-буржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму» (см. там же, стр. 226—227).

Таковы характерные черты диктатуры пролетариата.

Отсюда три основные стороны диктатуры пролетариата:

1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута, как единственно характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения. Поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена, без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала, или может отпасть,

в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации, необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила, пока что, всего лишь в одной стране. Не следует забывать, что пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность интервенции со всеми вытекающими из этой опасности последствиями.

V.

Партия и рабочий класс в системе диктатуры пролетариата.

Выше я говорил о диктатуре пролетариата с точки зрения ее исторической неизбежности, с точки зрения ее классового содержания, с точки зрения ее государственной природы, наконец, с точки зрения ее разрушительных и творческих задач, выполняемых на протяжении целого исторического периода, называемого периодом переходным от капитализма к социализму.

Теперь нам нужно поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее «механизма», с точки зрения роли и значения тех «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», совокупность которых составляет «систему диктатуры пролетариата» (Ленин) и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата.

Что это за «привода» или «рычаги» в системе диктатуры пролетариата? Что это за «направляющая сила»? Для чего они понадобились?

Рычаги или привода—это те самые массовые организации пролетариата, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры.

Направляющая сила—это передовой отряд пролетариата, это его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата.

Эти привода, рычаги и направляющая сила необходимы для пролетариата потому, что без них он оказался бы в своей борьбе за победу в положении безоружной армии перед лицом организованного и вооруженного капитала. Эти организации необходимы пролетариату потому, что без них он потерпел бы неминуемое поражение в его борьбе за свержение буржуазии, в его борьбе за упрочение своей власти, в его борьбе за строительство социализма. Систематическая помощь этих организаций и направляющая сила авангарда необходимы потому, что без этих условий невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Что это за организации?

Это, во-первых, профсоюзы рабочих, с их разветвлениями в центре и на местах в виде целого ряда производственных, культурных, воспитательных и иных организаций. Они об'единяют рабочих всех профессий. Это есть организация не партийная. Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас рабочего класса. Они являются школой коммунизма. Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе ра-

бочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса.

Это, во-вторых, *советы* с их многочисленными разветвлениями в центре и на местах в виде административных, хозяйственных, военных, культурных и других государственных организаций, плюс бесчисленное множество самочинных массовых об'единений трудящихся, облегающих эти организации и соединяющих их с населением. Советы есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация не партийная. Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата.

Это, в-третьих, *кооперация* всех видов со всеми ее разветвлениями. Это есть массовая организация трудящихся, организация не партийная, об'единяющая их, прежде всего, как потребителей, а также, с течением времени, и как производителей (сел.-хоз. кооперация). Она приобретает особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкого строительства. Она облегчает связь авангарда пролетариата с массами крестьянства и создает возможность вовлечения последних в русло социалистического строительства.

Это, в-четвертых, *союз молодежи*. Это есть массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, организация не партийная, но примыкающая к партии. Она имеет своей задачей помощь партии в деле воспитания молодого поколения в духе социализма. Она дает молодые резервы для всех остальных массовых организаций пролетариата по всем отраслям управления. Союз молодежи приобрел особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкой культурной и воспитательной работы пролетариата.

Это, наконец, *партия* пролетариата, его авангард. Ее сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Ее назначение состоит в том, чтобы *об'единять* работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и *направлять* их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А об'единять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но об'единять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата.

Почему?

> «Потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие ее с классом» (см. «Об основах ленинизма»).

Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата.

«Партия есть высшая форма классового об'единения пролетариата» (Ленин).

Итак: *профсоюзы*, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего, по линии производственной; *советы*, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего, по линии государственной; *кооперация*, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего, по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; *союз молодежи*, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов; и, наконец, *партия*, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями,—такова, в общем, картина «механизма» диктатуры, картина «системы диктатуры пролетариата».

Без партии, как основной руководящей силы, невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Таким образом, говоря словами Ленина, «получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*» (см. т. XVII, стр. 139).

Это не значит, конечно, что партия может или должна заменить профсоюзы, советы и другие массовые организации. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. Но она осуществляет ее не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через советы и их разветвления. Без этих «приводов» сколько-нибудь прочная диктатура была бы невозможна.

> «Нельзя,— говорит Ленин,—осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»... «Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнить государственные функции. Осуществлять же их приходится *через* ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно, *через**) советский аппарат» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 8—9).

Высшим выражением руководящей роли партии, напр., у нас, в Советском Союзе, в стране диктатуры пролетариата, следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии. В *этом смысле* можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, *по существу*, «диктатура» его авангарда, «диктатура» его партии, как основной руководящей силы проле-

---

*) Курсив мой. *И. Ст.*

тариата. Вот что говорил Ленин на этот счет на II Конгрессе Коминтерна:

> «Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата *в сущности**) диктатуру его организованного и сознательного меньшинства. И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может об'единить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. Если т. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет» (т. XVII, стр. 270).

Значит ли это, однако, что между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии («диктатурой» партии) можно провести *знак равенства*, что можно *отождествить* первую со второй, что можно *подменить* первую второй? Конечно, не значит. Конечно, нельзя. Вот, напр., тов. Сорин говорит, что «*диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии*» (см. «Учение Ленина о партии», стр. 95). Это положение, как видите, отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата. Можно ли признать правильным это отождествление, оставаясь на почве ленинизма? Нет, нельзя. И вот почему.

Во-первых. В вышеприведенной цитате из речи Ленина на II Конгрессе Коминтерна Ленин вовсе не отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата. Он говорит только о том, что «лишь сознательное меньшинство (т.-е. партия. *И. Ст.*) может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой», что *именно в этом смысле* «под диктатурой пролетариата мы понимаем, *в сущности**), диктатуру его организованного и сознательного меньшинства». Сказать—«в сущности» еще не значит сказать—«целиком». Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему об'ему, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по об'ему шире и богаче вопроса крестьянского. То же самое нужно сказать, по аналогии с этим, о руководящей роли партии и о диктатуре пролетариата. Если партия проводит диктатуру пролетариата и в этом смысле диктатура пролетариата является, *в сущности*, «диктатурой» его партии, то это еще не значит, что «диктатура партии» (руководящая роль) *тождественна* с диктатурой пролетариата, что первая *равняется* второй по своему об'ему. Не нужно доказывать, что диктатура пролетариата по об'ему шире и богаче руководящей роли партии. Партия

*) Курсив мой. *И. Ст.*

проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру *пролетариата*, а не какую-либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата «диктатурой» партии.

Во-вторых. Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии. Это совершенно правильно. Но значит ли это, что диктатура пролетариата *исчерпывается* руководящими указаниями партии? Значит ли это, что руководящие указания партии можно отождествить, в виду этого, с диктатурой пролетариата? Конечно, не значит. Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных степеней, составляющих далеко не маловажный момент диктатуры пролетариата. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддержать такие указания, его умение (или неумение) провести эти указания, его умение (или неумение) провести их так именно, как требует этого обстановка. Едва ли нужно доказывать, что партия, взявшая на себя руководство, не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает волю и действия класса указаниями партии.

В-третьих. «Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата» (см. т. XVI, стр. 240). В чем может выразиться эта *классовая* борьба? Она может выразиться в ряде вооруженных выступлений пролетариата против вылазок свергнутой буржуазии или против интервенции иностранной буржуазии. Она может выразиться в гражданской войне, если власть пролетариата еще не упрочена. Она может выразиться в широкой организаторской и строительной работе пролетариата, с привлечением к делу широких масс, после того, как власть уже упрочилась. Во всех этих случаях действующим лицом является пролетариат, как *класс*. Не бывало, чтобы партия, одна только партия, устраивала все эти выступления исключительно своими собственными силами, без поддержки класса. Обычно она лишь руководит этими выступлениями, и руководит ими постольку, поскольку имеет за собой поддержку класса. Ибо партия не может покрыть, не может заменить класс. Ибо партия, при всей ее важной, руководящей роли, все же остается *частью* класса. Поэтому кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает класс партией.

В-четвертых. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. «Партия—это непосредственно правящий авангард пролетариата,—это руководитель» (Ленин). В этом смысле партия *берет* власть, партия *управляет* страной. Но это еще не значит, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо советов, не через советы. Это еще не зна-

чит, что партию можно отождествить с советами, с государственной властью. Партия есть ядро власти. Но она не есть и не может быть отождествлена с государственной властью. «Как правящая партия,—говорит Ленин,—мы не могли не сливать с верхами партийными верхи советские, и они у нас слиты и будут таковыми» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 112). Это совершенно правильно. Но этим вовсе не хочет сказать Ленин, что наши советские учреждения в целом, напр., наша армия, наш транспорт, наши хозяйственные учреждения и т. д. являются учреждениями нашей партии, что партия может заменить советы и их разветвления, что партию можно отождествить с государственной властью. Ленин неоднократно говорил, что «система советов есть диктатура пролетариата», что «Советская власть есть диктатура пролетариата» (см. т. XVI, стр. 44—46), но он никогда не говорил, что партия есть государственная власть, что советы и партия одно и то же. Партия, имеющая несколько сот тысяч членов, руководит советами и их разветвлениями в центре и на местах, охватывающими несколько миллионов людей, партийных и беспартийных, но она не может и не должна заменять их собою. Вот почему говорит Ленин, что «диктатуру осуществляет организованный в советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков», что «вся работа партии идет через *) советы, которые об'единяют трудящиеся массы без различия профессий» (см. т. XVII, стр. 138—140), что диктатуру «приходится осуществлять... через *) советский аппарат» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 8). Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает советы, государственную власть партией.

В-пятых. Понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата, как «власть, опирающуюся непосредственно на насилие» (см. т. XVII, стр. 124). Говорить, ввиду этого, о диктатуре партии в отношении класса пролетариев и отождествлять ее с диктатурой пролетариата,—это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождем и учителем, но и своего рода государственной властью, применяющей к нему насилие. Поэтому, кто отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием,—оно только убивается насилием,—а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, ее связью с массами рабочего класса, ее готовностью, ее умением убеждать массы в правильности своих лозунгов.

Что же из всего этого следует?

А из этого следует то, что:

*) Курсив мой. *И. Ст.*

1) Ленин употребляет слово диктатура партии не в точном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а в переносном смысле, в смысле руководства;

2) кто отождествляет руководство партии с диктатурой пролетариата, тот извращает Ленина, неправильно присваивая партии функции насилия в отношении рабочего класса в целом;

3) кто присваивает партии несвойственные ей функции насилия в отношении рабочего класса, тот нарушает элементарные требования правильных взаимоотношений между авангардом и классом, между партией и пролетариатом.

Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о взаимоотношениях между партией и классом, между партийными и беспартийными в рабочем классе.

Ленин определяет эти взаимоотношения, как «взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 135).

Что это значит?

Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс.

Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоевывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам распознать на собственном опыте правильность политики партии, что она должна, следовательно, быть руководителем, вождем, учителем своего класса.

Нарушение этих условий означает нарушение правильных взаимоотношений между авангардом и классом, подрыв «взаимодоверия», развал и классовой, и партийной дисциплины.

«Наверное,—говорит Ленин,—теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что 2 с половиной года, но и 2 с половиной месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса *), т.-е. всем, что есть в нем мыслящего, честного самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои» (см. т. XVII, стр. 117).

«Диктатура пролетариата,—говорит дальше Ленин,—есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной, закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе *), без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (см. т. XVII, стр. 136).

Но как приобретается партией это доверие и поддержка класса? Как складывается необходимая для диктатуры пролетариата железная дисциплина, на какой почве она вырастает?

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Вот что говорит об этом Ленин:

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться до известной степени, если хотите, **слиться с самой широкой массой трудящихся***), в первую голову пролетарской, **но также н с непролетарской** трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы **собственным опытом** убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом. Их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового н действительно революционного движения» (т. XVII, стр. 119).

И далее:

«Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической партией, революционным классом, пролетариатом,—и массой, т.-е. всей совокупностью трудящихся и эксплоатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплоатируемых и внушить этому классу и этой массе **полное доверие***),—только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей н т. п.,—способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества» (см. т. XVII, стр. 232).

Из этих цитат следует, что:

1) авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе, необходимая для диктатуры пролетариата, строятся не на страхе или «неограниченных» правах партии, а на доверии рабочего класса к партии, на поддержке партии со стороны рабочего класса;

2) доверие рабочего класса к партии приобретается не сразу и не посредством насилия в отношении рабочего класса, а длительной работой партии в массах, правильной политикой партии, умением партии убеждать массы в правильности своей политики на собственном опыте масс, умением партии обеспечить себе поддержку рабочего класса, вести за собой массы рабочего класса;

3) без правильной политики партии, подкрепленной опытом борьбы масс, и без доверия рабочего класса не бывает и не может быть настоящего руководства партии;

4) партия и ее руководство, если она пользуется доверием класса и если это руководство является настоящим руководством,

*) Курсив мой. *И. Ст.*

не могут быть противопоставлены диктатуре пролетариата, ибо без руководства партии («диктатуры» партии), пользующейся доверием рабочего класса, невозможна сколько-нибудь прочная диктатура пролетариата.

Без этих условий авторитет партии и железная дисциплина есть либо пустая фраза, либо чванство и авантюра.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, напр., Парижская Коммуна, представлявшая диктатуру неполную и непрочную. Нельзя, так как диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении.

«Одна уже постановка вопроса,—говорит Ленин,—«диктатура партии **или** диктатура класса? диктатура (партия) вождей **или** диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы... что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость» (см. т. XVII, стр. 133—134).

Это совершенно правильно. Но это правильное положение исходит из той предпосылки, что имеются налицо правильные взаимоотношения между авангардом и рабочими массами, между партией и классом. Оно исходит из того предположения, что взаимоотношения между авангардом и классом остаются, так сказать, нормальными, остаются в пределах «взаимодоверия». Ну, а как быть, если правильные взаимоотношения между авангардом и классом, если отношения «взаимодоверия» между партией и классом нарушены? Как быть, если партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы правильных взаимоотношений с классом, нарушая основы «взаимодоверия»? Возможны ли вообще такие случаи? Да, возможны, если партия начинает строить свой авторитет в массах не на своей работе и доверии масс, а на своих «неограниченных» правах; если политика партии явно неправильна, а она не хочет пересмотреть и исправить свою ошибку; если политика правильна, в общем, но массы еще не готовы к ее усвоению, а партия не хочет или не умеет выждать для того, чтобы дать массам возможность убедиться на своем собственном опыте в правильности политики партии. История нашей партии даст целый ряд таких случаев. Различные группировки и фракции в нашей партии падали и рассеивались потому, что они нарушали одно из этих трех условий, а иногда и все эти условия, взятые вместе.

Но из этого следует, что противопоставление диктатуры пролетариата «диктатуре» (руководству) партии не может быть признано правильным лишь в том случае:

1) **если** под диктатурой партии в отношении рабочего класса понимать не диктатуру в собственном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а руководство партии.

исключающее насилие над классом в целом, над его большинством, как это именно и понимает Ленин;

2) если партия имеет данные быть действительным руководителем класса, т.-е. если политика партии правильна, если эта политика соответствует интересам класса;

3) если класс, если большинство класса принимает эту политику, усваивает ее, убеждается, благодаря работе партии, в правильности этой политики, доверяет партии и поддерживает ее.

Нарушение этих условий неминуемо вызывает конфликт между партией и классом, раскол между ними, их противопоставление друг другу.

Можно ли навязать классу силой руководство партии? Нет, нельзя. Во всяком случае, такое руководство не может быть сколько-нибудь длительным. Партия, если она хочет остаться партией пролетариата, должна знать, что она является, прежде всего и главным образом, руководителем, вождем, учителем рабочего класса. Мы не можем забыть слов Ленина, сказанных им на этот счет в брошюре «Государство и революция»:

> «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовать новый строй, быть учителем, руководителем вождем*) всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 317).

Можно ли считать, что партия является действительным руководителем класса, если ее политика неправильна, если ее политика приходит в столкновение с интересами класса? Конечно, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку и исправить ее. Можно было бы сослаться для подтверждения этого положения хотя бы на такой факт из истории нашей партии, как период отмены продразверстки, когда рабочие и крестьянские массы оказались явно недовольными нашей политикой и когда партия пошла, открыто и честно пошла на пересмотр этой политики. Вот что говорил тогда Ленин на X с'езде по вопросу об отмене продразверстки и введении новой экономической политики:

> «Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недовольно, что оно этой формы соотношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать»*) (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 138).

Можно ли считать, что партия должна взять на себя инициативу и руководство в организации решающих выступлений масс на том лишь основании, что политика ее в общем правильна, если эта политика не встречает еще доверия и поддержки со стороны класса, ввиду, скажем, его политической отсталости, если партии не удалось еще убедить класс в правильности своей политики, ввиду того, скажем, что события еще не назрели? Нет, нельзя. В таких случаях партия, если она

*) Курсив мой. *И. Ст.*

хочет быть действительным руководителем, должна уметь выждать, должна убеждать массы в правильности своей политики, должна помочь массам убедиться на своем собственном опыте в правильности этой политики.

> «Если нет у революционной партии,—говорит Ленин,—большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть и речи о восстании» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 255).

> «Без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс» (см. т. XVII, стр. 172).

> «Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс» (см. там же, стр. 179).

Известно, что наша партия так именно и поступала за период от апрельских тезисов Ленина до Октябрьского восстания 1917 года. И именно потому, что она действовала по этим указаниям Ленина, она выиграла восстание.

Таковы в основном условия правильных взаимоотношений между авангардом и классом.

Что значит руководить, если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются?

Руководить при таких условиях—значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии и облегчают им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии, подымать массы до уровня сознания партии и обеспечивать, таким образом, поддержку масс, их готовность к решительной борьбе.

Поэтому метод убеждения является основным методом руководства партии классом.

> «Если бы мы,—говорит Ленин,—сейчас в России, после 2 с половиной лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами» (см. т. XVII, стр. 141).

Это не значит, конечно, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько. Это означает лишь то, что раньше чем пойти на решающие политические действия, партия должна обеспечить себе, путем длительной революционной работы, поддержку большинства рабочих масс, по крайней мере, благоприятный нейтралитет большинства класса. В противном случае ленинское положение о том, что завоевание большинства рабочего класса на сторону партии является необходимым условием победоносной революции,—было бы лишено всякого смысла.

Ну, а как быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно не согласно добровольно подчиниться воле большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства? Да, может и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии па массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству, после того, как сумели убедить большинство. Следовало бы вспомнить споры в нашей партии на этот счет, имевшие место в период профсоюзной дискуссии. В чем состояла тогда ошибка оппозиции, ошибка Цектрана? Не в том ли, что оппозиция считала тогда возможным принуждение? Нет, не в этом. Ошибка оппозиции состояла тогда в том, что она, не будучи в состоянии убедить большинство в правильности своей позиции, потеряв доверие большинства, стала тем не менее применять принуждение, стала настаивать на «перетряхивании» людей, облеченных доверием большинства.

Вот что говорил тогда Ленин на X с'езде партии в своей речи о профессиональных союзах:

> «Для того, чтобы установить взаимоотношения, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку... надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов, мы бы пришли к политическому краху. *Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало убедить, а потом принудить**). Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами» (см. т. XVIII ч. 1, стр. 135).

То же самое говорит Ленин в своей брошюре «О профсоюзах»:

> «Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения» (см. там же, стр. 19).

И это совершенно правильно. Ибо без этих условий невозможно никакое руководство. Ибо только таким образом можно обеспечить единство действий в партии, если речь идет о партии, единство действий класса, если речь идет о классе в целом. Без этого—раскол, разброд, разложение в рядах рабочего класса.

Таковы в общем основы правильного руководства партии.

Всякое иное понимание руководства есть синдикализм, анархизм, бюрократизм,—все что угодно,—только не большевизм, только не ленинизм.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии, если имеются налицо правильные взаимоотношения между партией и рабочим классом, между авангардом и рабочими массами. Но из этого следует, что тем более нельзя отождествлять партию с рабочим классом, руководство («диктатуру») партии с диктатурой рабочего класса. На *том основании*, что «диктатуру» партии нельзя противопоставлять диктатуре пролетариата, тов. Сорин пришел к тому неправильному выводу, что «*диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии*». Но Ленин говорит не

*) Курсив мой. *И. Ст.*

только о недопустимости такого противопоставления. Он говорит вместе с тем о недопустимости противопоставления «диктатуры масс диктатуре вождей». Не угодно ли на *этом основании* отождествить диктатуру вождей с диктатурой пролетариата? Идя по этому пути, мы должны были бы сказать, что «*диктатура пролетариата есть диктатура наших вождей*». А ведь к этой именно глупости и ведет, собственно говоря, политика отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата...

Как обстоит дело на этот счет у т. Зиновьева?

Тов. Зиновьев стоит, в сущности, на той же точке зрения отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, что и т. Сорин, с той, однако, разницей, что т. Сорин выражается прямее и яснее, а т. Зиновьев «вертится». Достаточно взять, хотя бы, следующее место из книги т. Зиновьева «Ленинизм», чтобы убедиться в этом:

> «Что такое,—говорит т. Зиновьев,—существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания? Это—диктатура пролетариата. Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса? Коммунистическая партия! В этом смысле *у нас**) *диктатура партии*. Какова юридическая форма власти в СССР? Каков новый тип государственного строя, созданный Октябрьской революцией? Это — советская система. Одно нисколько не противоречит другому» (см. «Ленинизм», стр. 371).

Что одно другому не противоречит, это, конечно, правильно, *если* под диктатурой партии в отношении рабочего класса в целом понимать руководство партии. Но как можно ставить на *этом основании* знак равенства между диктатурой пролетариата и «диктатурой» партии, между советской системой и «диктатурой» партии? Ленин отождествлял систему советов с диктатурой пролетариата, и он был прав, ибо советы, *наши* советы, являются организацией сплочения трудящихся масс вокруг пролетариата при руководстве партии. Но когда, где, в каком своем труде ставил знак равенства Ленин между «диктатурой» партии и диктатурой пролетариата, между «диктатурой» партии и системой советов, как это делает теперь т. Зиновьев? Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождей. Не угодно ли *на этом основании*, провозгласить, что наша страна является страной диктатуры пролетариата, *то-есть* страной диктатуры партии, *то-есть* страной диктатуры вождей? А ведь к этой именно глупости и ведет «принцип» отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, вкрадчиво и несмело проводимый т. Зиновьевым.

В многочисленных трудах Ленина мне удалось отметить лишь пять случаев, где Ленин затрагивает мельком вопрос о диктатуре партии.

Первый случай—это полемика с эс-эрами и меньшевиками, где он говорит:

> «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата» (см. т. XVI, стр. 296).

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Второй случай—это «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», где он говорит:

«Крестьян пугают (особенно меньшевики и эс-эры, все, даже «левые» из них) пугалом «диктатуры одной партии», партии большевиков-коммунистов. На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала. Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса» (см. т. XVI, стр. 306).

Третий случай—это речь Ленина на II Конгрессе Коминтерна в полемике с Теннером. Эту речь я процитировал выше.

Четвертый случай—это несколько строчек в брошюре «Детская болезнь». Соответствующие цитаты уже приведены выше.

И пятый случай—это набросок схемы о диктатуре пролетариата, опубликованный в III «Ленинском Сборнике», где имеется подзаголовок под названием «Диктатура одной партии» (см. «Ленинский Сборник», III, стр. 497).

Следует отметить, что в двух случаях из пяти, в последнем и во втором случае, слова «диктатура одной партии» Ленин берет в кавычки, явно подчеркивая неточный, переносный смысл этой формулы.

Следует также отметить, что во всех этих случаях под «диктатурой партии» в отношении рабочего класса Ленин понимает не диктатуру в собственном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а руководство партии.

Характерно, что ни в одном из своих трудов, основных и второстепенных, где Ленин трактует или просто упоминает о диктатуре пролетариата и о роли партии в системе диктатуры пролетариата, нет и намека на то, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии». Наоборот, каждая страница, каждая строчка этих трудов вопиет против такой формулы (см. «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь» и т. д.).

Еще более характерно, что в тезисах II Конгресса Коминтерна о роли политической партии, выработанных под непосредственным руководством Ленина, на которые Ленин неоднократно ссылался в своих речах, как на образец правильной формулировки роли и задач партии,—мы не находим ни одного, буквально ни одного слова о диктатуре партии.

О чем все это говорит?

О том, что:

а) Ленин не считал формулу «диктатура партии» безупречной, точной, ввиду чего она употребляется в трудах Ленина крайне редко и берется иногда в кавычки;

б) в тех немногих случаях, когда Ленин был вынужден, в полемике с противниками, говорить о диктатуре партии, он обычно раз'яснял, что под диктатурой партии в отношении рабочего класса нужно понимать руководство партии;

в) во всех тех случаях, когда Ленин находил нужным определить научно роль партии в системе диктатуры пролетариата, он говорил исключительно о руководящей роли партии (а таких случаев—тысячи);

г) именно поэтому Ленин «не догадался» включить в основную резолюцию о роли партии—я имею в виду резолюцию II Конгресса Коминтерна—формулу «диктатура партии»;

д) не правы с точки зрения ленинизма и политически близоруки те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить «диктатуру» партии, а, значит, и «диктатуру вождей», с диктатурой пролетариата, ибо они нарушают условия правильного взаимоотношения между авангардом и классом.

Я уже не говорю о том, что формула «диктатура партии», взятая без указанных выше оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в нашей практической работе. Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывают:

а) беспартийным массам: не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия все может, ибо у нас диктатура партии;

б) партийным кадрам: действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можно и не прислушиваться к голосу беспартийных масс,—у нас диктатура партии;

в) партийным верхам: можно позволить себе роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже немножечко зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а «значит», и диктатура вождей.

Об этих опасностях уместно напомнить именно теперь, в период под'ема политической активности масс, когда готовность партии внимательно прислушиваться к голосу масс представляет для нас особую ценность, когда чуткость к запросам масс является основной заповедью нашей партии, когда от партии требуется особая осмотрительность и особая гибкость в политике, когда опасность зазнаться является одной из самых серьезных опасностей, стоящих перед партией в деле правильного руководства массами.

Нельзя не вспомнить золотых слов Ленина, сказанных им на XI с'езде нашей партии:

«В народной массе мы (коммунисты) все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собой масс, и вся машина развалится».

«Правильно выражать то, что народ сознает»,—это именно и есть то необходимое условие, которое обеспечивает за партией почетную роль основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата.

VI.

Вопрос о победе социализма в одной стране.

В брошюре «Об основах ленинизма» (апрель 1924 г.) имеются две формулировки по вопросу о победе социализма в одной стране. Первая формулировка гласит:

«Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран, или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — все это ведет не только к возможности, но и необходимости победы пролетариата в отдельных странах» (см. 3-ю главу брошюры).

Это положение совершенно правильно, и оно не нуждается в комментариях. Оно направлено против теории социал-демократов,

считающих взятие власти пролетариатом в одной стране, без одновременной победоносной революции в других странах,—утопией.

Но в брошюре «Об основах ленинизма» имеется еще вторая формулировка. Там сказано [1]):

> «Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма—организация социалистического производства—остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны,—об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно,—для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран» (см. там же).

Эта вторая формулировка была направлена против утверждения критиков ленинизма, против троцкистов, заявлявших, что диктатура пролетариата в одной стране, при отсутствии победы в других странах, не может «устоять против консервативной Европы».

Постольку,—но только постольку,—эта формулировка являлась тогда (апрель 1924 г.) достаточной, и она, несомненно, сослужила известную пользу.

Но впоследствии, когда критика ленинизма в этой части была уже преодолена в партии и когда на очередь стал новый вопрос, вопрос о возможности построения полного социалистического общества силами нашей страны, без помощи извне,—вторая формулировка оказалась уже явно недостаточной и, потому, неправильной.

В чем состоит недостаток этой формулировки?

Ее недостаток состоит в том, что она связывает в один вопрос два разных вопроса: вопрос о *возможности* построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя *вполне гарантированной* от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков, без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ. Я уже не говорю о том, что эта формулировка может дать повод думать, что организация социалистического общества силами одной страны невозможна, что, конечно, не правильно.

На этом основании я видоизменил, исправил эту формулировку в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.), расчленив этот вопрос на два вопроса: на вопрос о *полной гарантии от реставрации буржуазных порядков* и вопрос о *возможности построения полного социалистического общества в одной стране*. Это было достигнуто, во-первых, путем трактовки «полной победы социализма», как «полной гарантии от восстановления старых порядков», возможной лишь в порядке «совместных усилий пролетариев нескольких стран», и, во-вторых, путем провозглашения, на основании брошюры Ленина «О кооперации», той неоспоримой истины, что мы имеем все необходимое для построения полного социалистического общества (см. «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»).

[1]) Речь идет о первом издании.

Эта новая формулировка вопроса и легла в основу известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП», рассматривающей вопрос о победе социализма в одной стране в связи со стабилизацией капитализма (апрель 1925 г.) и считающей построение социализма силами нашей страны возможным и необходимым.

Она же послужила основой моей брошюры «К итогам работ XIV партконференции, изданной непосредственно после XIV партконференции, в мае 1925 г.

По вопросу о постановке вопроса о победе социализма в одной стране в этой брошюре сказано:

> «Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством (речь идет здесь о построении социализма в одной стране. *И. Ст.*) Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма и всеми остальными странами, как странами капитализма (речь идет здесь об окончательной победе социализма. *И. Ст.*)»... «Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран,—тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист» (см. «К итогам работ XIV партконференции»).

По вопросу о *победе* социализма в нашей стране брошюра говорит:

> «Мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса»... ибо «при диктатуре пролетариата у нас имеются... все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами» (см. там же).

По вопросу же об *окончательной* победе социализма там сказано:

> «Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» (см. там же).

Кажется, ясно.

Известно, что в том же духе толкуется этот вопрос в моей брошюре «Вопросы и ответы» (июнь 1925 г.) и в политотчете ЦК на XIV с'езде ВКП (декабрь 1925 г.).

Таковы факты.

Эти факты известны, я думаю, всем и каждому, в том числе и т. Зиновьеву.

Если теперь, спустя почти два года, после идейной борьбы в партии и после принятой резолюции на XIV партконференции (апрель 1925 г.), т. Зиновьев находит возможным в своем заключительном слове на XIV партс'езде (декабрь 1925 г.) вытащить старую, совершенно недостаточную, формулу из брошюры Сталина, писанной в апреле 1924 г., как базу для решения уже решенного вопроса о победе социализма в одной стране,—то эта своеобразная манера тов. Зиновьева говорит лишь о том, что он окончательно запутался в этом вопросе. Тащить партию назад,

после того как она ушла вперед, обходить резолюцию XIV партконференции, после того как она подтверждена пленумом ЦК,—это значит безнадежно увязнуть в противоречиях, не верить в дело строительства социализма, сойти с пути Ленина и расписаться в своем собственном поражении.

Что такое *возможность* победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах.

Без такой возможности строительство социализма есть строительство без перспективы, строительство без уверенности построить социализм. Нельзя строить социализм, не будучи уверен, что его можно построить, не будучи уверен, что техническая отсталость нашей страны не является *непреодолимым* препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть неверие в дело строительства социализма, отход от ленинизма.

Что такое *невозможность* полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революций в других странах?

Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а, значит, и реставрации буржуазных порядков без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма.

«Мы, живем,—говорит Ленин,—не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией» (т. XVI, стр. 102).

«Мы имеем перед собою,—говорит Ленин в другом месте,—в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое, известное равновесие. Надолго ли это—не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком—уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это—быть на-чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (т. XVIII, ч. 1, стр. 425).

Кажется, ясно.

Как обстоит дело у тов. Зиновьева насчет вопроса о победе социализма в одной стране?

Слушайте:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов, и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата»... «Чтобы еще точнее уяснить себе,—говорит дальше тов. Зиновьев,—как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная *возможность* строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, *может* мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества» (см. «Ленинизм» т. Зиновьева, стр. 291 и 293).

Что все это может означать?

А то, что под окончательной победой социализма в одной стране т. Зиновьев понимает не гарантию от интервенции и реставрации, а возможность построения социалистического общества. Под победой же социализма в одной стране т. Зиновьев понимает такое строительство социализма, которое не может и не должно привести к построению социализма. Строительство на авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество,—такова позиция т. Зиновьева.

Строить социализм *без возможности* построить его, строить, *зная, что не построишь*,—вот до каких несообразностей договорился т. Зиновьев.

Но это ведь издевка над вопросом, а не разрешение вопроса!

А вот еще одно место из заключительного слова т. Зиновьева на XIV партс'езде:

«Вы посмотрите, до чего, напр., договорился т. Яковлев на последней Курской губпартконференции. Можем ли мы в одной стране,—спрашивает он,—будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм? И отвечает: «На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство,—мы этот социализм построим» («Курская Правда», № 279 от 8 декабря 1925 г.). *Разве это ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?*» *).

Таким образом, по Зиновьеву выходит, что признать возможность построения социализма в одной стране—это значит стать на точку зрения национальной ограниченности, а отрицать такую возможность—значит стать на точку зрения интернационализма.

Но если это верно,—стоит ли вообще вести борьбу за победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства? Но следует ли из этого, что такая победа невозможна?

Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства,—вот куда приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

И эту несообразность, не имеющую ничего общего с ленинизмом, преподносит нам т. Зиновьев как «интернационализм», как «стопроцентный ленинизм»!

Я утверждаю, что в важнейшем вопросе о строительстве социализма т. Зиновьев отходит от ленинизма, скатываясь на точку зрения меньшевика Суханова.

Обратимся к Ленину. Вот что он говорил о победе социализма в одной стране еще до Октябрьской революции, в августе 1915 года:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны,

*) Курсив мой. *И. Ст.*

экспроприировав капиталистов и *организовав у себя социалистическое производство**), встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (см. т. XIII, стр. 133).

Что значит подчеркнутая фраза Ленина: «организовав у себя социалистическое производство»? Это значит, что пролетариат победившей страны *может* и *должен* организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит построить социалистическое общество. Едва ли нужно доказывать, что это ясное и определенное положение Ленина не нуждается в дальнейших комментариях. В противном случае непонятны были бы призывы Ленина ко взятию власти пролетариатом в октябре 1917 года.

Вы видите, что это ясное положение Ленина, как небо от земли, отличается от путанного и антиленинского «положения» т. Зиновьева о том, что мы можем строить социализм «в рамках одной страны» при *невозможности* построить его.

Это было сказано Лениным в 1915 году, до взятия власти пролетариатом. Но, может быть, у него изменились взгляды после опыта взятия власти, после 1917 года? Обратимся к брошюре Ленина «О кооперации», писанной в 1923 г.

> «В самом деле, — говорит Ленин,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, *разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества**). Это еще не построение социалистического общества, но *это все необходимое и достаточное для этого построения*»*) (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Иначе говоря: мы можем и должны построить полное социалистическое общество, ибо мы имеем в своем распоряжении все необходимое и достаточное для этого построения.

Кажется, трудно выразиться яснее.

Сравните это классическое положение Ленина с антиленинской отповедью т. Зиновьева против т. Яковлева и поймете, что Яковлев только повторил слова Ленина о возможности построения социализма в одной стране, а Зиновьев, выступая против этого положения, бичуя т. Яковлева, отошел от Ленина и стал на точку зрения меньшевика Суханова, на точку зрения невозможности построения социализма в нашей стране ввиду ее технической отсталости.

Неизвестно только, для чего же мы брали власть в октябре 1917 г., если не рассчитывали построить социализм?

Не надо было брать власть в октябре 1917 года,— вот к какому выводу приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

Я утверждаю далее, что в важнейшем вопросе о победе социализма т. Зиновьев пошел *против* определенных решений

*) Курсив везде мой. *И. Ст.*

нашей партии, зафиксированных в известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП в связи с расширенным пленумом ИККИ».

Обратимся к этой резолюции. Вот что сказано там о победе социализма в одной стране:

> «Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. *гарантией от реставрации**) является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран». ...«Ленинизм учит, что окончательная победа социализма в *смысле полной гарантии от реставрации**) буржуазных отношений возможна только в международном масштабе...». «Из этого отнюдь *не вытекает**), что невозможна постройка *полного социалистического общества**) в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран» (см. резолюцию).

Вы видите, что резолюция трактует окончательную победу социализма, как гарантию от интервенции и реставрации, — в *полную противоположность* трактовке тов. Зиновьева в его книге «Ленинизм».

Вы видите, что резолюция признает возможность постройки полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» более развитых в технико-экономическом отношении стран,—в *полную противоположность* обратному утверждению т. Зиновьева в его отповеди против т. Яковлева в заключительном слове на XIV партс'езде.

Как назвать это, как не борьбой т. Зиновьева *против* резолюции XIV партконференции?

Конечно, партийные резолюции иногда не безгрешны. Бывает, что партийные резолюции содержат ошибки. Вообще говоря, можно предположить, что резолюция XIV партконференции тоже содержит некоторые ошибки. Возможно, что т. Зиновьев считает данную резолюцию ошибочной. Но тогда об этом надо сказать ясно и открыто, как подобает большевику. Однако, т. Зиновьев не делает этого почему-то Он предпочел избрать другой путь, путь тыловых атак резолюции XIV партконференции, при замалчивании этой резолюции и при отсутствии какой бы то ни было открытой критики резолюции. Тов. Зиновьев думает, видимо, что этот путь лучше всего достигает цели. А цель у него одна,— «улучшить» резолюцию и «немножечко» подправить Ленина. Едва ли нужно доказывать, что т. Зиновьев ошибся в своих расчетах.

Откуда проистекает ошибка т. Зиновьева, где корень этой ошибки?

Корень этой ошибки заключается, по-моему, в уверенности т. Зиновьева в том, что техническая отсталость нашей страны является *непреодолимым* препятствием к построению полного социалистического общества, что пролетариат не может построить социализм, ввиду технической отсталости нашей страны. Тов. Зиновьев и тов. Каменев одно время пробовали выступить с этим аргументом на одном из заседаний ЦК партии перед апрельской партконференцией. Но они получили отповедь и вынуждены были отступить, подчинившись *формально* про-

*) Курсив везде мой. *И. Ст.*

тивоположной точке зрения, точке зрения большинства ЦК. Но, подчинившись ей формально, т. Зиновьев все время продолжал борьбу с ней (см. книгу т. Зиновьева «Ленинизм» и заключительное слово на XIV партс'езде). Вот что говорит об этом «инциденте» в ЦК ВКП Московский Комитет нашей партии в своем «Ответе» на письмо Ленинградской губпартконференции:

«Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем итти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения т. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции» (см. «Ответ»).

Этот документ появился в печати во время первых заседаний XIV партс'езда. Тов. Зиновьев, конечно, имел возможность выступить против этого документа еще на с'езде. Характерно, что у т.т. Зиновьева и Каменева не нашлось аргументов против этого тяжкого обвинения, выставленного против них Московским Комитетом нашей партии. Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. Обвинение, видимо, попало в цель. Т. Зиновьев и т. Каменев «ответили» на это обвинение молчанием потому, что нечем было его «крыть».

Новая оппозиция обижается, что т. Зиновьева обвиняют в неверии в дело победы социалистического строительства в нашей стране. Но если т. Зиновьев после целого года обсуждения вопроса о победе социализма в одной стране, после того, как точка зрения т. Зиновьева была отвергнута Политбюро ЦК (апрель 1925 г.) после того, как сложилось уже определенное мнение партии по этому вопросу, зафиксированное в известной резолюции XIV партконференции (апрель 1925 г.), если после всего этого т. Зиновьев решается выступить в своей книге «Ленинизм» (сентябрь 1925 г.) против точки зрения партии, если он потом повторяет это выступление на XIV с'езде,—то как об'яснить все это, это упорство, эту настойчивость в отстаивании своей ошибки, как не тем, что т. Зиновьев заражен, безнадежно заражен, неверием в дело победы социалистического строительства в нашей стране?

Тов. Зиновьеву угодно трактовать это свое неверие, как интернационализм. Но с каких это пор отход от ленинизма в кардинальном вопросе ленинизма стал трактоваться у нас, как интернационализм?

Не вернее ли будет сказать, что не партия, а т. Зиновьев грешит здесь против интернационализма и международной революции? Ибо что такое наша страна «строящегося социализма», как не база мировой революции? Но может ли она быть настоящей базой мировой революции, если она неспособна построить социалистическое общество? Может ли она остаться тем величайшим притягательным центром для рабочих всех стран, каким она, несомненно, является теперь, если она неспособна добиться у себя победы над капиталистическими элементами нашего хозяйства, победы социалистического строительства? Я думаю, что не может. Но не следует ли из этого, что неверие в победу социалистического строительства, проповедь этого неверия ведет к развенчанию нашей страны, как базы мировой революции, развенчание же нашей страны ведет к ослаблению мирового революционного движения? Чем отпугивали от нас рабочих г.г. социал-демократы? Проповедью о том, что «у русских ничего не выйдет». Чем мы бьем теперь социал-демократов, привлекая к себе целые вереницы рабочих делегаций и укрепляя тем самым позиции коммунизма во всем мире? Нашими успехами по строительству социализма. Но разве не ясно после этого, что, кто проповедует неверие в наши успехи по строительству социализма, тот помогает косвенно социал-демократам, тот ослабляет размах международного революционного движения, тот неизбежно отходит от интернационализма?..

Вы видите, что с «интернационализмом» тов. Зиновьева дело обстоит ничуть не лучше, чем с его «стопроцентным ленинизмом» в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

Поэтому XIV партс'езд поступил правильно, определив взгляды новой оппозиции, как «неверие в дело строительства социализма» и «извращение ленинизма».

VII.

Борьба за победу социалистического строительства.

Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции. Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства,—все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны.

Что такое неверие в победу социалистического строительства в нашей стране?

Это есть, прежде всего, отсутствие уверенности в том, что основные массы крестьянства могут втянуться, в силу известных условий развития нашей страны, в дело социалистического строительства.

Это есть, во-вторых, отсутствие уверенности в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своем распоряжении командные высоты народного хозяйства, способен втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства.

Из этих положений исходит молчаливо оппозиция в своих построениях о путях нашего развития,—все равно,—делает ли она это сознательно или бессознательно.

Можно ли втянуть основную массу советского крестьянства в дело социалистического строительства?

В брошюре «Об основах ленинизма» имеются на этот счет два основных положения:

1) «Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее в виду этого резервом проле-

тариата,—это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего в виду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и политическое сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству,—не может не составлять исключительно благоприятный материал для экономического сотрудничества с пролетариатом».

2) «Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма, в обстоновке глубокой дифференциации крестьянства, с крупными имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наемным рабством—на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути, хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом—в области производства продуктов сельского хозяйства»... «Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наемного рабства, путь нищеты и разорения».

Правильны ли эти положения?

Я думаю, что оба эти положения являются правильными и неоспоримыми для всего нашего строительного периода в условиях нэпа.

Они являются лишь выражением известных тезисов Ленина о смычке пролетариата и крестьянства, о включении крестьянских хозяйств в систему социалистического развития страны, о том, что пролетариат должен двигаться к социализму вместе с основными массами крестьянства, о том, что кооперирование миллионных масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне, что при росте нашей социалистической индустрии «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 144).

В самом деле, по какому пути может и должно пойти развитие крестьянского хозяйства в нашей стране?

Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство. Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелко-товарное. А что такое мелко-товарное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутьи между капитализмом и социализмом. Оно может развиться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата.

Откуда такая неустойчивость, несамостоятельность крестьянского хозяйства? Чем ее об'яснить?

Об'ясняется она распыленностью крестьянских хозяйств, их неорганизованностью, их зависимостью от города, от индустрии, от кредитной системы, от характера власти в стране, наконец, тем общеизвестным положением, что деревня идет и должна итти за городом, как в материальном, так и в культурном отношении.

Капиталистический путь развития крестьянского хозяйства означает развитие через глубочайшую дифференциацию крестьянства, с крупными латифундиями на одном полюсе и массовым обнищанием на другом полюсе. Такой путь развития является неизбежным в капиталистических странах, потому что деревня, крестьянское хозяйство находится в зависимости от города, от индустрии, от концентрированного кредита в городе, от характера власти, а в городе царит буржуазия, капиталистическая промышленность, капиталистическая кредитная система, капиталистическая государственная власть.

Обязателен ли этот путь развития крестьянских хозяйств в нашей стране, где город имеет совершенно другой облик, где индустрия находится в руках пролетариата, где транспорт, кредитная система, государственная власть и т. д. сосредоточены в руках пролетариата, где национализация земли является всеобщим законом в стране? Конечно, не обязателен. Наоборот. Именно потому, что город является руководителем деревни, а в городе царит у нас пролетариат, держащий в руках все командные высоты народного хозяйства, именно поэтому крестьянские хозяйства должны пойти в своем развитии по другому пути, по пути социалистического строительства.

Что это за путь?

Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь об'единения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии сбыта продуктов земледелия и снабжения крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельско-хозяйственного производства.

И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец, кооперирование по линии кредита и производства (сел.-хоз. товарищества) является единственным путем под'ема благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения.

Говорят, что крестьянство у нас несоциалистично по своему положению, что ввиду этого оно неспособно к социалистическому развитию. Это, конечно, верно, что крестьянство несоциалистично по своему положению. Но это не есть аргумент против развития крестьянских хозяйств по пути социализма, если доказано, что деревня идет за городом, а в городе командует социалистическая промышленность. Во время Октябрьской революции крестьянство тоже не являлось социалистическим по своему положению, и оно вовсе не хотело установить в стране социализм. Оно добивалось тогда, главным образом, ликвидации помещичьей власти и окончания войны, установления мира. Тем не менее, оно пошло тогда за социалистическим пролетариатом. Почему? Потому, что свержение буржуазии и взятие власти социалистическим пролетариатом явилось тогда единственным путем выхода из империалистической войны, единственным путем установления мира. Потому, что других путей не было тогда и не могло быть. Потому, что нашей партии удалось тогда нащупать, найти ту степень соединения и подчинения специфических интересов крестьянства (свержение помещика, мир) общим интересам страны

(диктатура пролетариата), которая оказалась приемлемой и выгодной для крестьянства. И крестьянство, несмотря на его несоциалистичность, пошло тогда за социалистическим пролетариатом.

То же самое нужно сказать о социалистическом строительстве в нашей стране, о вовлечении крестьянства в русло этого строительства. Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать, и обязательно станет, на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения, кроме смычки с пролетариатом, кроме смычки с социалистической промышленностью, кроме включения крестьянского хозяйства в общее русло социалистического развития через массовое кооперирование крестьянства.

Почему именно через массовое кооперирование крестьянства? Потому, что в массовом кооперировании «мы нашли ту степень соединения частного интереса, частно-торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам» (Ленин), которая является приемлемой и выгодной для крестьянства и которая обеспечивает пролетариату возможность вовлечения основной массы крестьянства в дело социалистического строительства. Именно потому, что крестьянству выгодно организовать сбыт своих товаров и снабжение своего хозяйства машинами через кооперацию, именно поэтому оно должно пойти, и оно пойдет, по пути массового кооперирования.

А что означает массовое кооперирование крестьянских хозяйств при главенстве социалистической промышленности?

Оно означает о т х о д мелко-товарного крестьянского хозяйства от старого капиталистического пути, чреватого массовым разорением крестьянства, и п е р е х о д на новый путь развития, на путь социалистического строительства.

Вот почему борьба за новый путь развития крестьянского хозяйства, борьба за вовлечение основной массы крестьянства в дело строительства социализма является очередной задачей нашей партии.

XIV с'езд ВКП поступил поэтому правильно, постановив, что: «Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы, при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы» (см. резолюцию с'езда по отчету ЦК).

Глубочайшая ошибка новой оппозиции состоит в том, что она не верит в этот новый путь развития крестьянства, не видит или не понимает всей неизбежности этого пути в условиях диктатуры пролетариата. А не понимает она этого потому, что не верит в победу социалистического строительства в нашей стране, не верит в способность нашего пролетариата повести за собой крестьянство по пути к социализму.

Отсюда непонимание двойственного характера нэпа, преувеличение отрицательных сторон нэпа и трактовка нэпа, как отступления по преимуществу.

Отсюда преувеличение роли капиталистических элементов нашего хозяйства и преуменьшение роли рычагов нашего социалистического развития (социалистическая промышленность, кредитная система, кооперация, власть пролетариата и т. д.).

Отсюда непонимание социалистической природы нашей государственной промышленности и сомнения в правильности кооперативного плана Ленина.

Отсюда раздувание дифференциации в деревне, паника перед кулаком, преуменьшение роли середняка, попытки сорвать политику партии по обеспечению прочного союза с середняком и, вообще, метание из стороны в сторону в вопросе о политике партии в деревне.

Отсюда непонимание той громадной работы партии по вовлечению миллионных масс рабочих и крестьян в строительство промышленности и сельского хозяйства, в оживление кооперации и советов, в управление страной, в борьбу с бюрократизмом, в борьбу за улучшение и переделку нашего государственного аппарата, которая знаменует собой новую полосу развития и без которой немыслимо никакое социалистическое строительство.

Отсюда безнадежность и растерянность перед трудностями нашего строительства, сомнения в возможности индустриализации нашей страны, пессимистическая болтовня о перерождении партии и т. д.

У них, у буржуа, все обстоит более или менее хорошо; у нас же, у пролетариев,—более или менее плохо; если не подоспеет с Запада революция,—пропало наше дело,—таков общий тон новой оппозиции, являющийся, по-моему, тоном ликвидаторским, но для чего-то выдаваемый оппозицией (должно быть, для потехи) за «интернационализм».

Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорит т. Зиновьев. Все это, конечно, неверно. На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он расчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет, и наступаем с успехом, развивая нашу индустрию, развивая советскую торговлю, тесня частный капитал.

Но каков смысл тезиса—нэп есть капитализм, нэп есть отступление по преимуществу? Из чего исходит этот тезис?

Он исходит из неправильного предположения о том, что у нас происходит теперь простое восстановление капитализма, простой «возврат» капитализма. Только этим предположением можно об'яснить сомнения оппозиции насчет социалистической природы нашей промышленности. Только этим предположением можно об'яснить панику оппозиции перед кулаком. Только этим предположением можно об'яснить ту поспешность, с которой ухватилась оппозиция за неправильные цифры о дифференциации крестьянства. Только этим предположением можно об'яснить особую забывчивость оппозиции насчет того, что середняк является у нас центральной фигурой земледелия. Только этим предположением можно об'яснить недооценку удельного веса середняка и сомнения насчет кооперативного плана Ленина. Только этим предположением можно «обосновать» неверие новой оппозиции

в новый путь развития деревни, в путь вовлечения деревни в социалистическое строительство.

На самом деле у нас происходит теперь не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими. Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью.

Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, крупная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства.

Дифференциация не может принять прежних размеров, середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она из'ята из обращения, а наша торговая, кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплоататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнивать крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идет у нас теперь не только по старой линии, по линии организации бедноты против кулачества, но и по новой линии, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака. Тот факт, что оппозиция не понимает смысла и значения борьбы с кулачеством по этой второй линии, этот факт лишний раз подтверждает, что оппозиция сбивается на старый путь развития деревни, на путь ее капиталистического развития, когда кулак и беднота составляли основные силы деревни, а середняк «вымывался».

Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на «Продналог» Ленина, в виду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 году, когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм, как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией.

Чем же иначе об'яснить тот факт, что уже спустя два года после «Продналога», в 1923 году, Ленин стал рассматривать кооперацию по другому, считая, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 144)?

Чем же иначе это об'яснить, как не тем, что за эти два

года социалистическая промышленность успела уже вырасти, госкапитализм же не привился в должной степени, ввиду чего Ленин стал рассматривать кооперацию уже не в сочетании с госкапитализмом, а в сочетании с социалистической промышленностью?

Изменились условия развития кооперации. Должен был измениться и подход к вопросу о кооперации.

Вот, напр., одно замечательное место из брошюры Ленина «О кооперации» (1923 г.), проливающее свет на этот вопрос.

> «*При государственном капитализме**) предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. *При нашем существующем строе**) предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но *не отличаются**) от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (т. XVIII, ч. 2, стр. 143—144)

В этой маленькой цитате разрешены два больших вопроса. Во-первых, вопрос о том, что «наш существующий строй» не есть госкапитализм. Во-вторых, вопрос о том, что кооперативные предприятия, взятые в сочетании «с нашим строем», «не отличаются» от предприятий социалистических.

Я думаю, что трудно выразиться яснее.

А вот еще одно место из той же брошюры Ленина:

> «Простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (см. там же).

Очевидно, что в брошюре «О кооперации» мы имеем дело с новой оценкой кооперации, чего не хочет признать новая оппозиция и что она старательно замалчивает, вопреки фактам, вопреки очевидной истине, вопреки ленинизму.

Одно дело—кооперация, взятая в сочетании с госкапитализмом, и другое дело—кооперация, взятая в сочетании с социалистической промышленностью.

Из этого, однако, нельзя делать того вывода, что между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» лежит пропасть. Это, конечно, неправильно. Достаточно сослаться, например, на следующее место в «Продналоге», чтобы сразу уловить неразрывную связь между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» в вопросе об оценке кооперации. Вот оно:

> «Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, *до-социалистических**), даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне» (т. XVIII, ч. 1, стр. 220).

Из этой цитаты видно, что Ленин еще во время «Продналога», когда не было еще у нас развитой социалистической индустрии, считал возможным превращение кооперации, *в случае успеха*, в могучее средство борьбы против «до-социалистических», а значит, и против *капиталистических отношений*. Я думаю, что эта именно мысль и послужила впоследствии отправной точкой для его брошюры «О кооперации».

Но что из всего этого следует?

*) Курсив мой. *И. Ст.*

А из этого следует, что новая оппозиция подходит к вопросу о кооперации не по-марксистски, а метафизически. Она рассматривает кооперацию не как историческое явление, взятое в сочетании с другими явлениями, в сочетании, скажем, с госкапитализмом (в 1921 г.) или социалистической промышленностью (в 1923 г.), а как нечто постоянное и раз навсегда данное, как «вещь в себе».

Отсюда ошибки оппозиции по вопросу о кооперации, отсюда ее неверие в развитие деревни к социализму через кооперацию, отсюда сворачивание оппозиции на старый путь, на путь капиталистического развития деревни.

Такова в общем позиция новой оппозиции в практических вопросах социалистического строительства.

Вывод один: линия оппозиции, поскольку есть у нее линия, колебания и шатания оппозиции, ее неверие и растерянность перед трудностями—ведут к капитуляции перед капиталистическими элементами нашего хозяйства. Ибо если нэп есть отступление по преимуществу, если социалистическая природа государственной промышленности подвергается сомнению, если кулак почти что всесилен, на кооперацию мало надежды, роль середняка прогрессивно падает, новый путь развития деревни сомнителен, партия почти что перерождается, а революция с Запада еще не так близка,—то что же остается после всего этого в арсенале у оппозиции, на что она рассчитывает в борьбе с капиталистическими элементами нашего хозяйства? Нельзя же идти в бой с одной лишь «Философией эпохи».

Ясно, что арсенал новой оппозиции незавиден, если вообще можно назвать его арсеналом. Этот арсенал не для борьбы. Тем более он не для победы.

Ясно, что с таким арсеналом партия «в два счета» загубила бы себя,—если бы она полезла в драку, ей пришлось бы просто капитулировать перед капиталистическими элементами нашего хозяйства.

Поэтому XIV с'езд партии поступил совершенно правильно, постановив, что «борьба за победу социалистического строительства в СССР является очередной задачей партии»; что одним из необходимых условий для разрешения этой задачи является «борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательно-социалистического типа» (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические»; что «такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала»; что «С'езд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма» (см. резолюцию по отчету ЦК ВКП).

Историческое значение XIV с'езда ВКП состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппозиции, отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства.

25 января 1926 г.

Я. Яковлев.

Советский аппарат и строительство социализма.

Если сопоставить черты советской системы, разработанные Лениным, с тем, что у нас есть в действительности, то разница, несомненно, будет очень значительная. Эту разницу никто не видел с такой ясностью, как ее видел Ленин, с каждым годом все более упорно ставивший вопрос о способах переделки, улучшения, исправления советского аппарата.

Основным фактом, который приходится констатировать, является возрождение бюрократизма, бюрократическое извращение советского аппарата. По существу, вопрос о советском аппарате, т. е. об истинной природе его и возможности его исправления, является центральным во всех ленинских предсмертных статьях. Все основные недостатки советского аппарата «коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры» [1]).

Ленин давал такую характеристику советского аппарата не только в последнее время, накануне своей смерти. Все основные отрицательные черты советского аппарата и причины их возникновения были показаны Лениным еще в первые годы существования советской власти. И в черновом наброске программы, и в речи о программе, и в самой программе партии бюрократическое извращение советского аппарата Ленин подчеркивает с исключительной ясностью.

В своей книге о «Государстве и Революции» Ленин дал точное определение того, что такое бюрократ. Бюрократ есть лицо, оторванное от массы, стоящее над массой, привилегированное лицо. Государство с «бюрократическим извращением» означает, что в нем чиновник отрывается от массы, становится привилегированным лицом, становится над массой, что сами массы не борются успешно с бюрократизмом, не умеют с ним бороться и его преодолевать. Не раз Ленин спрашивал о том, кто у нас пользуется теми величайшими возможностями борьбы с бюрократизмом, которые дает самая структура советской власти, кто умеет пользоваться советскими законами для борьбы с волокитой, взяткой, что в советском государстве мешает этой борьбе, умеют ли, наконец, бороться с этой волокитой и с этим бюрократизмом сами коммунисты. И сам Ленин на это обычно ответ давал такой, что не умеют бороться, плохо борются, еще не научились бороться.

Что тут мало может помочь прямое изгнание из государственного аппарата чиновников или специалистов, перенятых нами от капиталистического строя, показывает то, что и коммунист,

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 125. «Лучше меньше, да лучше».

находящийся на ответственном посту, даже пролетарий, очень часто не только не владеет аппаратом, но им владеет аппарат. и аппарат старый.

В 1922 году особенно часто Ленин возвращался к этой мысли, подчеркивая величайшую опасность, которая исходит для советского строя от тех коммунистов, которые не только не умеют бороться с волокитой, бюрократическим перерождением нашего государства, но которые его прикрывают. И даже группу нескольких тысяч наиболее ответственных коммунистов, стоящих над всем государственным аппаратом, очень часто аппарат ведет за собой,—ведет за собой и подчиняет себе, как это говорил Ленин на XI с'езде партии, «мизерная и ничтожная культура старого побежденного царского строя».

Европейским товарищам Ленин прямо сказал в своей речи на IV конгрессе Коминтерна: «государственный аппарат очень часто работает против нас» [1]). «Против нас» это означает — против партии, руководящей движением советского государства к социализму, против пролетарского авангарда, направляющего всю свою работу в целях наиболее безболезненного продвижения вперед к социализму, против рабочего класса, все экономические и политические интересы которого требуют продвижения вперед к социализму, а не назад—к капитализму.

* * *

В чем же основная причина бюрократических извращений в советском аппарате? Здесь есть ряд причин, действующих все годы революции и коренящихся в самых экономических и культурных основах нашего государства и устранимых лишь в ряд десятилетий, с другой стороны, ряд причин, явившихся уже следствием особенностей того или иного этапа развития СССР и устранимых и относительно более короткие сроки.

Первое и основное—это то, что до сих пор, если брать международный масштаб, буржуазия сильнее нас. Несмотря на то, что русская буржуазия разбита, у ее остатков имеется огромный тыл, в лице международной буржуазии; несмотря на то, что новая российская буржуазия еще чрезвычайно слаба, ее силы умножает тот же тыл международного капитализма. Враждебность, настойчивость и борьба иностранной буржуазии против советской власти не уменьшается, а возрастает в силу того, что она еще не свергнута, и в то же время ей не удалось уничтожить советское государство. Из этого основного соотношения вытекает необходимость организации в советском государстве армии, самая структура которой определяется, в первую очередь, необходимостью для советского государства быть способным дать отпор силам иностранной буржуазии. Отсюда же необходимость сохранения и даже развития специального аппарата «полиции», который должен охранять советское государство от попыток иностранных капиталистов взять нас или разложить путем шпионажа, заговоров, подкупа тех или иных элементов новой буржуазии, а иногда и отдельных единиц, принадлежащих к рабочим или крестьянам.

Основное значение здесь имеет экономика СССР. Ее наиболее подробно Ленин характеризовал в своей брошюре о продналоге.

---

1) Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 97. Речь на IV Конгрессе Коминтерна.

Основное здесь—наличие наряду с крупной промышленностью последовательно-социалистического типа мелкого товарного крестьянского хозяйства, непрерывно рождающего капитализм, и низкая техника крупной промышленности, затрудняющая хозяйственно-экономическое руководство деревни советским городом.

В этих условиях успехи в деле изменения технической базы нашей промышленности и реорганизации мелкого крестьянского хозяйства в крупное общественное могут быть достигнуты только в течение длинного ряда лет. Тем самым, на этот длинный ряд лет остаются жить условия, порождающие бюрократическое извращение советского государственного аппарата.

Наконец, к числу причин, продолжающих действовать и неизбежно создающих условия для бюрократического извращения советского государства, относится культурный уровень страны. К вопросу о культурном уровне Ленина возвращался десятки раз за время революции, но с особой настойчивостью он выдвигает низкий культурный уровень, как важнейшую причину недостаточных наших успехов в деле развития советского аппарата в последние годы своей жизни, уже после нэпа. Если бы пролетариат ряда крупнейших капиталистических стран одержал победу над своей буржуазией, если бы даже реорганизация технической базы нашей промышленности и сельского хозяйства шла вперед наиболее быстрым темпом, то и в этих условиях низкий культурный уровень широких народных масс, несомненно, оставался бы величайшего значения препятствием к развитию советской системы. Низкий культурный уровень мешает разворачиванию того способа улучшения советского аппарата, который является единственно-действительным способом, т.-е. он мешает увеличению числа лиц, управляющих государством. Низкая культурность не только крестьянских, но и рабочих масс заставляет господствующий рабочий класс для организации советского аппарата обращаться к чиновникам, доставшимся советскому строю в наследство от дореволюционной, даже, в значительной степени, докапиталистической культуры, подчиняет часто лучших пролетариев культурному влиянию этих чиновников, превращает их часто в хозяев аппарата.

Тут имеет значение не только отсутствие простой грамотности. Простая грамотность, конечно, есть предпосылка какой бы то ни было культуры. Человек неграмотный не может стать человеком культурным, но, конечно, необходимая для строения социалистического общества культура отнюдь не покрывается одной только грамотностью. Грамотность здесь является только предпосылкой для того под'ема культуры, который Ленин считает важнейшим условием борьбы с волокитой, взяткой, бюрократическим извращением советского аппарата. У Ленина повышение культурности, под'ем культуры, есть неотрывная часть под'ема масс к управлению. Одно входит в другое и—больше того—одно сливается с другим. В условиях советской власти любое повышение культурного уровня, даже самое минимальное, прежде всего, дает увеличение числа лиц, действительно участвующих в государственном управлении, тем самым уменьшает опасность бюрократического извращения советского государства. Против тех, кто низкий культурный уровень считает достаточным основанием для отрицательного отношения к самой идее захвата советской власти, Ленин выдвигает соображение о необходимости и возможности сначала

взять власть и тем создать предпосылки для повышения культуры, а затем перейти к завоеванию необходимого культурного уровня. Именно поэтому, анализируя в своей статье «Лучше меньше, да лучше» способы улучшения советского аппарата, Ленин делает вывод о необходимости целой культурной революции.

Советская власть есть лучшая предпосылка для такого темпа под'ема культуры, которого не знает и не может знать история ни одного буржуазного государства. Ибо в буржуазном государстве власть буржуазии препятствует рабочему и крестьянину под'ем культуры превратить в непосредственное участие в управлении государством. В советском государстве с культурным под'емом становится все более реальной, все более действительной по своим результатам и борьба с бюрократическим искажением советской власти.

В этой связи делается особо понятной беспощадная враждебность Ленина ко всяческого рода «пролетарским культурам».

В выдумках «пролетарской культуры», в попытках аптекарским путем изготовить пролетарскую культуру Ленин видел всегда опасность отклонения от работы над той культурной революцией, вне которой невозможно действительное развитие советского строя. В 1919 году в своей речи на с'езде по внешкольному образованию Ленин, раз'ясняя, чем отличается советская демократия от буржуазной, и указывая, какие задачи организации и культуры стоят перед передовым классом, замечает: «Вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким пролетарским культурам» [1]).

Конечно, создать в любом пролеткульте усовершенствованного человека много легче и много скорее, чем миллионы людей поднять на такой культурный уровень, чтобы они превратились в управляющих государством. Но Ленин не останавливается перед сроками, больше того: он говорит ясно о том, что культурная революция требует длиннейших сроков...

* * *

Февральская и Октябрьская революции подняли сразу огромные слои к работе разрушительного характера. В деле уничтожения старой государственной машины буржуазии, в деле конфискации помещичьих земель и капиталистических фабрик, в деле уничтожения буржуазных земств и городских дум, в деле искоренения царской полиции принимали участие сотни тысяч и миллионы. Величайшие народные глубины подняла Октябрьская революция на дело разрушения старого слоя. Трудящиеся массы России развернули неслыханную в истории энергию разрушения, закладывая одновременно фундамент строя советов. Здесь недостатки малого культурного уровня если и давали себя чувствовать, то не имели, во всяком случае, решающего значения, ибо делом разрушения пролетарский авангард руководил превосходно, вовлекая в него миллионы трудящихся масс. В этот период (это относится в особенности ко времени октябрь 1917 г.— весна 1918 года) задача превратить старую государственную машину в возможно большее количество возможно более мелких обломков была выполнена всей народной массой.

[1]) Собр. соч., т. XVI, стр. 22, статья «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства».

Затем Советская Республика вступает в войну с бесконечно более сильными капиталистическими врагами. Война, которая требует величайшей концентрации власти, централизации и единства ее, неизбежно суживает слой, фактически участвующий в управлении. В таком же направлении, как и война, т.-е. в направлении сужения числа лиц, принимающих участие в управлении государством, действует величайшее истощение всего народа, прямой голод. В этом отношении весь период от 1919 до начала, примерно, 1924 года (и два года войны на фронтах внешних, и три года непосредственной войны с голодом и его медленного преодолевания) отличался относительным сужением массового базиса советской власти. Тем самым уменьшалась возможность действительного улучшения и исправления советского аппарата.

Самый переход от задач разрушения к задачам строительным вскрывает сразу недостаток культурности, как важнейшее препятствие к развитию советского государства. Круг лиц, непосредственно переходящих к строительным задачам, чрезвычайно суживается по сравнению с тем, кто принимал участие в задачах разрушения. Переход от работы миллионов в деле разрушения к работе таких же миллионов в деле созидания оказывается значительно более трудным, чем это казалось в 1918 году. Но он все же начинается, вопреки всем тем об'ективным препятствиям, о которых мы говорили раньше.

Итак, бюрократическое извращение советского аппарата вызывается рядом причин, которые будут действовать в течение очень длительного ряда лет: буржуазное окружение, численное преобладание крестьянства в стране, низкий культурный уровень страны. Воздействие этих обстоятельств усугублялось в течение минувших лет вначале войной, затем голодом и истощением. Последние же временные причины в настоящее время отпадают.

Еще в докладе об изменении партийной программы и названия партии в марте 1918 г. Ленин констатировал, что дело строительства нового государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, которое превратило бы трудящиеся массы и в законодателей и в исполнителей, «только начато и пока начато плохо» [1]). Из того, что оно плохо начато, Ленин тут же сделал вывод о том, что плохое мы преодолеем, если история позволит поработать порядочное время над советской властью. Он развивал тут же с исключительной подробностью, в каком направлении нужно работать, чтобы закрепить и развить советы, как новый тип государства несоизмеримо более высокий и прогрессивный, чем государство буржуазное. Ленин с полной уверенностью намечал пути дальнейшего превращения имеющегося государства в государство подлинно социалистическое. В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» в 1921 году Ленин писал: «Доделывать, переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна

[1]) Собр. соч., т. XV, стр. 154. Доклад об изменении партийной программы и названия партии.

сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Передолок предстоит много и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)» [1]). В речи на XI с'езде партии он пояснил ту же мысль сравнением советской системы с паровой машиной, которая была плохой, когда она была изобретена. («Даже неизвестно работала ли она»). Как из этой первой плохой паровой машины родился в результате развития паровоз, так и из первой советской государственной машины родится в результате развития социалистическое общество. Самое трудное было ее открыть, изобрести, иначе говоря, свергнуть власть буржуазии, отбросить ее первый натиск. Теперь же, заложив основы советской системы, мы имеем бесконечное количество возможностей улучшения нашей государственной машины.

Сопоставление ленинского чернового наброска и текста программы нашей партии позволяет выделить те пути исправления советского аппарата, которые Ленин считал основными.

Пункт первый соответствующего раздела программы требует от партии работы над проведением полностью того высшего типа демократизма, которым является советская власть.

Пункт второй ставит задачу перед партией добиться сужения и, наконец, полной отмены всех мер по лишению политических прав и ограничению свободы по мере того, как будет исчезать об'ективная возможность эксплоатации человека человеком. В черновом наброске проекта программы это же формулируется так: «Распространение советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплоататоров, на все население» [2]).

Пункт третий и четвертый, детализируя способы обеспечения советской властью действительной демократии для рабочих и крестьян, требуют от партии вовлечения все более широких масс населения в пользование демократическими правами (в особенности подчеркивая необходимость работы над уничтожением фактического неравноправия женщины).

Пункт пятый, перечисляя основные черты советов, ставит перед партией задачу добиваться все большего сближения органов власти с массами, путем осуществления массами демократизма, в особенности путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц (в черновом наброске программы имеется обычное ленинское перечисление наиболее характерных черт советской системы, отличающих ее, как более высокий тип демократии, от буржуазного государства).

Пункт шестой ставит задачей укрепление связи и единства рабочих и солдат в советах (соответствующий пункт чернового наброска подчеркивает необходимость укрепления и развития вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа, и развития организации всенародного вооружения).

Пункт седьмой программы раз'ясняет временный характер закрепленных конституцией преимуществ рабочих перед крестьянами и предлагает партии использовать их для усиления связи передовых пролетариев с крестьянскими массами.

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 412. Статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

[2]) Собр. соч., т. XV, стр. 161. Черновой набросок проекта программы.

Пункт восьмой, указывая на возрождение бюрократизма внутри советской системы, для преодоления этого бюрократизма рекомендует следующие меры: «1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством; 2) последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления; 3) постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» [1]). В черновом наброске программы эти же мероприятия рассматриваются, как пути дальнейшего развития советского государства. И, наконец, и черновой набросок и программа рассматривают проведение всех этих мер развития пролетарской демократии, как средство перехода к социализму и уничтожения государственной власти.

* * *

В развитии пролетарской демократии Ленин видит основной путь к искоренению бюрократизма. Он предлагает учиться у парижских коммунаров тому, как притти к полному разрушению бюрократизма. В «Государстве и Революции» Ленин рассматривает движение и развитие пролетарской демократии, как основные меры против превращения рабочих и крестьян в советах в бюрократов (условия для этого—Ленин при этом ссылается на Маркса—выборность, сменяемость, соответствующая плата не выше среднего рабочего, сочетание управления с законодательством). Все время существования советской власти этим путем Ленин шел к преодолению бюрократизма. Характерно, что весной и летом 1918 года, во время борьбы за единство, централизацию и дисциплину, Ленин не забывал подчеркнуть, что для искоренения бюрократизма, необходимо одновременно с осуществлением беспощадной твердой власти возможно более полное развитие форм и способов контроля снизу. В черновом наброске программы устранение бюрократизма Ленин рассматривает как задачу, входящую отчасти, если не целиком, в систему мер развития пролетарской демократии. В речи «О партийной программе» на VIII с'езде он заявил еще более ясно о том, что до конца можно будет бороться с бюрократизмом и победить бюрократизм лишь тогда, «когда все население будет участвовать в управлении» [2]). На VIII с'езде вопрос о борьбе с бюрократизмом и способах его преодоления через развитие демократии вносится в партийную программу (в речи Ленина особо подчеркивается о том, что бюрократию можно потеснить только действительным проведением мер по привлечению рабочих к управлению). В речи на VII С'езде Советов по поводу надежд некоторых товарищей путем организационных перестроек уничтожить бюрократизм Ленин снова подчеркивает, что настоящий путь борьбы с бюрократизмом лежит в приучении к делу управления в широком государственном масштабе все большего числа рабочих и крестьян (при этом приводит пример того, как воздействие передовых рабочих и крестьян уменьшало бюрократизм в армии). Во время попытки перехода к мирному строительству в 1920 году Ленин указывал, что серьезно бороться с бюрократизмом можно только путем привле-

[1]) Собр. соч., т. XVI, стр. 478. Программа РКП(б).

[2]) Собр. соч., т. XVI, стр. 127. Речь о партийной программе на VIII, с'езде РКП(б).

чения низов. Здесь же он разворачивает план создания рабоче-крестьянской инспекции, которая была бы аппаратом низов, подымающихся к делу искоренения бюрократизма. В брошюре о продовольственном налоге и в наказе СТО в начальный период нэпа и в статьях о Рабкрине в 1923 году Ленин рекомендует для преодоления косности бюрократизма опять-таки привлечение низов, привлечение беспартийных, снова выдвигая рабоче-крестьянскую инспекцию, через которую должно итти расширение применения низов на борьбу с бюрократизмом (в наказе СТО он выделяет в особый раздел вопрос о приемах и результатах борьбы с бюрократизмом и волокитой, вкладывая в этот раздел, прежде всего, привлечение беспартийных, привлечение низов).

В настоящее время отпадает ряд временных препятствий к разворачиванию советской демократии (война и голод). Тем самым, создаются новые благоприятные условия для развития советской демократии (конечно, рамки возможного развития пролетарской демократии определяются экономикой страны, классовой ее структурой, культурным уровнем). Во-первых, народное хозяйство подымается, крупная промышленность последовательно-социалистического типа идет в этом под'еме впереди; во-вторых, рабочий класс восстанавливается; в-третьих, союз с крестьянством приобретает характер экономического союза пролетариев и бедняков деревни с середняком; в-четвертых, умножаются и ширятся возможности экономического и культурно-политического воздействия пролетариата на крестьянство. Окончание войны, преодоление голода, восстановление промышленности, подход к той грани, на которой начинается переделка технической базы промышленности и сельского хозяйства,—все это действует в том направлении, что, по-новому, уже на задачах созидания закладываются основы для нового вовлечения масс в дело управления государством. То, что в 1917 и в 1918 г.г. происходило на основе решения задач преимущественно разрушительных, то теперь, конечно, по-новому, по-иному будет решаться, начинает решаться на задачах созидательного характера.

В условиях не советских, в условиях буржуазного государства, экономический под'ем вроде того, который теперь переживается Советской Республикой, бурный темп восстановления ее ее производительных сил вызывал бы рост оппозиционных сил рабочего класса и трудящихся масс. В советских же условиях экономический под'ем и связанный с ним политический под'ем реализуется рабочими массами по-иному. Вместо роста оппозиции к государственной власти—расширение участия рабочих масс и идущих за ними крестьянских масс в советах, а через советы в управлении государством. В этом примере лучше, чем в каком бы то ни было другом, вскрывается действительная разница между буржуазным и советским строем.

Тем самым возможен значительный под'ем рабочих и крестьянских масс к делу управления государством. Но этот под'ем, в отличие от того, что было в 1917—1918 г.г., — под'ем не преимущественно разрушительного характера, а под'ем созидательный. Массовое участие в управлении государством ведет уже не только к уничтожению помещичьего имения, или капиталистического управления фабрикой, но к лучшей организации новой социалистической фабрики, к под'ему земледелия на новой общественно-хозяйственной основе. Тем самым мы вплотную стоим

перед вопросом, являются ли те черты советского строя, которые рисовал Ленин, фантастической утопией, владевшей Лениным до захвата власти и в первые годы власти, или это план, согласно которому надо работать. Утопия, от которой следует отказаться честному советскому чиновнику, радеющему об улучшении советского аппарата, или единственно возможный путь настоящего улучшения и роста советов? Иначе говоря, по какому пути итти: по пути ли обычного типа улучшения буржуазной машины, или по пути советского типа ее улучшения (буржуазный тип означает некоторое улучшение техники делопроизводства, или разграничения функций между различными органами власти—плохие бюрократы превращаются в хороших, нечестность уходит с низов аппарата на верхи его: вместо того, чтобы на низах красть сотни, на верхах крадут сотни тысяч и миллионы, но делают это так, что это для народа не заметно, не видно). И в этом пути (конечно, только в части удаления плохих бюрократов и улучшения техники управления, делопроизводства и отчетности) есть очень много такого, что безусловно необходимо и для советского государства. И в советском государстве хороший бюрократ лучше бюрократа плохого, радивый и старательный чиновник лучше нерадивого, умеющий писать бумажки лучше неумеющего, умеющий просителя направить в соответствующее место лучше не умеющего это делать. Величайшим плюсом для советского строя, конечно, было бы такое техническое улучшение государственной машины, которое позволило бы в той или иной степени развернуть советский аппарат по образцу лучших государственных аппаратов буржуазии. Но к этому сводить все дело было бы решительным отказом от самых основ советской системы. Ибо только улучшение технического аппарата и только превращение плохих бюрократов в хороших означало бы в наших условиях только подготовку хорошего аппарата для реставрирующейся буржуазии. Дело не только в том, чтобы аппарат технически улучшить и усовершенствовать,—дело в том, чтобы на новых социалистических началах углубить, расширить его связь с массами, слить ряд отраслей этого аппарата непосредственно с народными массами, сделать сами массы его созидателями и участниками. Иначе говоря, не только технически улучшать, перенимая буржуазную культуру, но и систематически, планомерно изо дня в день работать над осуществлением ленинского плана советского государства. Только его осуществление может гарантировать нас от того, что самое улучшение аппарата, над которым мы поработаем, не окажется оружием в руках буржуазии против нас. Только расширение и углубление связи аппарата с массами гарантирует советский аппарат от его превращения только в хороший буржуазный аппарат. Ибо ленинский план советского государства не только не был фантазией, он был составной частью, притом неот'емлемой частью движения к социализму, вне которого нет и осуществления социализма.

* * *

Мы победили наших внешних врагов из буржуазного мира, по меньшей мере, мы отбили их натиск на нас, мы уничтожили старую буржуазию, а нарождающуюся новую держим в твердых рамках, мы заканчиваем восстановительный процесс в рамках довоенного производства, мы начинаем прорывать его рамки. Тут

необходимы взгляды более «далеко идущие», соразмеряющие путь сегодняшний, сегодняшнее практическое дело с общей перспективой социалистического строительства.

Ленин учил партию этому на каждом соответствующем историческом повороте, и в особенности на каждом повороте, обеспечившем возможность мирного и органического строительства. Так это было после окончания первого периода гражданской войны и Бреста. Так это было при окончании войны еще до нэпа и при переходе к нэпу. Так это было и в предсмертных ленинских статьях.

После Бреста—вопросы государственного капитализма и с ним связанные вопросы использования специалистов и перехода от задач разрушения к задачам созидания, требующим величайшей дисциплины, выдержки, под'ема производительности труда. После окончания войны, в 1920 году,—задачи движения к коммунизму через переделку технической базы, через электрификацию, ибо коммунизм—это «советская власть плюс электрификация». В предсмертных статьях, наряду с той же темой о переделке технической базы (по-новому глубоко увязанной с крестьянской экономикой)—забота об улучшении и исправлении государственного аппарата, вне которых нельзя ни сохранить, ни улучшить отношения рабочего класса с крестьянством, ни обеспечить безболезненный путь к социализму.

Мы находимся ныне в таких условиях, когда с особой настойчивостью необходимо применять теорию развития Маркса и Ленина к пролетарскому государству. Благодаря экономическому под'ему и разворачивающемуся созидательному творчеству масс тот способ улучшения советского аппарата, на который Ленин указывал в своих предсмертных статьях — обращение к самим рабочим массам, являющимся наиболее глубоким источником силы пролетарской диктатуры,—теперь реализуется, может реализоваться в невиданном еще масштабе. Его проведение в жизнь с новой силой началось с ленинским призывом, когда в нашу партию вступило 200.000 рабочих. В новом масштабе мы подошли к ленинским путям исправления советского государственного аппарата теперь, когда начала разрешаться задача оживления советов. Ленинский план советского государства делается мерилом текущей практики. Поскольку социальная база советов остается неизменной, поскольку советы остаются формой союза рабочих и бедняков - крестьян с середняками, постольку разворачивание советской демократии есть, несомненно, шаг вперед к осуществлению первой ступени советского государства, достижение которой сделает явным движение к социализму для сотен тысяч и миллионов людей.

Единственная поправка, которую в ленинский план внесло время—это сроки перехода. Под'ем на первую ступень советского строя, характеризовавшуюся теми чертами, которые мы рассматривали выше, Ленину представлялся вначале революции значительно более быстрым и легким, чем это оказалось в действительности. Действительность показала, что шесть пунктов ленинской книги «Удержат ли большевики государственную власть?» будут осуществлены лишь в результате длительной борьбы, в которой сочетается повышение техники, повышение культурного уровня со все большим ростом пролетарской демократии, расширением привлечения масс к делу управления. Стал виден ряд

ступеней, которые были неясны еще в условиях 1917—1918 г.г., поскольку тогда нельзя было предполагать, что энергия, инициатива миллионов людей, поднявшихся к делу разрушения, не поднимается сразу в том же масштабе к делу созидания, поскольку и сроки европейской революции казались тогда более близкими.

Всем этим определяются очередные задачи, стоящие перед коммунистической партией в области развития советской системы. Основное здесь в том, что настоящие условия сделали неотложной и в то же время возможной задачу развития под руководством коммунистической партии пролетарской демократии, ее расширение, углубление, превращение отдельных ее достижений во всеобщие, планомерно и систематически проводимые на всей территории советского государства. Важнейшие формы этого развития определяет ленинская теория советского государства.

1. Выборность и сменяемость любых чиновников в любое время, право отзыва любых должностных лиц законно избравшим собранием. Мы видели, какую важность этой черте советского строя придавал всегда Ленин. Практика последних лет привела советскую страну к расширению выборности, к увеличению отчетности, к введению действительной сменяемости и установлению права отзыва не только в области советов, но и в области других общественных организаций не только рабочих, но и крестьянских (профсоюзы, кооперация и т. п.). Ленинский тип советского государства требует продолжения шагов наиболее решительных и смелых в сторону установления действительной выборности и сменяемости. При чем, безусловно, особо важным становится установление практики отзыва депутата или должностного лица, забюрократившегося, оторвавшегося от масс, или нарушившего тем или иным нечестным поступком интересы массы. Это право отзыва записано последним постановлением С'езда Советов. Оно требует своего применения, как нормы отношений избирателя к негодному депутату.

2. Расширение обучения беспартийных путем привлечения их к государственной работе, расширение связи беспартийных с авангардом, привлечение их в советы и во все общественные организации, осуществление через них того, что Ленин в письме к Мясникову прекрасно назвал проверкой партийных беспартийными. Мы уже перешли в этой области от общей постановки вопросов к практической работе, начав оживление советов. Узкий слой «командиров» и руководителей, сложившийся в итоге войны и первых годов нэпа, начал уже на деле расширяться снизу. На ряду с оживлением советов, здесь величайшее значение имеет движение рабкоров и селькоров, которое, по существу, представляет собой под'ем нового слоя беспартийных рабочих и крестьян к делу государственного управления. Они начинают с роли критиков,—и это хорошо, поскольку они видят со стороны лучше, чем кто бы то ни было другой—лучшие из них будут в дальнейшем выдвигаться в советы. По всей линии этого рода работы необходимо возможно более смелое привлечение беспартийных рабочих и крестьян к делу ответственного государственного управления. Здесь лежит основной путь расширения связи авангарда с массами и под'ема низовой массы на уровень авангарда. Косность, которая кое-где имеется в деле привлечения таких рабочих и крестьян к управлению государством, является отклонением от ленинской линии и должна быть безусловно изжита.

3. Расширение избирательного права. Здесь дело идет — в части расширения избирательного права—не столько о новых законах, сколько о под'еме активности ряда слоев, которые фактически не участвуют в выборах и управлении и еще недостаточно привлекаются к делу управления. Огромные слои кустарей, значительные слои бедных и средних крестьян в ряде районов, значительные слои женщин,—все они, как это показывают данные, не только выборов 1924 года, но и перевыборов, на деле участвуют в выборах до сих пор в сравнительно недостаточной мере. Расширение их участия в выборах диктуется как программой партии, так и всем ленинским взглядом на советы. С этим связан вопрос об уравнении в избирательных правах рабочих и крестьян. Программа партии обязалась работать систематически над уничтожением неравенства рабочих и крестьян. В конституцию это неравенство было записано, поскольку оно вытекало из отношений более организованного пролетариата и распыленной, мелко-собственнической деревни в условиях борьбы за власть в разоренной стране. Классовая природа крестьянства, низкий культурный уровень деревни, толкавший крестьян при каждом затруднении к колебанию от советской власти в сторону буржуазии, делали это неравенство одним из способов сохранения и удержания пролетарской власти от поражений в борьбе. Вопрос о некоторых шагах в сторону исчезновения этого неравенства есть вопрос, прежде всего, действительного роста экономической мощи и культуры рабочего класса, роста его воздействия на крестьянские массы—воздействия культурного и политического. В условиях продвижения к социализму, характеризующихся прежде всего восстановлением пролетариата, как класса, когда растут новые, совершенно небывалые в минувшие годы возможности культурного и политического воздействия на деревню (советы, школы, кооперация и т. д., и т. п.), неравенство рабочих и крестьян станет в будущем постепенно ненужным пережитком иного исторического периода. При этом необходимо иметь в виду как общетеоретического характера указание Ленина на необходимость итти к поголовному участию в управлении государством, так и отсутствие каких бы то ни было ленинских указаний на неравенство рабочих и крестьян в области избирательного права, как на неот'емлемую черту советского строя. Конечно, даже при уравнении избирательных прав рабочих и крестьян, не будет и не может быть уничтожено фактическое неравенство рабочего и крестьянина. Оно может исчезнуть только с развитием высших начал социалистического строя. Оно останется на весь переходный к социализму период, поскольку во весь этот период классом господствующим и ведущим к социализму всех трудящихся может быть только руководимый коммунистической партией рабочий класс.

4. Развитие форм советской работы, обеспечивающих расширение участия в деле управления не только членов совета, но и самого населения. Это расширение предусматривается партийной программой. Программа в этой части превращается в практическую программу действий. И здесь мы имеем ряд достижений, ряд примеров образцовой работы секций или комиссий, втягивающих в работу советов, помимо членов советов, и беспартийных, ряд примеров советов, в которых действительно каждый член совета начинает нести ту или иную государственную обязанность. Здесь дело не в изобретении тех или иных форм, а в

повсеместном распространении и в превращении во всеобщие тех результатов, которые опыт уже дал в том или ином месте. Задачей партии здесь является наиболее решительно и смело итти по пути возможно широкого применения того опыта, который уже себя оправдал на ряде передовых городских и сельских советов. Ленинский идеал государства требует наиболее смелого и решительного развития таких форм организации рабочих и крестьян, через которые советы рядом ступеней сливаются с самой народной массой. Действительное развитие работы таких организаций (профсоюзы, беспартийные конференции, делегатские собрания и т. д., и т. п.) требует возможно более смелой постановки на их обсуждение и рассмотрение всех хозяйственных и политических вопросов, интересующих массу, и всемерное развитие критики соответствующих мероприятий советской власти со стороны рабочих и крестьян. Опыт здесь выдвигает формы, очень часто неожиданные, и по меньшей мере, непредусмотренные каким бы то ни было указанием сверху. Необходимо их всемерно поддержать, хотя бы они не соответствовали тому или иному наркоматскому плану, или инструкции, или циркуляру. В частности, нужно решительно отбросить, как антиленинский уклон, боязнь того или иного советского бюрократа, хотя бы наиболее квалифицированного, перед таким мероприятием, как председательствование в секциях особо избранных председателей и т. п., поскольку такая боязнь отражает условия уже прошедшего периода и в настоящее время является вредным препятствием к развитию советской самодеятельности рабочих и крестьян.

Также нельзя думать, что развитие соответствующих форм работы советов может ограничиться только низовыми советскими органами. То, что Ленин говорил еще на XI с'езде партии о сессиях ВЦИК'а, которые должны стать более длительными, которые должны обсуждать проекты законов с тем, чтобы их можно было местным работникам обдумать повнимательнее и построже, которые должны разбиться на секции и комиссии,—хотя и достигнуто в некоторой мере, но пока еще в мере очень небольшой. В особенности это относится к цик'ам союзных и автономных республик, и здесь движение в сторону, указанную Лениным, является теперь неотложным.

5. Тот же ленинский тип советского государства (и это целиком подтверждает опыт строительства уже после смерти Ленина) требует в соответствии с настоящими условиями того видоизменения взаимоотношений авангарда с массами, т.-е. партии с беспартийными, которое бы полностью соответствовало ленинскому пониманию руководства и «ведения» беспартийных коммунистами. Поэтому, «не командовать» означает не только норму отношений рабочего класса и массы мельчайшего и мелкого крестьянства, но и норму отношений коммуниста с беспартийными, норму, представляющую формы руководства со стороны коммунистов беспартийными. Проводимое с наибольшей решительностью изживание командования и развитие ленинских форм руководства через все новое привлечение беспартийных к делу управления, — таков вывод в этой части из ленинской теории, из ленинского плана советского строительства. Тот же план учит нас не бояться здесь ошибок, которые, конечно, будут неизбежны при вовлечении новых широчайших слоев в дело управления. Эти ошибки под руководством пролетарского авангарда можно будет всегда исправить, но достижения, которые здесь могут

быть получены в деле развития пролетарской демократии, настолько продвигают советскую республику вперед, что здесь неопасны будут отдельные ошибки. Расширение численного состава пролетарского авангарда делается неизбежным, как вследствие роста такого типа организации, как Комсомол, так и вследствие растущего привлечения беспартийных в советы. Здесь дело идет не только о рабочих, но и о крестьянах. Известной части крестьянской молодежи, воспитываемой Комсомолом, нельзя будет закрыть двери перед партией,—это будет политически нецелесообразно и, больше того, вредно. Также нецелесообразно было бы закрытие дверей партии перед растущим активом, подымающимся через советы на уровень авангарда. Элементы, подымающиеся на уровень авангарда, партии необходимо будет постепенно впитать в себя (отнюдь не задаваясь могущей только погубить партию задачей немедленно, в год или два, влить в партию большинство рабочих или сотни тысяч крестьян). Этот путь вытекает также из ленинского понимания советского государства, предусматривающего по мере хозяйственных, экономических и культурных успехов, все большее расширение пролетарского авангарда и дальнейшие шаги по пути его слияния с массой. Все это, конечно, при условии сохранения и укрепления основного пролетарского ядра партии и той постепенности, которая необходима для обеспечения сплоченности и единства партии.

6. Развитие строительного почина, поощрение всяческих ростков коммунизма. В настоящую эпоху, когда впервые строительные задачи действительно становятся задачами реальными для сотен тысяч и миллионов, сила примера получает возможность оказывать исключительное действие. Сила примера имеет огромное значение не только в деле создания новых хозяйственных отношений, не только в деле перехода крестьянского хозяйства на высшую общественно-хозяйственную ступень, но и в деле развития пролетарской демократии. Больше того, развитие и поощрение любых зародышей нового общественного строя, вырастающих, несмотря на все препятствия, несмотря на непрерывное возрождение сил капитализма, является составной частью, притом неот'емлемой частью, пролетарской демократии. То, что Ленин писал в «Великом почине», то, что он превратил в инструкцию в своем «Наказе СТО», входит именно теперь в наступающую строительную эпоху неот'емлемым элементом развития пролетарской демократии.

7. Один из моментов пролетарской демократии, который Ленин, ссылаясь на Маркса, всегда выдвигал, является установление для чиновников оплаты не выше хорошего рабочего. Если вдуматься, то, несомненно, придется признать, что в этой области мы достигли значительно больших результатов, чем в других областях. Заработная плата чиновника у нас в среднем ниже платы хорошего рабочего [1]). Здесь придется преодолевать большое давление капиталистических отношений, борющихся с социалистическими. При решении практического вопроса о нормах оплаты той или иной категории необходимых чиновников, несомненно, руководящим началом все в большей мере будут нормы, установленные Марксом и Лениным. Это—одно из условий недопущения превращения любого выборного лица в чиновника.

1) Редакция считает это утверждение спорным.

8. Уничтожение отделения армии от населения. И здесь практические шаги вытекали и вытекают из самой классовой сущности советской власти. Переход к созданию частей переменного состава есть, по существу, начало перехода к милиционной системе. Оно вытекает не только из ленинского понимания советского государства, требующего перехода к такой системе, как гарантирующей наибольшую связь армии с народом. Мы не можем тратить крупных средств на армию, поскольку принуждены основные средства тратить на обеспечение движения к социализму, т.-е. на повышение культурного уровня и на повышение технической базы промышленности и сельского хозяйства. Классовая сущность советской власти толкает ее к поискам путей сокращения расходов на армию, и здесь, как и в других областях, выход во все большем привлечении народа к выполнению той или иной государственной функции, а в данном случае,—в конкретных шагах по пути создания милиционной армии. Конечно, эти шаги проверяются каждый раз на опыте с тем, чтобы, во-первых, боеспособность армии, необходимая для самого сохранения советской власти, крепла, во-вторых, руководство пролетарского авангарда не только сохранялось, но и укреплялось. И здесь какие бы то ни было временные неудачи не могут заставить нас отойти от этого пути, поскольку он вытекает из самой сущности, из самых основ советской системы.

9. Расширение культурной работы. Предпосылкой разворачивания советской демократии, является, по словам Ленина, целая культурная революция. Хотя в общем и целом культурная революция сливается с расширением участия рабочих и крестьян в деле управления, но, вместе с тем, взятая в узком смысле слова, она означает уничтожение неграмотности, повышение культурного уровня не только растущей молодежи, но и взрослого населения. Культурная революция предполагает грамотность. Без грамотности не может быть никакого разговора о какой бы то ни было культурной революции, хотя, конечно, она ни в коем случае не покрывается грамотностью. В этой части развитие советской демократии требует от партии мер к решительному разрыву с довоенными царскими расходами на дело культурного под'ема и культурного развития, поскольку царский режим держался темнотой, советский строй может держаться и расти только в соответствии с ростом и успехами культурной революции.

10. Наряду с ростом рабочего класса и укреплением социалистических начал народного хозяйства в условиях нэпа происходит возрождение городской и сельской буржуазии. Учение Ленина о советах показывает, что основной гарантией от реставрации капитализма является всемерное развитие советской демократии—под неизменным и твердым руководством коммунистической партии, — обеспечивающее под'ем к управлению советским государством все новых народных слоев под руководством рабочего класса. Нет лучшей гарантии прочности дела социализма, чем превращение партией—высшей руководящей силой государства—все новых сотен тысяч и миллионов рабочих, бедных и средних крестьян в самодеятельных и сознательных строителей советского государства, для которых дело социализма и дело управления советской страной—их повседневное дело.

А. Горев.

Положение электрификации в СССР и ее задачи.

I. Строительство за истекший период и план Гоэлро.

21 декабря 1921 г. СНК РСФСР издал декрет об электрификации, которым предполагалось в 10—15 лет построить 30 электрических станций общей мощности около 1.500.000 клв. и общей стоимостью около 800 милл. золотых рублей.

Развитие электростроительства шло таким образом, что уже в первые четыре года, т.-е. до 21 декабря 1925 года было установлено и пущено в действие 100.000 клв. новой мощности в расширенных старых и новых районных станциях и около 50.000 клв. на станциях местного значения.

В текущем 1926 году мощность районных станций будет расширена на 146.000 клв., а станции местного значения получат приращение свыше 180.000 клв. Программа дальнейшего развития предполагает установку и пуск в ход в 6-м году, т.-е. в 1927 г. около 250.000 клв. новой мощности в районных и больших городских станциях; развитие станций местного значения в настоящее время определить трудно.

Прирост мощности электрических станций по годам представляется в следующем виде (в тыс. киловатт):

Типы станций.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Итого
1. Районные ст.	10,0	12,0	16,0	62,0	146,0	250	496
2. Городские »	—	—	—	11,5	73,5		
3. Жел. дор. »	—	—	2,50	2,5	3,0		
4. С.-хоз. »	0,85	4,66	2,34	6,0	10.0		
5. Промышл. »	—	—	—	22,0	93,5		
Итого по 2—5	0,85	4,66	4 84	42,0	180,0		
Общий итог	10,85	16,66	20,84	104,0	326,0		

Считая только районные станции, мы в 1926 году достигали годного прироста мощности около 150.000 киловатт и в 1927 году должны пустить в ход новые 250.000 клв.

Если дальнейшее развитие пойдет таким же темпом (а, по всей вероятности, он будет превзойден), программа Гоэлро на 1.500.000 клв. будет осуществлена к началу 1932 года [1]), т.-е. ровно в 10 лет—минимальный срок, намеченный планом.

В первую очередь нами начата была постройка 7 новых районных станций из числа 30, намеченных планом Гоэлро: Волховской гидравлической на мощность в 54.000 клв. и шести паровых на местном топливе:

Шатурской на мощность	18.000	клв.
Каширской	12.000	»
Красный Октябрь	20.000	»
Балахнинской	20 000	»
Штеровской	20.000	»
Кизеловской	6.000	»
Итого	126.000	кв.

Полная стоимость этих первоочередных станций составит 163 милл. рублей, из коих на гидравлическую станцию (Волхов) приходится 85 милл. рублей и на шесть паровых станций 78 м. рублей. Действительная стоимость новых станций, считая вместе с необходимыми распределительными сетями, составляет на 1 установленный киловатт: для Волхова 1.520 р. и для паровых станций—600 р., а в среднем 870 руб. против предположенной Гоэлро средней стоимости в 416 золотых рублей. Таким образом, несмотря на тяжелые условия строительства в истекшем периоде, и неизбежные в новом деле ошибки, стоимость новых станций, учитывая общее вздорожание, не выходит из пределов первоначальных предположений.

При этом необходимо отметить, что итоговые данные, взятые за первый период, дают несколько превратное представление о действительной стоимости нашего строительства. Во-первых, в общий итог входит Волховская станция, на которой нам приходится учиться и технике и организации постройки крупных гидроэлектрических станций. Чрезвычайно продолжительный срок постройки, перебои в снабжении, необходимость переделок во время самого хода работ, особый порядок отпуска средств—вызвали перерасход свыше 50% против сметных предположений. В отношении же паровых станций, средняя стоимость которых выходит в 600 р. с установленного киловатта вместе с сетями, можно отметить два обстоятельства, повлиявших на увеличение единичной стоимости.

1. Программа строительства была значительно сокращена против предположений Гоэлро в отношении даже строящихся станций: так перечисленная выше группа первоочередных станций должна была по плану Гоэлро дать в первую очередь 310.000 квл. установленной мощности, вместо 126.000 клв., на которые она строится. Естественно, что стоимость одного установленного ки-

[1]) Первые 6 лет—500.000 клв.; вторые четыре года—по 250.000 клв. в год, а всего 1.000.000 клв.

ловатта должна была выйти при таком сокращении среднего размера станции значительно выше предположенной.

2. На первую очередь строящихся станций падает непропорционально большая часть расходов. Так, здание часто строится на всю мощность или на ближайшее расширение: Кизеловская станция, например, имеет мощность машин в 6 т. клв., а здание ее выстроено на 40.000 клв.; построенная Шатурская станция имеет возможность расширить свою мощность почти без новых строительных работ до 85 тыс. клв. при первой очереди в 48 т. клв. и т. д.

Как влияют эти обстоятельства на единичную стоимость станции можно видеть на примере Шатурской станции: ее стоимость при мощности в 48.000 клв. составит 24 милл. рублей, что дает около 500 р. на установленный клв.; расширение же до 87.000 клв. будет стоить не свыше 2 милл. рублей, что дает после расширения стоимость в 300 р. на установленный клв.

II. Опыт последних лет.

Надо отметить, что работы последних лет показывают достигнутые нами крупные успехи в области техники электрификации. Результаты эксплоатации Каширской станции дают нам право сказать, что мы разрешили задачу экономического сжигания мелочи подмосковного угля под топками котлов; работа временной Шатурской станции вполне разрешает задачу использования торфа, имеющего для нас, благодаря огромным запасам его в Союзе, исключительное значение. Достигнутые в этом отношении результаты идут дальше того, что дает заграничная практика.

Вступление новых станций в работу не могло не оказать существенного влияния на все стороны экономической жизни обслуживаемых ими районов. Тариф на электрическую энергию, составляющий основу широкого развития электроснабжения, непрерывно понижается. Так, в Московском районе средний довоенный тариф составлял 9,4 довоенных коп. за клв.-час. В 1922—23 году средний тариф был 10,7 черв. коп. За счет рационализации электроснабжения и введения в работу новых станций он постепенно понижался, спустившись в текущем году до 7,8 черв. коп. за клв.-час. Для крупной промышленности вводимый с нынешнего года тариф спускается до 3,8 коп. за клв.-час. В Ленинграде средний тариф 1913 года был 12 довоенных коп. за клв.-час. В 1923—24 г. тариф достигал 13 червон. коп.; в настоящее время он спустился до 9 коп. в среднем, при соответственно меньших ставках для крупных потребителей.

При этом снижении тарифов станции не только не терпят убытка, но и начинают становиться прибыльными. И в текущем году новые работы по развитию электроснабжения Московского района общей стоимостью свыше 10 милл. рублей будут сняты с государственного бюджета, и произведены за счет амортизационного фонда, прибылей МОГЭС и кредитов Электробанка.

Подобное положение имеет место и в Ленинградском районе.

Понижение тарифов толкает промышленность районов, обслуживаемых дешевой энергией на самую широкую электрификацию. Так, например, в Ленинграде ежегодный прирост потребности в мощности превышает 30.000 клв., благодаря чему новая Волховская станция будет полностью использована в первый же год ее открытия, и возникает потребность в дальнейшем расширении мощности станций.

В центральном промышленном районе, обслуживаемом Московским Об'единением Центральных станций, ежегодный прирост мощности достигает 60.000 клв.; некоторая недооценка этого прироста, имевшая место в истекшие годы ставит сейчас станции в очень трудное положение, не позволяя закрыть ряд старых, невыгодных станций.

Нижегородская станция, только что построенная на мощность в 20.000 клв., должна в ближайшие 2—3 года утроить свою мощность, чтобы удовлетворить спрос, пред'являемый к ней как старыми, так и вновь возникающими промышленными предприятиями района.

В дальнейшем же необходимо считаться с гораздо большим ростом потребности, учитывая, что все отрасли нашего хозяйства в своем развитии должны строиться на основе самого широкого использования электрической энергии. Между тем современное потребление ее в СССР далеко отстоит от такового и на Западе и в С.-А. С. Ш. В то время, как у нас ежегодно потребляется около 20 клв.-часов на 1 жителя, в С.-А. С. Ш. это потребление достигает 500, а в некоторых странах, богатых водной силой, еще больших размеров [1]).

И необходимо быть готовым к тому, что электрификация Союза потребует в ближайшие годы относительно значительно больших средств, чем до сих пор.

Нужно, однако, отметить, что наряду с этими достижениями наше электростроительство обнаружило ряд недостатков и встретило крупные затруднения. Так, постройка больших гидроэлектрических станций (Волхов и Земо-Авчалы) приводит к перерасходу против первоначальных смет свыше 50%, что, при учете действующего процента на капитал, делает стоимость их энергии дороже стоимости энергии современных паровых станций [2]). В некоторых случаях к постройке гидроэлектрических станций было приступлено без достаточного изучения естественных условий, что вызывало необходимость переделок во время самой работы. Наконец, совершенно неудовлетворительным оказался и существующий у нас порядок бюджетного финансирования. В этом отношении весьма поучительно исполнение бюджета электрификации в истекшем году.

На крупное строительство было предположено отпустить по смете 33.830 т. р. и гарантировать кредит строительств на сумму в 1.700 т. р., а всего; следовательно, предположено было отпустить, после всевозможных сокращений 35.530 т. р. Фактически

[1]) Швейцария —700 клв.-час., Канада —612, Норвегия—1.850, С.-А.С. Ш.—500, Швеция—346, Франция—147. Англия—139, СССР—20. Ленинградский район —260 Московский район—240.

[2]) Волхов 56 000 клв.—стоимость 85 милл. рублей, считая ежегодные расходы в 10% на капитал (процент, амортизация и эксплоатация) и использование 4.000 час. в году получим стоимость клв.-часа

85 м. р. : 56.000 × 0,1 : 4.000 = 3,8 коп. за клв.-час.

Шатура 48 000 клв. — стоимость 23.800 т. р., считая ежегодные расходы, кроме топлива, в 12% на капитал и использование 4.000 часов в году, получим

23,8 м. р. : 48 000 × 0,12 : 4.000 = 1,5 коп.

Топливо: 1,2 килограмма торфа по 14 коп. пуд на 1 клв. час.:

1,2 × 14 : 16 = 1,05 коп.

Общая себестоимость клв.-часа 1,5 + 1,05 = 2,55 коп. против 3,8 Волхова

же строительствами было израсходовано против предположенных 35,5 милл. рублей на 16 милл. рублей больше.

Еще большая разница имеет место в отношении строительства местных станций. По смете предположено было выдать на эту надобность всего 2.980 т. р., тогда как фактически было отпущено около 5.000 т. р.

Исполнение всего бюджета характеризуется такими данными, без учета негарантированного кредита, который только для крупных строительств достигает 8.356 т. р.

	По смете.	Фактически.
Наличными	38.610 т. р.	41.822 т. р.
Гарантийными письмами . . .	2.500 »	6.100 »
	41.110 т. р.	50.922 т. р.

Такой результат указывает на полное неблагополучие в этой области. Финансирование строительства производилось до сих пор по ежегодным сметам, которые урезывались по бюджетным соображениям, что срывало планы работ, удлиняло их срок, вызывало простой материалов, оборудования и рабочей силы. Между тем срок постройки играет, напр., в случае гидроэлектрических станций, при высоком стоении их капитала, решающую роль при оценке их экономичности. Часто строительства, стремясь выйти из положения прибегали к дорого стоящему банковскому кредиту.

В дальнейшем порядок финансирования должен быть радикально изменен; жесткий план отпуска кредитов должен утверждаться при самом приступе к постройке; лучше вовсе не строить станцию, чем начать постройку, не обеспечив на 100% необходимыми средствами весь план строителя.

Перечень трудностей стоящих на пути электрификации далеко не исчерпывается указанными случаями. Особенно тяжела была работа в этой области за последние полтора года, когда цены на высококалорийное топливо: уголь и нефть, в главных центрах потребления были ниже цен на местное топливо: торф и подмосковный уголь (в пересчете на единицу теплоты), что вызывалось перепроизводством донугля, конкуренцией его с нефтью и сниженными тарифами на их перевозку на далекие расстояния. Энергия новых районных станций, построенных в расчете на местное топливо, оказывалось при этом в отдельных случаях даже дороже энергии станций, работавших на привозном топливе (пример—Красный Октябрь). Такое положение вызвало сомнения в целесообразности планового строительства районных станций и не осталось без влияния на прохождение бюджета электрификации в прошлом году, который, как мы видели, был неосновательно сокращен и в дальнейшем потребовал в течение года крупных внеплановых ассигнований. В настоящее время топливная кон'юнктура резко изменилась: острый недостаток топлива заставляет промышленные предприятия отказываться от своего силового хозяйства и усиленно искать энергии районных станций.

III. Низовая электрификация.

Широкое обслуживание электрической энергией потребностей крестьянского хозяйства представляет задачу большой трудности. Разбросанность потребителя и малая величина потребной

энергии на единицу поверхности значительно удорожают стоимость деревенской электрификации по сравнению с городской. Все это требует очень осторожного экономического подхода к решению вопросов сельской электрификации. История развития крестьянской электрификации по данным НКЗема рисуется так. На 1 января 1919 года имелось всего 138 сельских станций общею мощностью в 10.200 клв., большинство коих было построено еще до войны. Затем начинается быстрый рост числа станций, одной из причин коего был острый топливный кризис, связанный с недостатком керосина в деревне.

На 1 янв.	1919 г.	станций	было	138	общ.	мощн.	в 10.200	клв.
» »	1920 »	»	»	2[illegible]1	»		» 11.900	»
» »	1921 »	»	»	318	»		» 13.150	»

Рост этот приостанавливается в 1921 году под влиянием неурожая. В этот период новые станции отличаются своей небольшой мощностью (в среднем 16 клв. на станцию), что указывает на то, что основной целью постройки станций было электрическое освещение. Начиная с 1923 года, рост, возобновляется, причем наблюдается ясно выраженная наклонность к укрупнению станций.

На 1 янв.	1923 г.	было всего . . .	345	стан.	с общей	мощн.	в 14.000 клв.
» »	1924 »	» » . . .	138	»	» »	»	» 18.660 »
» »	1925 »	» » около	490	»	» »	»	» 21.000 »
» »	1926 »	будет » »	570	»	» »	»	» 27.000 »

Средняя мощность новых станций, построенных в 1922 году достигла 32 клв. В следующие годы она повышается до 50 клв.: новые станции должны иметь в среднем мощность в 125 клв.

Это указывает на начавшийся переход к производственному применению электрической энергии в крестьянском хозяйстве. Действительно, опыт истекших лет показал, что постройка станций, служащих только для электрического освещения, в деревенских условиях экономически себя не оправдывает. Напротив, сооружение станций для снабжения крестьянского хозяйства механической энергией, необходимой для быстрой уборки урожая и, в особенности, для переработки сельско-хозяйственного сырья в пищевые продукты высокой рыночной ценности, оказывается весьма рентабельным. Там, где электрическая энергия приводит в движение молотилки, мельницы, маслобойни, картофелетерочные машины, служит для переработки льна и конопли и выделки кожи,—сельская электрификация оказывается весьма выгодной и быстро окупает затраченные средства. Там, где она строится именно на этой промысловой основе, электрическое освещение деревни также оправдывает себя, так как большая часть оборудования окупается за счет энергии, произведенной с промышленной целью.

Развиваемая в этом направлении с.-хозяйственная электрификация:

превращает продукт крестьянского хозяйства в транспортабельный товар высокой рыночной стоимости и большого экспортного значения:

создает спрос на первичную с.-хозяйственную продукцию, стимулируя интенсификацию, развитие технических культур, животноводства, повышение урожайности и т. д.;

создает промысловую крестьянскую кооперацию на основе экономических преимуществ крупного, кооперативного или коллективного, электрифицированного производства перед мелким индивидуальным;

разрешает задачу равномерного использования крестьянского труда в течение всего года, занимая крестьянина в свободное от посевных работ время в кооперативной мастерской по промышленной переработке продуктов сельского хозяйства.

Помощь быстрейшему развитию промысловой кооперации по переработке продуктов сельского хозяйства в комбинате с производственной электрификацией должна быть нашей очередной задачей. При разрешении этой задачи в первую очередь необходимо обратить внимание на использование энергии наших районных станций. При современной технике электрических станций действительно дешевую энергию как для города, так и для деревни, могут дать только крупные районные станции.

Широкое осуществление электрификации крестьянского хозяйства требует ряда организационных мероприятий. Сельская и промысловая кооперация, которые должны быть хозяевами этого дела, еще недостаточно подготовлены к этой довольно сложной, в техническом и экономическом отношениях задаче.

В этом году впервые на сельскую электрификацию отпускаются в порядке ссуды по бюджету около 4 м. рублей. Около 2 м. рублей предположено обратить на эту же надобность из займа хозяйственного восстановления. Потребность в средствах гораздо больше, однако, новизна дела вызывает необходимость в осторожности на первых порах.

IV. Электробанк.

Потребность в развитии электрификации уже сейчас далеко превышает возможности ее удовлетворения за счет средств государственного бюджета. Целый ряд явно рентабельных предприятий по электрификации остается неосуществленным или откладывается благодаря невозможности их финансирования за счет госбюджета. Таким образом, перед нами во весь рост встает задача привлечения к этому делу иных, кроме бюджетных, средств. Для разрешения этой задачи год тому назад был основан специальный банк по электрификации—Электробанк.

Несмотря на короткий срок своего существования и трудность поставленной задачи, ему удалось уже много сделать в этом направлении. Помимо помощи нашим государственным строительствам краткосрочным кредитом и централизованными операциями по снабжению, банк выдал свыше 8 м. рублей долгосрочных ссуд по строительству местных городских станций, около 5 м. р.—на электрификацию промышленности, около 1,5 м. р.—на электрификацию сельского хозяйства. Свыше 5 милл. рубл.—электропромышленности и радиостроительству. Для покрытия этих долгосрочных операций банк, получив от НКФина около 9,5 милл. рублей, сумел привлечь около 10,5 милл. рублей средств внебюджетных (акционерный капитал, твердые остатки текущих счетов и прибыли). Правда, для выполнения этой программы долгосрочных операций банку пришлось широко развернуть работу в области краткосрочного кредита (месячный оборот банка в октябре достиг 125 милл. рублей) и работать, в особенности в первое время, на дорогом кредите. Однако, деятельность банка в области долгосрочных операций непрерывно развивается, и Электробанк может стать центром финансирования тех предприятий по электрификации, которые, будучи достаточно рентабельными, не могут, по тем или другим причинам, стать об'ектом государственного финансирования.

Неоднократно возникали сомнения в целесообразности существования отдельного органа по финансированию электрификации. Между тем самое положение электрификации в ряду других отраслей народного хозяйства требует такой самостоятельности. Современная электрическая станция тесно связывается хозяйственно с промышленностью, городскими нуждами, сельским хозяйством и транспортом. Полное подчинение ее интересам какой-либо одной из этих сторон хозяйства нецелесообразно. Поэтому поручение финансировать электрификацию какому-либо одному из наших спецбанков неприемлемо. Еще более неприемлемо раздробление этой задачи между банками, так как такое раздробление поведет, да и ведет и сейчас уже, к созданию рядом нескольких станций с узкими задачами. Между тем техника современного снабжения дешевой энергией основана как раз на об'единенном питании потребителей различных категорий от одной общей сети. И именно в наших условиях возможно без трений (часто тормозящих правильное решение вопроса в капиталистических странах, где обыкновенно в таких случаях сталкиваются интересы отдельных предпринимателей) создание такого централизованного снабжения от районных станций, обслуживающих одновременно интересы промышленности, городов, сельского хозяйства и транспорта. По этим соображениям финансирование электрификации должно быть сосредоточено в особом спецбанке—Электробанке, в составе акционерного капитала которого должно быть достаточно полно представлены интересы всех перечисленных выше отраслей народного хозяйства. Рациональная увязка интересов электропромышленности со своими потребителями также может найти себе место в этом банке: как мы увидим сейчас, такая увязка необходима, так как наша электропромышленность далеко не удовлетворяет в настоящее время запросам электрификации.

V. Электропромышленность.

Основой развития широкой электрификации должна быть электропромышленность, стоящая на высоте современных технических достижений и дающая дешевые и доброкачественные изделия. Страны, стоящие на первом месте по развитию электрификации—С.Ш.С.А. и Германия—обладают одновременно развитой и сильной технически и экономически электропромышленностью. Фирмы «Дженераль Электрик Компани» и «Вестингауз» в Америке, «А. Е. G.» и «Сименс» в Германии являются крупнейшими капиталистическими предприятиями, с капиталом в сотни миллионов рублей. Франция, недостатком угля вынужденная особенно широко развернуть работу в области электрификации, первым делом обратила внимание на развитие своей электропромышленности, широко используя американский и немецкий опыт.

Восстановление и развитие нашей электропромышленности шло быстрыми шагами вперед, в особенности в последние годы. Выпуск изделий, оцененных по каталогам 1913 года составляет:

в 1913 году	71,5	м. руб.
» 1920 »	5,3	» »
» 1921 »	8,9	» »
» 1921/22 году	14,7	» »
» 1922/23 »	25,0	» »
» 1923/24 »	34,3	» »
» 1924/25 »	64,9	» »
» 1925/26 » программа	104,0	» »

Продукция текущего года должна, таким образом, на 45% превысить продукцию 1913 года.

Однако, быстрый рост выпуска изделий не означает полного благополучия в этой области. Производственная основа—это старые заводы, построенные на уровне довоенной техники. Между тем, за последние 10 лет иностранная электропромышленность сделала крупный шаг вперед в отношении техники, организации и удешевления производства. Наши цены, в особенности на изделия, имеющие массовый сбыт, в 2 и 3 раза превышают заграничные. В области построения больших паровых турбин, котлов высокого давления и других частей механического оборудования паровых станций мы технически сильно отстали от Запада.

Производить дешевую электрическую энергию мы можем только на машинах, заказанных за границей. Нажим на импорт в этой области усиливается еще тем обстоятельством, что по таким заказам нам предоставляется долгосрочный (до 6 лет) кредит в практически неограниченных размерах, что, разумеется, недоступно для наших трестов.

То широкое развитие программы электрификации, которое допускается наиболее жизненными потребностями нашего развивающегося хозяйства, становится, таким образом, в полную зависимость от иностранной электрической и связанных с ней отраслей промышленности. Такое положение должно быть изменено в корне.

Необходимо обратить самое серьезное внимание на переустройство нашей электротехнической промышленности на современной технической основе. Необходимо, наконец, переустройство старых и сооружение новых заводов и самое широкое использование иностранного технического опыта и капитала путем предоставления концессий на сооружение новых заводов.

VI. Электрификация как основа нового хозяйственного строительства.

Восстановительный период развития нашего хозяйства заканчивается. Основная задача нового хозяйственного строительства под'ем общей производительности труда на основе новой техники производства, дающей гораздо более высокую производительность труда, чем та довоенная техника, на которой основано наше восстановленное хозяйство. Широкое использование природной энергии является основой производственного процесса таких стран, как С.Ш.С.А., Германия, Франция и Англия, где общая производительность труда стоит особенно высоко. Количество работы при использовании сил природы в производственном процессе там в 80 раз превышает возможную физическую работу их трудоспособного населения. Для этого широко используются как запасы топлива, так и источники водной силы. Значительная часть их энергии находит себе применение в виде электричества. Так, потребление электрической энергии достигает в некоторых странах 500 и более клв.-часов на одного жителя в год или 2000 клв.-часов на одного трудоспособного, что в 15 раз превышает его возможную физическую работу в течение года (130 клв.-часов). Сопоставление этих коэффициентов 15 и 80 указывает на значительную роль, которую электричество играет в процессе утилизации природной энергии. К этому нужно добавить, что рост потребления электричества везде далеко превышает рост добычи топлива. Таким образом, современное высокопроизводительное хозяйство основано на широком использовании природной энергии, значительная и все возрастающая часть которой используется в виде электричества.

Чтобы поставить наше хозяйство на ту высокую базу, на которой оно стоит в передовых капиталистических странах и, тем самым, дать трудящимся Союза возможность использовать преимущество, которое дает обобществление орудий производства, нам необходимо строить новое хозяйство на основе последних достижений иностранной техники, избавив наш пролетариат от того непроизводительного труда, который ему пришлось бы нести в том случае, если бы мы ограничились совершенствованием нашей техники, игнорируя и считая «неприменимыми в русских условиях» последние достижения Запада. Мы должны устроить наше, новое хозяйство на основе самой широкой электрификации. При этом особенное внимание мы должны обратить на развитие тех наивыгоднейших форм хозяйства, которые не могут быть усвоены капиталистическими странами.

Мы уже указывали на то, что снабжение дешевой энергией составляет основу реконструкции всех отраслей народного хозяйства целых районов. Рациональное получение энергии и ее использование связывает между собой самые разнообразные отрасли хозяйства.

Примером может служить проект постройки гидроэлектрической станции на р. Днепре. Сооружение этой станции, мощностью, в первую очередь, в 200.000 клв. определяет собой план хозяйственного развертывания всего Южно-горнопромышленного района. Устройство плотины и шлюзов на Днепровских порогах создаст сплошное судоходство по этой реке, связывая дешевым водным транспортом лесные болота Запада и хлеба Украины с портами Черного моря и удешевляя перевозки донугля и нефти в район Приднепровья. Однако, со станцией связывается не только развитие водного, но и железнодорожного транспорта. Две магистрали, связывающие Донецкий каменноугольный бассейн с криворожскими железорудными месторождениями, получают сразу различное значение. Устройство гидроэлектрической станции в Александровске отдает предпочтение Южной магистрали, предопределяя ее развитие в сверхмагистраль. Ее переустройство, технически связанное с постройкой Днепровской гидростанции, существенно удешевит стоимость транспорта руды и угля, а следовательно, и стоимость черного металла. Кроме того, устройство новых металлургических заводов должно будет ориентироваться не только на руду и уголь, но и на близость гидроэлектрической энергии, так как последняя широко применяется теперь не только

при выплавке металла из руды, но и при переделе чугуна в сталь, при приготовлении сплавов железа с марганцем, кремнием, хромом, вольфрамом, аллюминием и т. д., при прокатке и дальнейшей обработке металла.

Главная связь станции с промышленностью идет, однако, в несколько ином направлении. Есть целый ряд производств, продукты которых нам крайне нужны, но которые мы не можем получить, не имея в своем распоряжении больших количеств дешевой электрической энергии. Современная Франция расходует на эти производства свыше 1 млрд. клв.-часов электрической энергии, примерно, столько, сколько может дать первая очередь Днепровской станции. Большинство из таких продуктов составляют основу современной военной техники; в настоящее время мы импортируемых их из-за границы.

Дальнейшее развитие Днепровской станции дает возможность произвести мелиорацию 750.000 десятин в низовьях Днепра и превратить их в плодородный земельный фонд столь необходимый перенаселенной Украине. Эксплоатация этого фонда позволит нам развить экспорт сельско-хозяйственной продукции, что, вследствие близости портов Черного моря, будет для нас **весьма выгодным**.

Из одного этого примера можно судить, насколько постройка большой гидроэлектрической станции теснейшим образом связывает между собой самые разнообразные отрасли народного хозяйства. В частно-капиталистических странах предприятия, которые получают выгоду от ее сооружения, находятся в руках многих частных предпринимателей, и извлечение добавочных доходов, которые эти последние получают вследствие сооружения станции, оказывается крайне затруднительным. При высокой народнохозяйственной рентабельности, сооружение такой станции, рассматриваемой как изолированное предприятие, оказывается мало доходным или даже убыточным. Такое положение имеет место, напр., с колоссальным проектом использования водных сил реки Роны во Франции, который до сего времени не мог быть осуществлен, несмотря на огромное значение его для всего хозяйства страны. Затруднения такого рода могут быть в наших условиях разрешены гораздо легче, чем в условиях Запада. В нашем новом строительстве мы можем и должны исходить из народнохозяйственной оценки новых предприятий, что значительно расширяет возможность рационального строительства.

И планы нового строительства должны учесть это обстоятельство. Планируя новые станции, мы должны одновременно планировать и те заводы, которые согласно указаниям современной техники, естественно комбинируются с производством электрической энергии или ее широким потреблением; переустройство и развитие транспорта, которое технически и экономически связывается с появлением дешевой электрической энергии в районах снабжения; реконструкцию бытовых условий крупных городов, снабжение сельской и кустарной промышленности, где наличие дешевого электричества создает совершенно новые возможности рационального использования крестьянского труда.

Общее количество произведенного страной продукта существенно зависит от того, насколько полно использован труд ее трудоспособного населения. Между тем, в сельском хозяйстве вообще, а в некоторых, относительно перенаселенных районах

Союза в особенности, использование труда, при наличном уровне техники сельского хозяйства, неравномерно и недостаточно. Задача выравнивания труда крестьянина, имеющая для нас огромное экономическое и политическое значение, в значительной степени разрешается производственным применением электричества при уборке урожая и переработке его в рыночные пищевые продукты высокой ценности в кооперативных предприятиях. Развитие нашей электрификации должно быть поэтому тесно связано с планом индустриализации земледелия.

Сеть электрических проводов, связывая между собою электрические станции и передавая энергию от наших районных станций в города, несет с собой всюду, куда она проникает, дешевую энергию. Это дает новые перспективы в отношении расселения наших фабрик и заводов по территории Союза. Избытки труда крестьянского населения являются серьезным, во многих случаях решающим фактором при определении местоположения и размера новых промышленных предприятий.

В качестве примера приведем возможную схему электроснабжения наших текстильных районов, в связи с необходимым для нас развитием текстильной промышленности. Три последовательных стадии переработки хлопка—прядение, ткачество и отделка товара—существенно различны в их отношении к размеру производственной единицы, энергии и труду. Так, прядильное производство дает существенную выгоду при концентрации; в ткацком производстве наиболее существенную роль играет труд, при чем размер производственной единицы играет второстепенную роль; оба они потребляют электрическую энергию; напротив, отделочное производство, которому концентрация также дает существенную выгоду, потребляет главным образом пар, комбинированное производство которого с производством электричества дает дешевую энергию и дешевый товар. Отсюда естественно возникает рациональность крупных прядильных, и отделочных фабрик и приближение ткацких к источнику труда, т.-е. к крестьянскому населению. Производство необходимой энергии должно быть сосредоточено в нескольких крупных отделочных фабриках, электрические станции которых должны быть включены, в интересах перестраховки, в общую сеть района. Эта энергия должна питать крупные прядильные фабрики и мелкие ткацкие фабрики, располагаемые в тех местах, где налицо имеются избытки неиспользованного крестьянского труда.

Новое хозяйственное строительство связывается с электрификацией, таким образом, и по линии наилучшего использования народного труда.

Рациональное использование сил природы и человеческого труда должно лежать в основе плана наших дальнейших работ в области электрификации.

Беннет.

Английская Независимая Рабочая Партия и единый интернационал.

После Ливерпуля.

Печальной известности Роберт Вильямс, новый председатель Рабочей Партии, поспешил заверить и утешить всех сомневающихся и колеблющихся сообщением, что Ливерпульский с'езд Рабочей Партии ликвидировал вопрос о коммунизме в Англии раз и навсегда. Видный руководитель «Плебса», считающий себя беспартийным коммунистом, Хорабэн, обнаружил меньше доверия к автоматическому действию ливерпульской резолюции и обратился с предложением к коммунистической партии—распустить свою организацию, чтобы не поставить противников исключения коммунистов в затруднительное положение. Он обещал при этом компартии, что левые сумеют оценить этот благородный акт. Лэнсбери и Брейльсфорд, подписавшие накануне с'езда манифест против исключения коммунистов, на другой день после с'езда поспешили выступить на страницах редактируемых ими журналов «Рабочий Еженедельник Лэнсбери» и «Нью Лидер» с раз'яснением, что коммунисты вполне заслужили тот удар, какой был нанесен им в Ливерпуле. Эти левые литераторы не сообразили при этом, что коммунисты честно боролись в Ливерпуле с развернутыми знаменами, а позорное поражение потерпели те, кто до с'езда делали вид, что борются против Макдональда, а на самом с'езде трусливо молчали.

Выступления этих журналистов характерны и поучительны, прежде всего, потому, что они дают некоторое представление о настроениях, которые царили в оффициальных кругах рабочего движения после победы Макдональда в Ливерпуле. Они одновременно говорят о той обстановке, в какой коммунистической партии приходится вести свою работу в Англии. Главная же их ценность в том, что они выявляют физиономию тех «левых», которые относятся к коммунистам подчас не менее злобно, чем Макдональд и его сподвижники, хотя они, как общее правило, действуют менее уверенно и более осторожно.

Боб Вильямс выдал секреты этих левых лидеров в той самой статье (см. «Лейбор Магазин», ноябрь 1925 г.), в которой он об'явил коммунистическую проблему разрешенной. Свое надгробное слово над воображаемой могилой коммунистов он заканчивает заявлением, что теперь левые начнут играть большую роль внутри рабочего движения, чем играли до сих пор. Странное пророчество! Казалось бы, что полная победа Макдональда вряд ли улучшает позицию левых. Вместе с тем, есть определенная

логика в рассуждениях героя Черной Пятницы. Он, как и некоторые левые краснобаи, ненавидит коммунистов по двум причинам. Английские коммунисты, как и коммунисты других стран, усвоили скверную привычку сверять и сличать слова и дела левых болтунов. Это сличение кое для кого в полном смысле слова убийственно. К тому же эти левые лидеры, к ужасу своему, замечают, что массовые выступления рабочего класса за последний год в Англии ясно отмечены печатью влияния коммунистической партии,—напомним хотя бы первомайскую демонстрацию, красное воскресенье безработных, комитеты действия, с'езд в Скарборо и даже резолюции, предложенные Ливерпульскому с'езду. Мы, конечно, говорим не о программе «согласованной политики национальной реконструкции и реформы», разработанной Вэббом, а о тех предложениях, которые пришли из недр рабочего движения. И развенчанным левым мерещится, что после смерти коммунистической партии они смогут занять авансцену, а рабочие массы, забыв про все их измены, опять начнут относиться к ним с прежним доверием.

Джойнсон Хикс прекрасно понимал, что резолюции Ливерпульского с'езда и выступления так называемых левых развязывают ему руки. Было время, когда он готов был следовать совету своего вождя Болдуина и ждать, чтобы выстрел был произведен с противной стороны, хотя и тогда эта политика отнюдь не соответствовала его темпераменту. За с'ездом в Ливерпуле последовал с'езд в Брайтоне. Там зубры распоясались. От них-то Хикс получил ту директиву, о которой он так страстно мечтал: атаковать коммунистов. В отличие от Роберта Вильямса, он прекрасно понимал, что Ливерпуль коммунистической проблемы в Англии не разрешил. Он знал, что маленькая коммунистическая партия в такой же мере оформляет еще молодое, но растущее революционное сознание английских пролетариев, в какой макдональдовская группа отражает и представляет еще сильные, но отмирающие либерально-реформистские тенденции английского рабочего движения. Улучив благоприятный момент, он, как человек дела, произвел атаку.

Лэнсбери и его друзья, захлебываясь, говорят теперь о восхитительной картине солидарности, проявленной рабочим движением в отношении к атаке на коммунистическую партию. Блажен, кто верует! Мы отнюдь не отрицаем того факта, что все рабочее движение откликнулось протестом против ареста коммунистов и против приговора, вынесенного им классовым судом присяжных. Сантиментальным разглагольствованиям мы, однако, предпочитаем холодный анализ всех фактов, относящихся к этому процессу. Забегая вперед, мы сразу скажем, что борьба против налета Хикса отнюдь не отличалась единодушием, а, наоборот, отразила и продолжает отражать в себе ту сложную борьбу между реформистскими и революционными тенденциями в рабочем движении Англии, которая чем дальше, тем больше углубляется и расширяется.

Оффициальные лидеры английского рабочего движения в своих нападках на консервативное правительство особенно подчеркивают тот факт, что из пыльного архива оно извлекло давно устаревший закон 1797 года. Что и говорить! Закон возраста-то почтенного. Но ведь всего $1\frac{1}{2}$ года тому назад «первое рабочее правительство его величества», возглавляемое Макдо-

нальдом, привлекло к судебной ответственности коммуниста Кемпбеля на основании того же закона 1797 года. Верно, что правительство Макдональда впоследствии от преследования отказалось. Но при этом правительство об'яснило, что оно согласилось на прекращение дела по следующим двум причинам: во-первых, оно боялось, что у обвинителей не будет достаточных данных, чтобы добиться осуждения и, во-вторых, потому, что оно опасалось, что процесс поднимет шансы коммунизма в Англии. Так рабочее правительство оправдывалось перед господствующими партиями. Но мы досконально знаем, что дело против Кемпбеля было прекращено лишь после того, как рабочее движение дало понять Макдональду, что оно угодничества в форме преследования революционеров не потерпит. Вряд ли есть основание думать и полагать, что Макдональд и его соратники за эти 18 месяцев полевели. Нам скажут: но факт остается фактом, что Макдональд и все официальное рабочее движение в протесте против процесса коммунистов участвуют. Против фактов не спорим. Мы только утверждаем, что сопоставление словесного протеста официальных вождей рабочего движения с их практическими действиями, в тот момент, когда рабочее правительство держало бразды правления в своих руках, приводит к выводу, что они присоединились к движению против процесса не по доброй воле, а под непосредственным давлением масс.

Около года прошло с того момента, когда болдуинское правительство получило большинство, опираясь на подложное письмо Зиновьева, до того момента, когда Джойнсон Хикс произвел налет на коммунистическую партию. За этот год недовольство консервативным правительством растет во всей стране. Об этом красноречиво свидетельствуют как дополнительные выборы в различных избирательных округах—в частности, избрание Перселя,—а равно—муниципальные выборы, имевшие место накануне процесса коммунистов. Внутри рабочего движения сильно растет коммунистическое влияние, о чем свидетельствуют резолюции конгресса профсоюзов в Скарборо. В этой обстановке нет ничего удивительного, что хиксовский налет вызвал бурю негодования. И руководители Рабочей Партии прекрасно понимали, что оставаться вне этого движения означало—утратить влияние на широкие народные массы. Но примкнули они к движению против процесса не для того, чтобы расширить и углубить его, а, наоборот, с тем, чтобы направить движение на либерально-реформистские рельсы.

«Свобода мнений—основа нашей надежды на гражданский мир» — таков лейт-мотив всех протестов реформистского рабочего движения. Против осуждения коммунистов они апеллируют к разуму господствующих классов, стараясь убедить их в том, что осуждение коммунистов является оправданием коммунистической теории. Во имя либерализма, во имя «свободы и демократии», они призывают господствующие классы к умеренности. Рабочее движение, однако, не пошло по указке либеральных лидеров. Наоборот, в резолюциях рабочих организаций и массовых демонстраций отчетливо говорится о том, что коммунисты осуждены за то, что они честно служили делу рабочего класса и верно защищали его интересы. Макдональд и его сподвижники попытались использовать кампанию против процесса коммунистов для борьбы с коммунизмом. Их речи и резолюции содержат

в себе больше нападок на коммунизм и коммунистическую партию, чем на консерваторов и на драконовский приговор. Рабочие же массы отчетливо и открыто высказывают свои симпатии коммунистам, потерпевшим за рабочее дело.

Коммунистическая партия не послушалась «дружеского» совета Хорабэна. Она также не испугалась скорпионов Хикса. Она продолжает жить и работать, и ее работа дает ощутительные результаты. Напряженная борьба ведется теперь вокруг вопроса о проведении в жизнь ливерпульских резолюций. Те, кто предсказывал неизбежную смерть компартии от отравленных стрел ливерпульских резолюций, пытаются теперь убедить членов Рабочей Партии в необходимости исключения коммунистов во имя д и с ц и п л и н ы. Пикантней всего то, что в этом движении активно участвует «Еженедельник Лэнсбери». В течение девяти месяцев «Первое Рабочее Правительство» каждодневно нарушало принципы и постановления руководящих органов английского рабочего движения. Никто о дисциплине не заикался. В течение десятков лет Лэнсбери считал особой доблестью свою свободу от постановлений партийных центров. Во имя свободы личности он выступал и выступает против дисциплины коммунистов. Теперь адвокаты бесподобной мозаики английского рабочего движения вдруг запели о солидарности и дисциплине. Удивляться этому, однако, не приходится. Если организатор военных восстаний, Джойнсон Хикс, может атаковать коммунистов во имя конституционализма, то почему же сторонникам свободы не добиваться исключения коммунистов из Рабочей Партии во имя дисциплины!

Интересно, однако, то, что, невзирая на согласованные действия целого ряда общественных групп, начиная с правительства и кончая некоторыми левыми журналистами, рабочие массы продолжают отчетливо выражать свои симпатии коммунистической партии, а наиболее активные организации рабочей партии их уже более ста — наотрез отказываются исключать из своей среды коммунистов. В то самое время, когда вся пресса была полна нападок на коммунистов, Лондонский Городской Совет Профсоюзов избрал своими делегатами в состав конференции Рабочей Партии трех видных коммунистов, а десять местных организаций Рабочей Партии города Лондона не ограничились тем, что отказались исключить из своей среды коммунистов, а созвали конференцию, которая избрала временный комитет для борьбы против всей программы Ливерпуля[1]). Примеру Лондона последовали и другие промышленные центры Англии.

На вопросе об исключении коммунистов мы опять сталкиваемся с борьбой основных двух тенденций — революционной и реформистской — в недрах английского рабочего движения. Еще рано подводить итоги этой борьбы вокруг данного конкретного вопроса. Но для иллюстрации настроений пролетарского актива в Англии, возьмем ход борьбы в Ливерпульском Совете Профсоюзов.

Исполком Ливерпульского Совета Профсоюзов сообщил общему делегатскому собранию, что ему придется оказать некоторое

[1]) Этот комитет созывает более обширную конференцию на 23 января. По имеющимся у нас сведениям от 10 с. м. более 20 местных организаций Рабочей Партии уже избрали своих делегатов. А из повестки дня этой конференции явствует, что она созывается для борьбы против Ливерпуля.

давление на организации, входящие в его состав, в направлении выполнения резолюций Ливерпульского с'езда. Против этого заявления было вынесено следующее предложение:

«Заслушав доклад о работах Ливерпульского с'езда Рабочей Партии, этот Совет подтверждает, что профессиональные союзы, входящие в состав Совета, располагают абсолютной свободой в выборе своих представителей в этот городской совет и в Рабочую Партию».

Для пояснения этой резолюции, необходимо прибавить, что в Ливерпуле, как и в целом ряде других городов, городские советы профсоюзов являются одновременно высшими местными органами Рабочей Партии. После страстной дискуссии, резолюция была принята подавляющим большинством. Исполком Рабочей Партии предложил Ливерпульскому Городскому Совету пересмотреть свою резолюцию. Вопрос снова был поставлен на обсуждение; и всеми голосами, против 5, было решено «положить бумагу исполкома на стол», что правильнее было бы перевести на русский язык «положить под сукно».

Борьба вокруг ливерпульских резолюций осложнилась в связи с активной работой коммунистической партии в деле организации и об'единения левых элементов как Рабочей Партии, так и Независимой Рабочей Партии. Аресты коммунистов и подготовляемая атака на заработную плату рабочих убедительно показали английским рабочим все бесплодие Ливерпуля. Предложение коммунистов всем активным элементам рабочего движения об'единиться для совместной борьбы против наступления капитала стало встречать все больше и больше отклика в среде рабочих. Давление масс очень скоро получило свое отражение не только в резолюциях местных организаций, но и в общем тоне рабочей прессы, а также и в выступлениях тех левых лидеров, которые ближе стоят и теснее связаны с широкой рабочей массой.

Английское рабочее движение, в целом, находится в положении шатаний и исканий и отличается поразительной восприимчивостью; но, однако, можно проследить наличие новых революционных настроений, с трудом пробивающих себе путь в старых организациях английского рабочего движения, представляющих собой нагромождение не только различных течений и оттенков, но и различных эпох в истории самой Англии.

Активные работники английского движения начинают выступать с конкретными предложениями. В «Рабочем Воскреснике» мы читаем письмо Гучинсона, члена ЦК Рабочей Партии и одного из лидеров Союза Механиков, письмо, в котором он пишет черным по белому, что Ливерпуль не дал ничего положительного движению, а, наоборот, наши враги на политическом и экономическом поприще приняли решения Ливерпуля, как признак слабости. Он умозаключает, что необходима новая политика, и приветствует деятельность «Рабочего Воскресника», который, по сути дела, взял на себя проведение предложений коммунистической партии о едином фронте всех активных революционных элементов рабочего движения. В том же номере журнала напечатано еще более тревожное письмо Джорджа Гикса, руководителя Союза Строительных Рабочих, в котором говорится, что дальнейшее промедление было бы пагубно для движения. Все эти письма в редакцию заканчиваются письмом Алекса Госпна, видного деятеля Независимой Рабочей Партии и профсоюзного движения, в котором последний предлагает трем еженедельникам: «Рабочему Еженедельнику» (орган коммунистической партии), «Рабочему Воскреснику» (орган крайней левой, редактируемой известным коммунистом Полем) и «Рабочему Еженедельнику Лэнсбери» — созвать совместную конференцию левых элементов для совместной работы.

Открытые и тайные пособники Макдональда всполошились. Испугались и те левые, которые предпочитают хаотическую мозаику, разукрашенную букетами радикальных фраз, организованному действию. Рабочая улица зашевелилась. К чести «Рабочего Воскресника» следует сказать, что он, невзирая на протесты и увещевания, невзирая на отказ «Нью Лидер'а» и «Еженедельника Лэнсбери», нашел в себе мужество на свой риск и страх созвать конференцию. Приглашение на эту конференцию было подписано от имени «Рабочего Воскресника» следующими пятью лицами: А. Перселем — председателем Амстердамского Интернационала, Джорджем Гиксом — секретарем Союза Строительных Рабочих, А. Куком — секретарем Союза Горняков, Робертом Донстоном — председателем редакционной коллегии «Рабочего Воскресника», и Вильямом Полем — редактором этой газеты.

Авторы письма подчеркивают, что отчеты со всех концов страны показывают нежелание активных рабочих провести решение Ливерпульского с'езда об исключении коммунистов и свидетельствуют о быстром росте местных организаций левого крыла. Авторы полагают, что время дискуссий прошло и что настало время серьезных действий.

Целью этой конференции было об'единение левых лидеров, которое могло бы помочь оформлению движения в низах. Конференция состоялась 18 декабря п. г. Из отчета явствует, что об'единить лидеров оказалось делом не столь легким. Среди явившихся на конференцию нашлись и такие, которые мечтали об об'единении левого крыла **без коммунистов**, надеясь на скорую смерть этой организации, которая за короткое время своего существования успела разоблачить многих, в свое время влиятельных, фигляров, умевших служить правым делом и подлизываться к левым трескучими фразами. Среди участников этой конференции был и упомянутый нами выше Хорабэн и его сподвижник, бывший коммунист Постгейт, который, поверив сообщению Вильямса о кончине коммунистической партии, уже стал было сочинять новую программу для левого блока, обкрадывая для этой цели программу мнимого покойника. Формально конференция закончилась крахом. Она не сумела об'единиться на резолюции, предложенной редактором «Рабочего Воскресника». Она также не выдвинула другого предложения. Резолюция, предложенная Полем, гласит:

«Собрание социалистов и трэд-юнионистов заявляет, что важнейшей задачей рабочих в настоящее время является достаточная подготовка к тому, чтобы дать отпор покушениям, откровенно организуемым классом капиталистов на заработки, рабочее время, условия труда и политическую свободу рабочих.

В интересах осуществления этой подготовки, собрание считает необходимым для всех активных рабочих, стоящих на почве

бескомпромиссной борьбы за социализм, работать сообща в боевом Левом Крыле во всех отраслях деятельности, будь то профсоюзы, политические партии, или другие организации рабочего класса.

Собрание приветствует усилия, приложенные в различных частях страны и направленные к тому, чтобы достигнуть согласованности и сотрудничества между всеми членами Левого Крыла в этом направлении.

Предостерегая рабочих от каких бы то ни было попыток образования новой партии, собрание полагает, что никакое учение, либо принадлежность к какой бы то ни было партии не могут послужить препятствием к тому, чтобы об'единенными действиями проводить принципы, общие всем, кто служит рабочему классу в его борьбе против класса капиталистов.

Принципы эти суть:

1. Мировое единство профсоюзов.
2. Национальное единство профсоюзов от предприятия до Генерального Совета.
3. Солидарность британских рабочих с рабочими угнетенных народов Британской империи.
4. Политика для следующего рабочего правительства, имеющая целью свергнуть класс капиталистов.
5. Самозащита организованного труда против фашизма во всех его формах».

Конференция решила собраться еще раз и снова обсудить вопрос об об'единении левого крыла.

Все же конференция явилась важным и ценным этапом в деле об'единения революционных сил движения. В процессе этого об'единения активным работникам рабочего движения придется призадуматься не только над программой и над тактикой, но они вынуждены будут также сжечь кое-кого из тех богов, которым они в свое время поклонялись. С этой точки зрения, конференция 18 декабря, бесспорно, приблизила нас к действительному об'единению активных элементов английского рабочего движения.

Отношение активных элементов рабочего движения к идее кристаллизации и об'единения революционного крыла внутри Рабочей Партии станет более понятным, если мы обратимся к переписке между Коммунистической Партией Англии и Независимой Рабочей Партией. Сейчас же после ареста коммунистов ЦК Английской Коммунистической Партии обратился к ЦК Независимой Рабочей Партии с предложением единого фронта. В обосновании своего предложения ЦК, между прочим, пишет: «Джойнсону Хиксу не удастся сокрушить наш аппарат и наш боевой дух. Мы, однако, хотим, чтобы все рабочие научились на этом уроке и создали такую прочную организацию, которая даст им возможность сломить надвигающееся наступление капитала». В виде первого шага, Коммунистическая Партия предлагает Независимой Рабочей Партии совместно провести кампанию под следующими лозунгами:

1. Стопроцентная организация рабочих в профсоюзах.
2. Национализация копей.
3. Обеспечивающая существование рабочих зарплата (прожиточный минимум).
4. Самооборона рабочих от фашистских организаций.

Письмо это было отправлено 17 октября, ответ датирован 6 ноября. Мы считаем необходимым коротенький ответ Независимой Рабочей Партии привести полностью. Напомним только, что во главе Независимой Рабочей Партии поныне находятся те люди, которые наиболее активно борются против коммунизма и против Коммунистической Партии. Письмо гласит:

«Наш Национальный Совет смог теперь обсудить ваше письмо от 17 октября. Как вам известно, мы энергично протестовали против политического принципа, на основании которого были арестованы члены вашего исполкома и просили наши организации предпринять в связи с этим, соответствующие выступления. Мы поступили так не потому, что согласны с вашей политической линией, а потому, что полагаем, что каждому должна быть предоставлена свобода выражать свои взгляды, при чем народ сам должен решить, принять ли, или отвергнуть пропагандируемую партией политику.

Мы учитываем серьезное положение в промышленности и события, к которым оно может привести, сами ведем кампанию, чтобы помочь нашим товарищам из профсоюзов, и пропагандируем требование о национализации копей и об обеспечивающей существование зарплате.

Однако, принимая во внимание различие в методах, применяемых вашей и нашей партией, мы считаем более целесообразным, чтобы каждая партия проводила кампанию соответственно своим принципам.

В виду этого мы сожалеем, что не можем принять ваше предложение о выделении представителей в об'единенный комитет».

Авторы этого письма, очевидно, очень хорошо понимали настроение в низах своей собственной организации. Они не смеют отвергнуть предложения и пытаются сослаться на целесообразность. Вместе с тем, их письмо вызвало бурю протеста со стороны активных середняков, членов Независимой Рабочей Партии. И со своими протестами последние обратились не в орган Независимой Рабочей Партии, а в коммунистический «Рабочий Еженедельник».

Еще интереснее попытка Британского Комсомола наладить совместную кампанию с организацией молодежи Независимой Рабочей Партии, для защиты экономических и профессиональных интересов рабочей молодежи в Англии. Совещание представителей названных двух организаций единогласно приняло предложение Комсомола. ЦК Комсомола утвердил резолюцию совещания, а исполком организации НРП, очевидно, по директивам свыше перефразировал письмо исполкома НРП, которое мы выше привели.

Независимая Рабочая Партия всемерно сопротивляется единому фронту с коммунистами, при чем ей приходится преодолевать все более растущее давление со стороны своих же наиболее активных работников из среды рабочих, открыто и отчетливо высказывающихся за единый фронт с Коммунистической Партией. Низы тянут Независимую Рабочую Партию в сторону блока с Коммунистической Партией, а верхи тянут ее в направлении политического союза с Либеральной Партией.

Уже на другой день после выборов в парламент в конце 1924 года, выявивших развал Либеральной Партии, либеральное студенчество стало агитировать на страницах «Манчестер Гардиан» за массовое вступление либералов в Рабочую Партию. Свое предложение молодые либералы мотивировали тем, что в нынеш-

них условиях бессмысленно заниматься гальванизацией трупа старой Либеральной Партии, ходом истории обреченной на смерть. Они при этом утверждали, что обстановка внутри Рабочей Партии достаточно благоприятна для того, чтобы блок умеренных элементов мог продолжать традиции либерализма и с успехом преодолевать все поползновения крайних элементов. В последнее время картина несколько изменилась: Макдональд стал усиленно зазывать либералов в Рабочую Партию и, по всем видимостям, ведутся тайные переговоры между лидерами обоих партий о той или иной форме соглашения. Независимая Рабочая Партия очутилась, таким образом, перед возможностью двух блоков: с либеральной партией, с одной стороны, и с коммунистической,—с другой!

Своеобразная роль Независимой Рабочей Партии в истории английского рабочего движения и внутри Рабочей Партии привела к тому, что она теперь стала ареной наиболее напряженной борьбы между революционными и реформистскими тенденциями. Было время, когда Независимая Рабочая Партия была, примерно, таким же пропагандистским обществом, как фабианцы и как социал-демократы. В отличие от этих двух организаций фабианской и социал-демократической—она, однако, сумела под руководством Кер-Гарди, ближе подойти к профсоюзам и включить в свои ряды наиболее влиятельных и наиболее видных лидеров английского профсоюзного движения. Она нашла также лучший доступ к сердцу активных английских пролетариев. Напомним, что в течение долгого времени секретарем этой организации был нынешний лидер движения меньшинства Томас Манн. Бурный рост Рабочей Партии в послевоенные годы означал, в первую очередь, столь же бурный рост Независимой Рабочей Партии. Внутри Рабочей Партии, которая возникла, как федерация профсоюзов и социалистических организаций, для совместного проведения избирательных кампаний, Независимая Рабочая Партия, естественно, являлась об'единяющим и руководящим политическим ядром. Политический рост Рабочей Партии означал, поэтому, усиление и увеличение удельного веса Независимой Рабочей Партии. В правительстве Макдональда наиболее важные посты были заняты членами Независимой Рабочей Партии, которая насчитывает более $^{2}/_{3}$ среди членов парламентской фракции Рабочей Партии. Таким образом, из пропагандистского общества Независимая Рабочая Партия превратилась в влиятельную политическую партию.

Но и Рабочая Партия уже давно перестала быть просто федерацией различных рабочих организаций. Уже в 1918 году она обзавелась расплывчатой программой и отчетливой конституцией и стала опираться не только на организации, но и на индивидуальных членов. По мере своего роста, она постепенно обзаводилась своим собственным аппаратом, который чем дальше, тем больше приходит в столкновение с аппаратом Независимой Рабочей Партии. Организационные конфликты между этими двумя организациями стали учащаться. А рядом с организационными конфликтами идет идейная неразбериха. До окончания войны активные рабочие, социалистически настроенные, рассматривали Независимую Рабочую Партию, как «социалистическую душу» большого конгломерата, именуемого Рабочей Партией. Но в послевоенные годы—особенно в пору существования рабочего правительства—«независимцы» успели растерять свой социализм, а Ра-

бочая Партия еще в 1918 году обзавелась программой, составленной в общих социалистических терминах. Естественно, возникает вопрос: какова же теперь роль Независимой Рабочей Партии в отношении к Рабочей Партии?

В течение долгого времени Макдональд считался лидером Независимой Рабочей Партии, получившим это лидерство непосредственно из рук покойного Кер-Гарди. Он и теперь не прочь иметь этот хороший, гибкий аппарат в своих руках. Он хорошо понимает, что небольшая организация, с солидным прошлым, с хорошими связями, с глубокими корнями, может оказать подчас бо́льшую услугу, чем громоздкий аппарат—аппарат Рабочей Партии, упирающийся в еще более громоздкие профсоюзы. Но старые традиции Независимой Рабочей Партии и новые тенденции в рабочем движении толкают Независимую Рабочую Партию влево. И Макдональд стремится либо поступить с Независимой Рабочей Партией точно так же, как было поступлено с Коммунистической Партией, т.-е. исключить ее из состава Рабочей Партии, или подчинить ее своему влиянию.

В течение последних лет Независимая Рабочая Партия возглавлялась Клифордом Элленом, который умел искусно лавировать между макдональдовским либерализмом и революционными устремлениями низов. Давление снизу привело, однако, к тому, что Эллен должен был об'явить себя «больным» и уйти с своего поста: а старый исполком с новым председателем, Джоветом, призван был сформулировать такую левую платформу, которая могла бы удовлетворить пролетарский актив Независимой Рабочей Партии. Задача нелегкая. Все же «Нью-Лидер» от 1 января утверждает, что исполком с этой задачей справился и что он такую платформу составил.

Платформа эта содержит 3 кардинальных пункта.

Первый пункт касается нынешнего положения английских рабочих. Исполком отвергает идею медленной постепенности и, открыто выступая, таким образом, против Макдональда, предлагает концентрировать всю энергию на борьбе за прожиточный минимум, который... должен быть установлен авторитетной комиссией из экспертов. И этот проект исполком называет «вызовом бедности».

Второй пункт касается больного вопроса о взаимоотношениях с Рабочей Партией. Резолюция гласит: «Функцией Независимой Рабочей Партии является раз'яснение неотложной необходимости тех фундаментальных изменений, которые социализм представляет, и влияние на политику Рабочей Партии в более полном и более быстром социалистическом направлении».

Наконец, третий пункт касается вопроса о едином интернационале. Надо полагать, что члены исполкома живо чувствовали, что первых двух пунктов отнюдь не достаточно, чтобы удовлетворить своих членов, рвущихся к более активной революционной борьбе. И исполком Независимой Рабочей Партии, памятуя о том отклике, который встретила борьба Генерального Совета за профсоюзное единство, решил выступить с предложением о создании единого политического интернационала.

Точного текста постановления исполкома мы пока еще не имеем,—он держится в строжайшем секрете. Мы имеем только изложение этого решения в отчетной статье секретаря партии, напечатанной в «Нью-Лидер» от 1 января. В этой статье

только сказано, что «многое произошло с тех пор, как Независимая Рабочая Партия обратилась к Коминтерну, и, пожалуй, не может быть вреда в том, чтобы попытаться еще раз». В обоснование безвредности этой попытки, Броквей сообщает, что еще накануне суда коммунисты были более озабочены борьбой против капитализма и империализма, и что они готовы были отложить вопрос о вооруженной силе до того момента, когда жизнь этого потребует, если она этого потребует. Броквей заключает свой отчет сообщением, что Независимая Рабочая Партия решила поставить вопрос о едином интернационале перед ближавшим заседанием исполкома II Интернационала.

Мы не собираемся комментировать толкование Броквея настроений и взглядов коммунистов. Мы, однако, считаем решение Независимой Рабочей Партии заслуживающим серьезнейшего внимания, и мы поэтому попытаемся остановиться на нем подробнее. Мы, естественно, начнем с тех попыток переговоров с Коммунистическим Интернационалом, на которые исполком ссылается в своем новом решении.

Ленин против Макдональда.

Образование III Интернационала «огорчило» лидера Независимой Рабочей Партии, Рамзея Макдональда. 14 апреля 1919 года он выступил с обширной статьей во французской газете «Юманите», которая тогда находилась в руках социал-шовинистов. В то время Рамзей Макдональд был еще окружен некоторым ореолом в связи с тем, что он отказался от активной помощи английскому империализму в деле проведения всемирной войны. Он расценивался, как один из пацифистских вождей внутри II Интернационала. В упомянутой статье он, между прочим, писал дословно следующее:

«Я принадлежу к числу сторонников того взгляда, что прения на Бернской конференции по вопросу об ответственности за войну были только уступкой общественному мнению несоциалистических кругов».

Это отнюдь не помешало ему считать образование III Интернационала помехой на пути к осуществлению социализма.

«Меня лично,—писал он в той статье,—этот факт (образование Коммунистического Интернационала) глубоко огорчает. Ведь Социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причин, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу».

Из сказанного явствует, что в ту пору Макдональд, с таким усердием борющийся ныне за исключение коммунистов из Рабочей Партии, считал возможным совместное существование большевиков и реформистов в одном интернационале. Мы не ошибемся, если скажем, что эта своеобразная «терпимость» со стороны Макдональда была обусловлена тем, что в то время революционное движение как в Англии, так и во всей Европе, еще развивалось по восходящей линии.

Мы не будем подробно останавливаться на статье Макдональда. Мы полагаем, что она достаточно отчетливо и ясно охарактеризована в ответе Ленина (см. Собрание сочинений, т. XVI, стр. 270 и дальше).

«Статья Рамзея Макдональда,—пишет Ленин,—есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения».

Но если верно, что статья Рамзея Макдональда является букетом шаблонных фраз, то не менее верно, что ответ Ленина не только сохраняет всю свою силу, но приобретает особую свежесть, в связи с тем ворохом новых фактов, свидетельствующих об образовании левых групп внутри социал-реформистских партий. Велик соблазн воспроизвести весь ответ Ленина в целом. Мы вынуждены, однако, ограничиться только теми двумя выводами, к которым Ленин пришел на основании анализа письма Макдональда:

«Вывод первый: Бернский «Интернационал» есть фактически, по его действительной исторической и политической роли, независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других из его членов, организация агентов международного империализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат».

«Вывод второй: III Коммунистический Интернационал для того и основан, чтобы не позволять «социалистам» отделываться тем словесным признанием революции, образцы которого дает Рамзей Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую реформистскую, националистическую, мелкобуржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, а с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть».

Эти два вывода дают отчетливую характеристику тех двух интернационалов, об об'единении которых под единой крышей тосковал в 1919 году Рамзей Макдональд. Можно, пожалуй, еще прибавить другое место из того же ответа Ленина, гласящее:

«Покойный Харри Квелч в 1907 году был выслан германским правительством из Штуттгарта за то, что он назвал «собранием воров» заседание европейских дипломатов. Вожди Бернского «Интернационала»—не только собрание воров, они—собрание подлых убийц».

Английскому типографу, играющему в демократической Англии роль добровольного цензора, очень хотелось последнюю строку вычеркнуть. Ему это не удалось. Но если бы даже эти строки были вычеркнуты, то правда, заключенная в них, все же продолжала бы жить.

Мы не знаем, как отнесся Рамзей Макдональд к ответу Ленина. Мы имеем, однако, основание предполагать, что он произвел некоторое впечатление на пролетарские элементы Независимой Рабочей Партии. Факт тот, что Независимая Рабочая Партия на своем с'езде в 1920 году постановила предписать Национальному Административному Совету (так называется ЦК НРП) выйти из II Интернационала; и одновременно поручила ему изучить программу и условия вступления в Московский Интернационал.

Дипломаты Независимой Рабочей Партии, учитывая силу тяготения членов партии к Москве, решили провести изучение программы Коммунистического Интернационала при помощи допроса с пристрастием. За подписью Уолхэда и Эллена, Коммунистическому Интернационалу было отправлено письмо, содержащее в себе 12 вопросов.

Мы позволим себе воспроизвести все эти 12 вопросов, так как мы имеем некоторые основания предположить, что левый Броквей не прочь повторить в 1926 году тот же шахматный ход, какой сделал его предшественник в 1920 году.

Эти вопросы суть:

«1. Насколько строги требования, пред'являемые III Интернационалом к каждой отдельной стране, в смысле точного следования методам, намеченным в программе?

2. Угодно ли III Интернационалу высказать, как он понимает теорию диктатуры пролетариата в применении к Великобритании?

3. В какой мере признает III Интернационал методы парламентаризма?

4. Как относится III Интернационал к тому, что НРП входит в состав Рабочей Партии?

5. Есть ли советская форма власти основной принцип III Интернационала?

6. В какой мере признает III Интернационал возможность различных форм советской власти в различных странах?

7. Должны ли партии, принадлежащие к III Интернационалу, признавать, что коммунизм и диктатура пролетариата могут быть установлены только вооруженной силой, или допускаются в III Интернационал и такие партии, которые оставляют этот вопрос открытым?

8. Чем отличается, по мнению III Интернационала, коммунизм от остальных форм социализма?

9. Обязательно ли для вступающих в III Интернационал то понимание коммунизма, которое выразилось в ответе на 8-й вопрос?

10. Намерен ли III Интернационал делегировать своих представителей на Швейцарский с'езд представителей левого крыла социалистических партий?

11. Согласен ли III Интернационал содействовать международному с'езду для обсуждения его программы, методов и конституции?

12. Какова была бы в таком случае норма представительства на с'езде и каковы были бы полномочия его?»

Коммунистический Интернационал в своем ответе подчеркнул, что он ни в какой мере не собирается потворствовать тем, кто пытается «получить паспорт для своих оппортунистических проделок, апеллируя к Коммунистическому Интернационалу, чтобы он, считаясь с разным соотношением сил, позволил им на словах высказаться за III Интернационал, а на деле вести решительную политику качания между революционным пролетариатом и контр-революционной буржуазией». Он отчетливо заявил, что «Коммунистический Интернационал не допускает расхождений между словом и делом».

Ответ Коминтерна был достаточно ясен[1]), чтобы ввергнуть политиканов из Независимой Рабочей Партии в смертельный страх. Все же они вряд ли могли бы воспротивиться стремлению рабочих масс связаться с Коммунистическим Интернационалом, если бы им на помощь не пришли их друзья и единомышленники в других странах, которые решили «смутное время» напряженной борьбы между революцией и реакцией высидеть в $2\frac{1}{2}$ Интернационале. Изучение программы Коммунистического Интернационала имело, таким образом, своей единственной целью выиграть время, пока капитализму удастся отбить первую мощную революционную волну. Приходится констатировать, что этот маневр, в общем и целом, им удался. В 1920 году английский рабочий класс был полон революционной энергии, он организовал комитеты действия, он сумел удержать руку Черчилля и Ллойд-Джорджа от активной помощи Пилсудскому в борьбе против Советского Союза. А правительство Ллойд-Джорджа, сложно и ловко маневрируя, искусно совмещало пряник с кнутом. Еще сравнительно недавно лорд Дерби признал, что закон о дополнительном страховании рабочих был принят в 1920 году, с единственной целью предотвращения революции. Над этим делом усердно работали сообща Ллойд-Джордж и Макдональд.

Коммунистический Интернационал в своем подробном ответе не ограничился разоблачением доподлинного смысла 12 вопросов, поставленных ему. Он подробно проанализировал все вопросы и точно сформулировал отношение Коминтерна к вопросу о диктатуре и гражданской войне в самой Англии. Согласно этого ответа, коммунисты обязаны раз'яснять рабочим:

«1) что очень неправдоподобно, чтобы буржуазная Англия, самая энергичная, самая умелая угнетательница[2]) народных движений, самая богатая в мире буржуазия—властительница не только миллионов английских рабочих, но и сотен тысяч рабочих и крестьян в своих колониях—сдала власть без боя, покорилась бумажной воле парламента;

2) что поэтому рабочим надо готовиться не к легкой парламентской победе, а к победе в тяжелой гражданской войне;

3) что если бы рабочим удалось взять власть без этой гражданской войны, это означало бы лишь, что необходимость гражданской войны стоит перед рабочим классом (очевидно, надо читать «станет») после того, как он захочет проводить в жизнь свою волю, защититься от капиталистической эксплоатации и спекуляции, когда он захочет освободить рабочие массы в колониях, ныне угнетаемые английским империализмом».

На последнем с'езде Рабочей Партии Макдональд держал в руках этот ответ Коммунистического Интернационала, но процитировал он оттуда только три слова: «тяжелая гражданская война», которыми он на смерть испугал старых чиновников профсоюзов, мечтающих дотянуть свои дни, пользуясь благами «свободы и демократии». Макдональд скрыл—намеренно скрыл—ту часть ответа, в которой Коминтерн анализирует победу советской власти в России («русские рабочие взяли власть не столько путем применения вооруженной силы, как благодаря тому, что

[1]) Он полностью опубликован в 12 номере „Коминтерна“ за 1920 года и вышел отдельной книжкой на англ. языке.

[2]) В русском издании „Ком. Интерн.“ вместо „угнетательницы“ написано „покровительницы“, что является досадной ошибкой.

вооруженная сила стала на их сторону») и в Венгрии, где «венгерские рабочие получили власть без восстания». Теперь, конечно, придется ответ полностью восстановить. Но уже и теперь мы должны попытаться понять те цели, которые руководители Независимой Рабочей Партии преследуют своим последним решением.

Единый фронт против английских коммунистов.

Из отчета явствует, что решение о создании единого политического интернационала было принято единогласно. Это единогласие наводит на весьма серьезные размышления. Мы знаем очень хорошо, что кадры Независимой Рабочей Партии никогда не относились с особым уважением ко II Интернационалу. Партия туда вошла вместе с 2½ Интернационалом в момент упадка революционного настроения. Если мы обратимся хотя бы к последнему конгрессу II Интернационала, который происходил летом прошлого года в Марселе, то мы увидим, что он особенного энтузиазма в английском рабочем движении не вызвал.

Для выявления отношения английского рабочего движения к II Интернационалу я ограничусь только тремя цитатами.

В статье, напечатанной в «Лейбор Монтли» за сентябрь прошлого года Персель пишет:

«Небольшая группа амстердамских вождей заинтересована в том, чтобы сделать Интернациональную Федерацию Профсоюзов простым придатком к II Интернационалу, или, как он теперь называется, Рабочему и Социалистическому Интернационалу. В свою очередь, II Интернационал в некоторых своих частях является придатком к различным континентальным капиталистическим правительствам».

В номере от 29 августа «Рабочий Еженедельник Лэнсбери», подводя итоги Марсельскому конгрессу, спрашивал: «Кто доставляет фонды для анти-советской кампании внутри Рабочего и Социалистического Интернационала?»... «Они (партии II Интернационала) не имеют времени для изучения положения рабочих в современном государстве, управляемом финансовым и концентрированным промышленным капиталом. Это ставит их на одну доску с либералами нашей страны».

А центральный орган Независимой Рабочей Партии «Нью-Лидер» в номере от 21 августа обращал внимание на тот факт, что самая страстная и самая об'емистая полемика II Интернационала «направлена не против французского милитаризма, не против британского империализма, не против германского монархистского оживления, а против русского коммунизма». Утверждая, что II Интернационал пронизан империализмом, автор руководящей статьи показывает, что вся деятельность макдональдовского правительства, начиная с его письма к Индии накануне образования рабочего правительства, вплоть до последнего акта в отношении к исключительным законам в Бенгалии, является политикой соглашения с империализмом. Автор идет дальше и заявляет, что «некоторые шаги Макдональда могли бы шокировать даже последовательных старомодных либералов».

Эти цитаты дают в общем верное отражение отношения английского пролетарского актива ко II Интернационалу. Но мы не имеем никаких данных, которые позволили бы нам думать, что лидеры Независимой Рабочей Партии радикально изменили свое отношение к Москве. Говоря это, мы отнюдь не скрываем от себя того отрадного факта, что сближение между английскими и советскими профсоюзами сильно подняло интерес и уважение к Москве не только в области профсоюзной, но и в области политической. Но мы знаем, что лидеры Независимой Рабочей Партии всемерно сопротивлялись, особенно на первых порах, этому сближению. Мы знаем также, что они вряд ли повинны в повороте в сторону тех принципов, которые в свое время были изложены в ответе Ленина и Коммунистического Интернационала.

В этих условиях предложение исполкома Независимой Рабочей Партии должно рассматриваться либо как весьма серьезный политический акт, либо как неловкий и неискусный шахматный ход.

Мы готовы были бы принять первую версию. В ней не было бы ничего удивительного, памятуя, что английское рабочее движение переживает тяжелый кризис и мучительно работает над своим перевооружением, в соответствии с новыми потребностями классовой борьбы. Факты, реальные факты политической жизни, предшествовавшие постановлению и последовавшие за ним, увы, не дают нам возможности остановиться на этой версии.

Мы уже упоминали об ответе Независимой Рабочей Партии на предложение Коммунистической Партии о едином фронте. Если в английской обстановке, когда капитал бешено наступает и когда мощное рабочее движение бессильно сопротивляться из-за своей раздробленности и распыленности, целесообразнее врозь идти и врозь бить, то с трудом постижимо, почему и каким образом возможен единый фронт в мировом масштабе, который должен включить не только Независимую Рабочую Партию и Коммунистическую, но и партии, никогда с Коминтерном не заигрывавшие и открыто боровшиеся с коммунизмом, помогая контрреволюции с оружием в руках.

Обращению английских коммунистов к Независимой Рабочей Партии предшествовало обращение Коммунистического Интернационала ко II Интернационалу—организовать совместные митинги и денежные сборы в пользу бастующих китайских рабочих и семей убитых и раненых китайцев. Это обращение было сделано в июне месяце прошлого года, когда революционная война в Китае приняла массовый характер. В отличие от руководящих организаций II Интернационала, Независимая Рабочая Партия, по крайней мере, на словах, проявила сочувствие героической борьбе китайского народа. Тем не менее, Независимая Рабочая Партия пальцем о палец не ударила, чтобы помочь осуществлению единого фронта, даже в таких скромных размерах, как это было предложено письмом Коминтерна к II Интернационалу. Более того: все усилия компартии добиться единого фронта в английском масштабе оказались тщетными.

Но нам скажут, что новое постановление было принято после смены руководства Независимой Рабочей Партии. Ушел, мол, Эллен, представитель Макдональда в исполкоме, и теперь начинается радикальная эра, возглавляемая Броквеем. Мы рады были бы поверить, но события, последовавшие за принятием предложения, внушают серьезные сомнения.

Передо мною отчет о большом митинге протеста против осуждения коммунистов, состоявшемся 8 января сего года в восточ-

ной части Лондона. Митинг этот был созван совместно местными организациями Независимой Рабочей Партии, Коммунистической Партии и Городским Советом Профсоюзов. Выступить на этом митинге должны были Кук, Саклатвала, Джордж Гикс и Хонтер—центральный работник исполкома Независимой Рабочей Партии. Последний не только не явился, но отправил собранию письмо, что он не может выступать с одной трибуны с коммунистами.

Кук предложил собранию—в нем участвовало 1.500 пролетариев—осудить поведение Хонтера. Одновременно Кук обратился к своему ЦК с просьбой определить свое отношение к поведению Хонтера. Общее собрание в 1.500 человек единогласно осудило действия Хонтера, а исполком Независимой Рабочей Партии, тот самый исполком, который трактует теперь о едином интернационале, от ответа на вопрос Кука уклонился.

Инициатива Хонтера очень пришлась по вкусу исполкому лондонской раб. партии, который поспешил обратиться с воззванием ко всем своим организациям—вести кампанию против осуждения коммунистов отдельно от коммунистов.

Невольно возникает вопрос: не является ли предложение о переговорах с Коммунистическим Интернационалом той отдушиной, в которую лидеры Независимой Рабочей Партии хотели бы направить революционные настроения масс и таким образом уменьшить их тягу к коммунистической партии в самой Англии.

С этой точки зрения крайне интересен упомянутый выше митинг в восточной части Лондона. Резолюция этого митинга не только энергично протестует против политических преследований, но она «просит Генеральный Совет Профсоюзов (заметьте, Рабочей Партии не упоминает) об'явить всеобщую однодневную забастовку, если кампания за освобождение арестованных не приведет к цели». В составлении и в проведении этой резолюции местная организация Независимой Рабочей Партии принимала участие па ряду с местной организацией Коммунистической Партии. Вряд ли приходится доказывать, что резолюция эта отнюдь не напоминает речей Макдональда о необходимости свободы слова для обеспечения гражданского мира и для более успешной борьбы с коммунистами [1]).

Исполкому Независимой Рабочей Партии приходится учитывать кристаллизующееся и оформляющееся революционное настроение в рабочей части партии. Некоторые из лидеров НРП более или менее искренно и честно отражают это растущее революционное настроение. Другие же, наоборот, озабочены тем, как бы направить это настроение на такие рельсы, чтобы не помешать Макдональду в проведении блока с либералами и всей его

[1]) Для понимания той борьбы, которая теперь происходит в английском рабочем движении, интересно сопоставить резолюцию Лондонского собрания рабочих с передовой в центральном органе британской соц.-дем. федерации. „Симпатии к осужденным коммунистам,—читаем мы в „Соц.-Демократе" от января с. г.,—должны в высокой степени смешаться с симпатиями к их идеалам, которые являются идеалами III Интернационала, которых никто не хотел бы видеть в этой стране, и эти симпатии уже имеют определенное влияние в рядах Раб. Партии. Установив под присягой, что компартия получила 14 тысяч фунтов в 10 месяцев, сумму, какой революционная партия не может получить от членов и сочувствующих в стране, в которой она работает, правительство поступило бы разумно, если бы оно разрешило освободить обвиняемых.

реформистской политики. Обе группы сошлись на заманчивом лозунге единого политического интернационала. Одних этот лозунг привлекает революционностью, другие же его приемлют постольку, поскольку он не содержит в себе прямой угрозы расколоть нынешнюю Независимую Рабочую Партию, бессильную об'единить тягу своей либеральной части к Макдональду и Ллойд-Джорджу, и левой части—к местным блокам с коммунистами, которые уже фактически осуществляются в ряде городов.

В свете этого анализа нам представляется, что Английская Коммунистическая Партия очень удачно ответила на постановление исполкома Независимой Рабочей Партии о едином интернационале. Не вдаваясь ни в какие теоретические споры, она просто и отчетливо сказала: вместо очень громких фраз об очень широких планах, давайте конкретно, практически, в английской обстановке, совместными усилиями наладим сопротивление наступающему капиталу.

Этот простенький и практический ответ заставит маневрирующих лидеров Независимой Рабочей Партии сойти на землю, и раз навсегда решить, с кем и куда они идут.

Активное пролетарское ядро Независимой Рабочей Партии честно и искренно озабочено вопросом, как обеспечить победу английских рабочих в борьбе против наглых и циничных атак капитала. Можно уверенно сказать, что оно радостно откликнется на предложение Коммунистической Партии и пролетарским чутьем поймет, что путь, предложенный коммунистами, является единственным путем, ведущим к победе. Ответ коммунистов, с другой стороны, прижмет к стене тех, которые рассматривают заигрывания с Коминтерном только как особый способ маскировки деловых переговоров с либералами о политическом соглашении против революционных элементов в рабочем движении. Иными словами, внутренняя борьба в рядах НРП не будет придушена маневрами ее искусных лидеров, а примет более отчетливую политическую форму.

Вся обстановка классовой борьбы в Англии властно требует об'единения активных и боевых элементов для организации борьбы против наступающего капитала и для освобождения рабочего движения из плена социал-либерализма. Заслуга коммунистической партии в том, что она сумела в конкретной и убедительной форме передать своими словами властные требования истории.

П. Ионов.

О пролетарской культуре, напостовской путанице и панике перед „литкулом“.

Уже порядочно долго на страницах нашей ежедневной и периодической печати ведется ожесточенный спор о пролетарской культуре или вернее—уже—о пролетарской литературе. В противовес ликвидаторам «справа» выступило неистовствующее крыло «левого ликвидаторства», возглавляемое Вардиным, Лелевичем, Авербахом и др. товарищами, с важностью именующими себя «организованной пролетарской литературой» и группирующимися вокруг небезызвестного журнала «На посту». Как и полагается всяким добросовестным ликвидаторам, ликвидаторы «слева» клянутся на каждом углу именем Маркса и Ленина, взывают к диалектике и неистово крестятся на пролетарскую культуру. Но, ведь, в наше время, как говаривали еще Маркс и Энгельс, «любой лавочник умеет отлично различать, между тем, за что выдает себя кто-нибудь и тем, чем он является в действительности».

Вышедшая на днях в свет книжечка Л. Авербаха «За пролетарскую литературу» [1]), включающая в себя помимо статей автора ряд оффициальных документов, в свете прошедшей партийной дискуссии чрезвычайно ярко обнаруживает истинное лицо напостовства, вскрывая связь напостовских литературных «теорий» с обще-политической установкой его вождей. Вот почему мы считаем небесполезным разбор авербаховских писаний на страницах «Большевика», сколь бы мало нас лично и ни прельщала эта задача.

I.

Терминологическая определенность—основное условие всякого производительного спора. Между тем, как раз именно этим и не может похвастаться развернувшаяся дискуссия о пролетарской культуре. Возьмем к примеру так наз. проблему культурного «наследства». Каково должно быть отношение пролетариата к буржуазной культуре?—Разрушить ее!—отвечают одни, обладающие кровожадностью Майн-Ридовского индейца, судорожно хватаясь за перочинный ножик,—понятие культуры для них, повидимому, всецело покрывается такими явлениями, как

[1]) Л. Авербах, «За пролетарскую литературу». Изд. «Прибой». Ленинград. 1926 г.

религия, государство, семья, спиритизм и проч. прелести буржуазного строя,—в лучшем случае—культурными «ижицами» и «ять», которых, как известно, не мало накопила скупая буржуазная старуха в своем сундуке. Другие, отличающиеся менее «индейским» темпераментом, настаивают на преодолении и «критической переработке», имея, главным образом, в виду такие вещи, как буржуазная политическая экономия, фрейдизм и т. д. И, наконец, третьи делают ударение на о в л а д е н и и культурой буржуазного общества, понимая под последней преимущественно так наз. «материальную» культуру и область «точных» наук. Когда же один и тот же автор, вроде Авербаха, в пределах своей собственной сущности, употребляет термин «культура» во всех указанных смыслах, тогда подымается над полем литературной «критики» такой густой туман, что в нем рискует сломать себе ногу даже сам мудрый Эдип на Колоне.

Нам думается, вполне правильное и точное определение культуры дал М. Н. Покровский, как «совокупности всего созданного усилиями человека в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа».

С этой точки зрения, культура есть не что иное, как продукт совокупного физического и умственного труда всех предыдущих поколений. Если принять это определение, а его как будто бы приемлют даже Лелевич (см. Лелевич, «На литературном посту», стр. 7) и Авербах, то из него, в свете интересующего нас вопроса, мы можем сделать следующие выводы.

1. Прав был тов. Слепков [1]), предлагая говорить не о феодальных, буржуазных и проч. культурах, а о культурах соответствующих способов производства. Исторические типы культур даны историческими типами общественных форм. Буржуазная культура есть не культура б у р ж у а з н а я, а культура капиталистического общества. Употребляя же термин «буржуазная культура», мы впадаем в соблазн неправомерно сузить понятие «культура» и по об'ему и по содержанию. Говоря, например, о буржуазной культуре, а думая о буржуазной идеологии в марксовом смысле этого слова, мы приравниваем часть целому с таким же правом с каким можно, к примеру, ленинградскую делегацию XIV парт'езда приравнять всесоюзной коммунистической партии.

2. При решении конкретного вопроса об отношении так наз. пролетарской культуры к культуре буржуазной необходимо сойти с почвы абстрактных рассуждений о культуре вообще. Нужно дифференцировать это понятие, ибо пролетариат имеет дело не с культурой вообще, а с отдельными элементами культуры: с техникой, государством, наукой, точнее—с отдельными областями науки, с отдельными отраслями и типами искусства и т. д.,—и его тактика должна диалектически видоизменяться в зависимости от конкретных особенностей того или иного участка культурного фронта. Тогда станет ясно, что не может быть с п л о ш н о г о ответа на вопрос о «наследстве»: кое-что придется «просто» взять целиком, на предмет дальнейшего продолжения и развития, кое-что подвергнуть коренной переработке, а кое-что и «просто» выбросить или разрушить. Только т а к мо-

[1]) См. «Большевик» № 16.

жет ставиться вопрос. Твердить же по-попугайски о пролетарской и буржуазной культуре вообще—значит топтаться на одном месте, подменяя действительное дело пустой схоластикой.

3. Поскольку является обще-признанным положение о том, что между капитализмом и социализмом мы будем иметь целую историческую эпоху переходного периода, длительность которой будет, повидимому, измеряться многими десятилетиями,—можно и должно говорить о пролетарской культуре, точнее—о культуре эпохи диктатуры пролетариата. Эта культура будет отличаться и от культуры буржуазного общества, неся на себе духовную печать нового господствующего класса, и от культуры чистого социалистического типа. О последней можно будет говорить лишь тогда, когда исчезнут последние остатки классовых противоречий и закончится процесс «массового изменения людей»—процесс чистки «от всей грязи старого общества» (Маркс и Энгельс) и «выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (Бухарин).

Мы уже отметили, что Авербах, по существу соглашается с выше данным определением культуры, как «единства культуры» духовной и культуры «материальной». Однако, категорически возражая наряду с этим против замены термина «буржуазная культура» термином «культура буржуазного общества», Авербах впадает в вопиющее противоречие с самим собой—противоречие, как известно, отнюдь не диалектическое. «Что это за противопоставление культур буржуазного общества и социалистического,—возмущается Авербах,—что это за общая культура всего буржуазного общества?! Буржуазное общество—не что иное, как внутренне-противоречивое и постоянно борющееся формальное (?!) единство пролетариата и буржуазии. Общий, более или менее выкристаллизовывающийся, культурный стиль эпохи есть стиль господствующего класса, стиль, вырастающий на основе борьбы между буржуазной и пролетарской идеологией, борьбы, осложняющейся наличием остатков помещичьей идеологии, наличием больших слоев мелкой буржуазии и т. д. Буржуазная культура не может быть приравнена к культуре буржуазного общества, ибо такие фундаментальные основы пролетарской культуры, как марксизм, партия и т. д. вырастают еще в рамках буржуазного общества... Конечно, в идеологии буржуазии, к примеру, много помещичьих, средневековых пережитков. Но значит ли это, что нельзя говорить о буржуазной культуре? Ни в какой мере! Наоборот, так как (!?) сознательные представители буржуазии сознательно работают над сознательно ими ставящейся себе задачей сделать культуру буржуазии, как коллектива данного личного состава, буржуазной культурой, разве (?!) мы не ставим себе задачу создания из всех пролетариев классово-сознательных и последовательных людей? Буки — аз — ба», — торжествует классово-сознательный Авербах («За пролетарскую культуру», стр. 8).

Мы очень извиняемся перед читателем за столь длинную и вдобавок чудовищно безграмотную (особенно хороша по своей логической структуре последняя фраза—«так как—разве»!) выписку из творений напостовского «теоретика»—мы ее привели в качестве иллюстрации той колоссальной сумятицы, которая, повидимому, является перманентным уделом голов ваппових «гимназистов». Нетрудно заметить, что свою «блестящую» «победу», столь воодушевившую нашего автора, Авербах одерживает путем маленького... мошенничества! Но ребеночек, хоть он и малюсенький, все же остается ребеночком, а именно: вышеустановленное и признанное самим Авербахом понятие культуры подменяется благополучно другим более узким, содержание которого связано исключительно с фактом классового господства буржуазии. «Буржуазная культура не может быть приравнена к культуре буржуазного общества»,—пишет курсивом Авербах. Почему?—А куда же вы денете марксизм?!—беснуется Авербах,—нельзя же его причислить к буржуазной культуре?!

Слов нет, причислить марксизм к *буржуазной* культуре довольно затруднительно. Но также затруднительно к *буржуазной* культуре причислить и технику, которая по меньшей мере войдет в качестве «элемента» в пролетарскую культуру. Не меньше трудностей возникает и с такими вещами, как математика, дарвинизм и проч. Впрочем, что касается последнего, то глубокомысленные напостовские апостолы склонны зачислить его по ведомству пролетарской культуры. По крайней мере, в статье, направленной против тов. Яковлева («Большевик» № 15), обосновывая свое положение о «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии», напостовцы выдвигают следующий потрясающий аргумент: разве господство пролетариата совместимо с анти-дарвиновской реакцией?! Отсюда неизбежен логический вывод—дарвинизм есть не что иное, как... пролетарская идеология?! Поздравляем Авербаха, и иже с ним, с головокружительным открытием, достойным быть занесенным на золотую доску истории наряду с зичменовскими анализаторами!

Следовательно?... Следовательно, если Авербах хочет быть последовательным, а последовательность неот'емлемое качество всякого здравомыслящего человека, тем более журналиста,—он обязан, соглашаясь с определением культуры, как «всего», созданного усилиями человечества, согласиться и с предлагаемой нами терминологией. То, что Авербах, противореча себе самому, называет *буржуазной* культурой, является всего лишь элементом культуры капиталистического общества, и при этом таким элементом, который менее всего имеет шансов войти в железный инвентарь будущей обще-человеческой социалистической культуры. Если принять это суженное определение, тогда последовательно говорить не о «критической переработке» буржуазной культуры, о чем так усердно хлопочет Авербах, а об ее разрушении. Однако, подобная терминология научно неверна и нецелесообразна: в содержание понятия культуры тогда не войдут не только техника и наука, но и многое другое. «Когда мы говорим о пролетарской культуре, мы, конечно, говорим о *всей* культуре, включая сюда ее «материальный остов». (Авербах, «За пролетарскую литературу», стр. 9) [1]).

Спрашивается, на каком же основании в таком случае обижать буржуазную культуру, лишая ее «материального остова»? А раз оснований нет, то понятие буржуазной культуры должно употребляться (или вернее—совсем не употребляться) лишь в смысле термина «культура буржуазного общества».

[1]) Во всех последующих ссылках на книжку Авербаха мы будем просто указывать страницы, не упоминая имени автора.

В одном из рассказов О. Генри, американский сенатор произносит две блестящие речи, одну—в защиту уменьшения пошлин на соль, другую—в защиту увеличения оных на... хлористый патрий!.. Уважаемый тов. Авербах удивительно напоминает этого сенатора. Разница между ними лишь в том, что сенатор принимал одну и ту же вещь за две разных, а Авербах—две различных вещи—за одну!

II.

Главный столп и теоретик напостовства, Вардин, в своих знаменитых «12 тезисах» писал: «Если верно указание Маркса о том, что господствующие идеи какого-либо времени были всегда только идеями господствующего класса, то бесспорно и то, что господство пролетариата не совместимо с господством непролетарской идеологии, в частности непролетарской литературы» (стр. 83). Как известно, вардиновское глубокомыслие встретило резкий отпор на страницах «Большевика» в статьях т.т. Яковлева и Слепкова. Авербаху этого оказалось недостаточно, и он посвятил защите вардиновского положения несколько страниц своего «труда». Однако, верный своему обыкновению, он так и не понял сути спора. Авербах ссылается на Маркса, твердит зады и очень удивляется, как это могут с ним не соглашаться? Ведь это же—большевистская аксиома!—восклицает он. Как можно отрицать бесспорное марксистское положение о том, что непролетарская идеология не совместима с фактом пролетарской диктатуры?! И ему и невдомек, что вот это-то и плохо, что это—аксиома, и что вот именно поэтому-то ей и было не место в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии. На восьмом году советской власти с надутым видом повторять абстрактные положения, всем известные и бесспорные (производительные силы являются движущими силами в истории, господство пролетариата не совместимо с непролетарской идеологией, маленькие дети кричат «агу»), это значит тащить партию назад к абстракциям и аксиомам, вместо того, чтобы помочь ей найти конкретное решение данного конкретного вопроса.

Как это ни скучно, разберем подробнее путаницу Вардина-Авербаха. Маркс писал о том, рассуждает Вардин, что, «господствующие идеи какого-либо времени были всегда только идеями господствующего класса». Ergo[1]), «господство пролетариата не совместимо с господством непролетарской идеологии, в частности непролетарской литературы». Ergo—если пролетариат не завоюет гегемонии в литературе, он не удержится у власти как господствующий класс. А посему: напостовцы—на баррикады! Громи попутчиков и захватывай власть в литературе!

Так рассуждают Авербахи и Вардины. И они не замечают того, что все это не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом, ибо это—гнилая силлогистика, не диалектика, а самая настоящая, как теперь любят выражаться, стопроцентная формальная логика! В самом деле, не нужно особой проницательности, чтобы убедиться в том, что все эти рассуждения являются добросовестнейшим повторением обычных меньшевистских задов.

[1]) Следовательно.

Для пролетарской революции необходимы соответствующие экономические предпосылки. Таких предпосылок в России нет. Следовательно, в России, отсталой стране, невозможна пролетарская революция.

В России происходит буржуазная революция. Значит руководящую роль в революции должна играть буржуазия. Пролетариат же занимает позиции крайней оппозиции и соглашается с либеральной буржуазией.

Спрашивается, не отличается ли эта меньшевистская жвачка от вардиновской премудрости еще меньше, чем Жирофле от Жирофля на сцене Камерного театра?! Во всех этих логических упражнениях мы наблюдаем один и тот же «методологический прием»—вместо конкретного анализа и выяснения точного значения марксистской аксиомы в применении к данным конкретным условиям дается пустая силлогистическая схема. «Стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (Ленин. Предисловие ко II изд. «Развития капитализма в России»).

Мы не знаем, известны ли эти слова В. И. Ленина Авербаху и Вардину. Не знать их, или знать, но не понимать, и наряду с этим претендовать на гегемонию в литературе и на право определения литературной партийной линии—это значит соединять качества чичиковского Петрушки с образцовой теоретической хлестаковщиной.

Если разобрать теперь вардиновское положение по существу, то сразу же обнаружится вся его действительная ничтожность. Во-первых, вместо того, чтобы говорить вообще об идеологии, выделим различные идеологические типы. Тогда окажется, что идеология идеологии рознь. Мы бы очень хотели, например, увидеть такого смельчака, который стал бы утверждать, что отсутствие завоеванных позиций в области... скульптуры может привести к краху советской власти! Или, если взять далее историю, пусть вспомнят напостовцы, всегда ли правящий феодально-помещичий класс старой Руси осуществлял свою гегемонию в литературе, живописи, искусстве вообще, науке и даже политической идеологии?

Во-вторых, необходимо помнить, что есть буржуазная и буржуазная идеология. Идеология реакционной буржуазии, ждущей последнего часа—это одно, идеология буржуазии революционной, идущей на штурм феодальных твердынь,—это совсем другое. Ведь не даром, в конце концов, старый Меринг с таким жаром пропагандировал в немецких рабочих массах Гете и Шиллера! Или вот еще, к примеру: будет ли совместимо с господством пролетариата распространение материалистической и атеистической литературы буржуазных просветителей Франции конца XVIII века?

Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы увидеть, что решение вардиновской задачи вовсе не так просто, как это представляется Авербаху и Вардину. А именно—для ее решения нужен не формально-логический топор, а тонкий диалектический инструмент, которым—увы!—повидимому, никогда не дано овладеть напостовским «вождям».

«Без своей самостоятельной (?) классовой (!?) культуры, пишет Вардин,—без своей литературы пролетариат не сумеет сохранить гегемонию над крестьянством» (стр. 88).

А вот, что писал В. И. Ленин по тому же самому вопросу. «Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п.». («Лучше меньше, да лучше», т. XVIII, ч. 2, стр. 125).

Если это не две противоположные точки зрения, то мы тогда отказываемся понимать, что же такое вообще обозначает слово противоположность!

В связи с вышесказанным еще несколько слов о напостовском отношении к «наследству». Напостовцы много—на словах! заботятся о пролетариате и пролетарской культуре. Но согласно диалектическому закону, как это твердо зазубрил Лелевич, все превращается в свое «другое». Во всяком случае, когда заходит разговор о наследстве, то оказывается, что пролетариату заказаны все пути к литературе предшествующих эпох. И хотя Лелевич и написал специальную статью па эту тему («Отказываемся ли мы от наследства?»), однако, он свое любезное согласие на «приятие» наследства сопровождает такими любопытными размышлениями, которые ставят оное согласие по крайней мере под большое сомнение. «Литература предшествующих эпох и других классов,—пишет Лелевич,—является для нас об'ектом серьезнейшего научного изучения. (И только? А как же быть с Пушкиным, Толстым? Или вот еще т. Троцкий заявляет,—и мы этому совсем не удивляемся,—что ему чтение Данте доставляет огромное художественное наслаждение?), мы рассматриваем ее в исторической перспективе, как предмет определенной классовой идеологии в определенной исторической обстановке. Внимательно изучая при помощи марксистского метода доставшееся ему литературное наследие, пролетариат в то же время строит свою литературу, совершенно (?!) отличную от прошлой, как по содержанию, так и по форме» (Лелевич, «На литературном посту», стр. 25). Здесь прежде всего любопытно отметить, что для Лелевича вся художественная критика сводится лишь к тому, что Плеханов называл определением социологического эквивалента. Но по тому же Плеханову,—да и не только Плеханову,—социологический анализ является предпосылкой к художественной оценке произведения. Об этом забывает Лелевич. Художественная форма, т.-е. то, что только и делает произведение искусства искусством, совершенно исчезает с горизонта нашего литературного «критика». И исчезновение это, о чем мы впоследствии еще будем говорить, совсем не случайно. Когда-то Салтыков-Щедрин, противопоставляя Писемского Тургеневу, писал: «От художников наших пахнет ябедой и семинарией; все у них плотяно и толсто выходит, никак не могут форму покорить» («Письма», стр. 13). Вот эта-то задача покорения формы, встающая во весь рост перед пролетарской литературой, и смазывается, сознательно или бессознательно, напостовскими «теоретиками».

Дальше, как мы уже видели, для Лелевича все искусство предшествующих общественных форм представляет из себя лишь об'ект критического изучения. Нетрудно заметить, что подобное упрощение проблемы связано, с вульгарным пониманием диалектического отрицания лишь, как отрицания. И вот теперь, спрашивается, кто же это мы, изучающие? Конечно—напостовцы, т.-е. в лучшем случае—одиночки, подплывшиеся из рабочего класса. Рабочему же классу остается с робкой надеждой взирать на Лелевича и Авербаха и в рассуждении грядущих «пролетарских полотен» удовлетворяться теперешним напостовским творчеством, которое, как говорят, не отличается ни качеством ни количеством. Словом,

Как персик, так и ананас
Природой создан не для нас.
О, Влас! Не пяль напрасно глаз
На персик и на ананас!

Лелевичи и Авербахи кушают персики, а пролетариат смотрит и одобряет. И все это—под флагом забот о пролетарской литературе!

(Окончание в следующем номере).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ПОПОВ, Н.—Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). Гиз, 1926 г., стр. 336.

Рецензируемая нами книга тов. Попова, по словам автора, выпускается в свет в виду «крайних обстоятельств». Именно: «У нас нет не только научно-обработанной истории партии, но даже самого элементарного учебника, который бы охватывал все периоды».

Представляя из себя обработку лекций, «читанных автором в 1921—1925 учебном году на первом курсе Артемовского Университета», книга претендует помочь «нашим групповодам и слушателям в качестве пособия или справочника». Таковы суб'ективные намерения автора. Перейдем теперь к самой книге.

Уже с первых страниц мы сталкиваемся с своеобразным пониманием, точнее говоря—непониманием тов. Поповым роли интеллигенции в нашем революционном движении.

Как представляет себе автор социальную сущность народничества? «...Если с классовой точки зрения,—читаем в книге,—подойти к движению революционеров-народников 70-х годов, то мы увидим в этом движении определенные и н т е р е с ы м е л к о - б у р ж у а з н о й р а з н о ч и н н о й и н т е л л и г е н ц и и и т о л ь к о. Но если мы присмотримся к тому, как это движение представлялось интеллигенции, то окажется, что оно представлялось (ей. *Э. Г.*) в совершенно другом свете. Интеллигенция считала, что она борется не за к л а с с о в ы е и н т е р е с ы б у р ж у а з и и, а за интересы крестьянства, за интересы народа...» (стр. 26. Курсив наш. *Э. Г.*).

Прежде чем перейти к разбору этого положения по существу, отметим, что автор вообще не увязал концов с концами. Подчеркнутые нами места это наглядно показывают. В самом деле, сначала т. Попов утверждает, что народничество выражало «интересы мелко-буржуазной интеллигенции, и только», а затем, тут же, хотя и в отрицательной форме, утверждается, что интеллигенция боролась «за классовые интересы буржуазии». Мы полагаем,—надеемся, что с этим согласится и тов. Попов,—что это все же не одно и то же. Ставить знак равенства между борьбой мелко-буржуазной интеллигенции и классовыми интересами буржуазии, значит помогать не выяснению вопроса, а его запутыванию.

А теперь по существу вопроса о народническом социализме. Достаточна ли, такая точка зрения на народничество, как на движение выражавшее «только» интересы мелко-буржуазной разночинной интеллигенции (второй вариант тов. Попова мы отбрасываем, как явно несуразный)? Было бы неверно отрицать, что всеми условиями своего существования значительная часть пореформенной интеллигенции толкалась в резкую оппозицию господствующему режиму. Но сам по себе этот факт исторически очень значительный, так как им создавалась важнейшая предпосылка народничества, не в состоянии все же исчерпывающе об'яснить его социально-классовую суть, т.-е. как раз то, к чему сводится задача марксистского анализа.

За раз'яснением обратимся к работам первых русских марксистов эпохи их идейной борьбы с народничеством. Послушаем, по интересующему нас вопросу, В. И. Ленина.

«Сущность народничества,—читаем у него,—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве... назвал народничество «национальным социализмом». Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству (т.-е. 60-х, 70-х г.г. *Э. Г.*) и «мещанский» по отношению к «современному» (т.-е. 90-х г.г. *Э. Г.*). «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей (крестьян и кустарей. *Э. Г.*) в пореформенной капиталистической России» (Собр. сочин., т. II, стр. 61). Такова выпуклая и марксистски-четкая характеристика народничества, не раз, а много раз повторенная Лениным на протяжении всех своих работ. И, именно, это основное в народничестве,—представительство интересов мелких производителей,—ухитрился совсем не заметить тов. Попов.

Пойдем, однако, дальше. Как об'ясняет тов. Попов возникновение «легального марксизма»? «В 90-х годах марксизм завоевывает колоссальные симпатии в широких кругах разночинной интеллигенции и сильные позиции в легальной журналистике». Какова же причина этого, столь быстрого распространения марксизма? Рассказав о том, что роман интеллигенции с крестьянством кончился неудачно, тов. Попов продолжает: «Если говорить о всей массе интеллигенции, то по отношению к ней играли роль, с одной стороны, с о б с т в е н н ы е и н т е р е с ы и н т е л л и г е н ц и и, заставлявшие ее искать союза с рабочим классом и красить себя в защитный цвет марксистской идеологии, с другой—здесь играло роль еще одно чрезвычайно интересное обстоятельство...» Этим интересным обстоятельством,—как дальше поясняет тов. Попов,—было «словесное, а вслед затем и идейное приспособление марксизма к л е г а л ь н о й о б с т а н о в к е в л е г а л ь н о й р у с с к о й л и т е р а т у р е» (стр. 26—27. Первый курсив наш. *Э. Г.*).

Теперь пусть судит читатель, что получается у тов. Попова? Народничество—это попытка разночинной интеллигенции опереться на крестьянство в борьбе за свои «собственные интересы».

«Легальный марксизм»—та же разночинная интеллигенция в борьбе за те же «собственные интересы» пытается опереться на рабочий класс.

Но ведь всякому известно, что «марксизм» Струве, Туган-Барановского и т. д. занимал позицию диаметрально противоположную народничеству. Первый исходил—под флером марксистской фразеологии—из интересов к а п и т а л а, последнее—из интересов т р у д а (мелких производителей), хотя и плохо понятых и еще хуже защищаемых. К сожалению, этого т. Попов и не приметил. Для него существует только разночинная интеллигенция, кочующая от одного класса к другому и ухитряющаяся, проделав поворот в 180 градусов, неизменно защищать «собственные интересы». Это не марксизм, а какое-то своеобразное воскрешение «блаженной памяти» «лавризма»!

Вся беда т. Попова, приведшая его к этой путанице, заключается в том, что он рассматривает интеллигенцию как какую-то, особую самодовлеющую силу в борьбе за свои «собственные интересы», опирающуюся и использовывающую то тот, то другой класс. Эту концепцию необходимо перевернуть, поставив ее на ноги. Не интеллигенция в борьбе за свои интересы использовывает другие классы. Этого в «природе» не бывает. В действительности же другие классы—главным образом буржуазия, а также пролетариат и крестьянство—использовывают в качестве «идеологов» и организаторов своей борьбы интеллигенцию. Поэтому последнюю нельзя рассматривать как нечто единое, а следует помнить, что в капиталистическом обществе, продуктом которого интеллигенция является, она **п о л и т и ч е с к и** выступает не столько как интеллигенция

вообще, сколько как буржуазная, пролетарская и мелко-буржуазная интеллигенция [1]).

Если с этой точки зрения мы подойдем к той идейной борьбе, которая в 90-х годах происходила между революционным марксизмом и народничеством, с одной стороны, между «легальным марксизмом» и народничеством—с другой, то мы сразу увидим, что здесь не интеллигенция вообще боролась за свои собственные интересы, а три различные группы интеллигенции в своей борьбе, представительствуя три различных класса, «оружием критики» предвосхищали грядущую «критику оружия».

Революционный марксизм означал классовую эмансипацию пролетариата, его выделение из сплошного крестьянского моря, и, соответственно, революционные марксисты, в лице Плеханова, Ленина и т. д., сбрасывая с себя «ветхого Адама» народничества и переходя на сторону пролетариата, становились пролетарской интеллигенцией.

«Легальный марксизм» был своеобразной формой самоопределения буржуазии, и, соответственно, в лице Струве, Туган-Барановского и т. д. создавались кадры буржуазной интеллигенции.

И, наконец, третьей, мелко-буржуазной группой интеллигенции было народничество, смотревшее на вещи глазами мелкого производителя, разоряемого капитализмом.

Такова, конечно, очень грубая и нарочито заостренная схема, претендующая не столько на об'яснение данного отрезка истории, сколько на об'яснение ошибки тов. Попова. В заключение, мы не можем не привести несколько строк из Ленина, коротко и ясно вскрывающих социальную подоплеку этого глубоко интересного процесса, который происходил у нас на рубеже XIX—XX веков. В предисловии к сборнику «За 12 лет», рассказав о том, что борьбу с народничеством вели совместно с революционными соц.-демократами «такие люди, как Струве, Булгаков... и т. д.», Ленин пишет: «Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому, как для нас, а к буржуазному либерализму» (Собр. сочин., т. VIII, стр. 474).

Таково действительно марксистское понимание и об'яснение этого вопроса, в отличие от того, которое дает в своей книге тов. Попов.

Перейдем теперь к вопросу об отношении партии к крестьянству. И здесь, в этом сугубо важном вопросе, мы принуждены констатировать, по меньшей мере, глубокую путаницу в изложении тов. Попова. Методологически ошибка нашего автора та же, что и отмеченная нами ранее по вопросу об интеллигенции: сплошная постановка вопроса о крестьянстве как целом приводит тов. Попова к неразличению «цветов» внутри этого якобы единого крестьянства. Между тем различное отношение партии пролетариата к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития—всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма. Мы говорим отличительную, так как именно это отличало большевизм в данном вопросе от меньшевиков, сплошь зачислявших крестьянство в

[1]) Попыткой об'единить и организовать интеллигенцию, как таковую, для самостоятельной политической борьбы можно рассматривать возникший в начале революции 1905 года «Союз Союзов». Но и это, как бы исключение, только подтверждает вышеуказанное правило. «Союз Союзов» оказался эфемерной, плававшей без руля и ветрил по бурным волнам революции, политически бессильной организацией. И это по той простой причине, что, как указывает тов. Покровский, ...«у этой пестрой толпы, начавшей уже с февраля об'единяться в «Союз Союзов»... не нашлось ни общей программы, ни общей тактики».

лагерь реакции, и эсеров, впадавших в противоположную крайность, и сплошь зачислявших крестьянство в лагерь революции. Таким, если можно так выразиться, «дальтонизмом» никогда не страдала наша партия, умевшая уже в период буржуазно-демократической революции четко разграничивать революционные устремления всего крестьянства, от присущих некоторой его части мещански-реакционных тенденций. «Мы поддерживаем крестьянское движение,—писал Ленин в 1905 г.,—поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит, как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать и сплющивать в единую и простую задачу могут только непонимающие марксизма люди» (Собр. сочин., т. VI, стр. 449).

Этот глубоко диалектический подход к вопросу, конкретно нашедший свое выражение в том, что одновременно с решительным призывом всего крестьянства на борьбу против помещичьего государства, наша партия столь же решительно подчеркивала необходимость «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата», (из резолюции III с'езда. Цит. по Ленину, т. VI, стр. 449), остался совершенно невыясненным у тов. Попова.

Покажем это на конкретном примере. Как излагает тов. Попов решения III с'езда в отношении крестьянского движения. Рассказав о том, что «начавшееся аграрное революционное крестьянское движение сразу приняло формы борьбы за помещичью землю», тов. Попов продолжает: «Тов. Ленин отсюда сделал сейчас же определенный политический вывод: в газете «Вперед» он поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным союзником пролетариата... потому что наша революция в случае своего полного успеха будет прологом революции социалистической». Это «потому что» прямо замечательно! Что это не описка показывает следующая за этой фраза: «Крестьянская масса... не имеет основания бояться социализма...» (стр. 93).

Теперь, посмотрите, что делает тов. Попов. Он усиленно и неоднократно подчеркивает, что наша революция, в случае своего успеха, станет прологом революции социалистической, но при этом ни разу не отмечает той двоякой задачи партии по отношению к крестьянскому движению, которую мы выше изложили словами Владимира Ильича. Да будет вам ведомо, тов. Попов, что именно в ней, в этой «двоякой задаче», которую вы «упростили или сплющили», дана действительная возможность успешного перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Не понимая этого, всуе повторять, что наша первая революция в случае своего успеха могла явиться прологом революции социалистической.

С тем же самым непониманием мы встречаемся и в изложении тов. Поповым Октябрьской революции. С этой точки зрения характерно, как понимает тов. Попов комбеды. «Для обеспечения сбора хлеба,—пишет он,—пришлось теснее связаться с деревенской беднотой, которая также своего хлеба не имела и могла получить его у зажиточного крестьянина. И вот органами этой самой деревенской бедноты, которые должны были оказывать активную поддержку выкачиванию из деревни хлеба для советской власти, стали комбеды» (стр. 235).

Как видит читатель, для нашего автора вся «соль» комбедов, так сказать, «в хлебе». Что комбеды были органами классовой борьбы в деревне не только за хлеб, но и, больше всего, за землю, за орудия производства и т. д.,—короче говоря, органами социалистической революции и диктатуры пролетариата в деревне, об этом тов. Попов, повидимому, и не догадывается. Чтобы облегчить ему усвоение этого вопроса сошлемся на Ленина. «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства,—говорил он на VIII с'езде партии...—наша революция до организации комитетов бедноты, т.-е. до лета и даже осени 1918 года была в значительной мере революцией буржуазной... Но когда стали организовываться комитеты бедноты,—с этого момента наша революция начала переходить в революцию пролетарскую... И, когда мы увидели, что в деревне, летом 1918 года, началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а на деле стала пролетарской» (Собр. сочин., т. XVI, стр. 105—106. Курсив наш. *Э. Г.*)[1].

Тот факт, который был известен Ленину не хуже, чем тов. Попову, что комбеды были вначале созданы по инициативе продовольственных органов и, в частности, тов. Брюханова, как видим нисколько не затушевывал для него их роли как органов пролетарской, социалистической революции в деревне. А тов. Попов, зачислив комбеды по ведомству Наркомпрода, решил, что этим их значение и исчерпывается. Мало, слишком мало, чтоб с этим можно было согласиться.

Таковы основные ошибки тов. Попова.

Встречается в книге и ряд других неверных положений. На стр. 272 тов. Попов следующим образом характеризует новую экономическую политику: «Таким образом, советская власть произвела отступление и вернулась к условиям капиталистического обращения товаров, к условиям свободной торговли. В этом заключалась громадная уступка советской власти, в конечном счете продиктованная затяжкой мировой революции, ибо с этой затяжкой мировой революции было связано наше варшавское поражение, ибо с этой затяжкой мировой революции был связан кризис советской власти, из которого единственным выходом являлся нэп» (стр. 272. Последний курсив наш. *Э. Г.*).

Как курьез отметим, что несколькими страницами раньше тов. Попов, обсуждая вопрос о причинах поражения под Варшавой, категорически заявлял, что это поражение было основано на «большой ошибке военного ведомства», «на грубом преувеличении наших сил и недооценке сил и техники противника (стр. 257).

Теперь же оказывается, что в этом «виновата» затяжка мировой революции.

Но оставим это в стороне. Верно ли, что нэп был, в конечном счете, продиктован нам затяжкой мировой революции?

На это приходится ответить отрицательно, и вот почему. Нет сомнения, что затяжка мировой революции, изолировавшая нашу революцию в кольце враждебных капиталистических государств, обострила вопрос о переходе к нэпу. Но, и не больше. Ибо даже победа международной революции не избавила бы нас от той или иной формы нэпа, как единственно рациональной хозяйственной политики в условиях перехода от капитализма к социализму при диктатуре пролетариата. И это относится не только к отсталой России. IV конгресс Коминтерна, разбирая вопрос о существе нэпа, пришел к тому выводу, что нэп не только, и даже не столько, специфически-русское явление, сколько явление имеющее характер международной значимости.

[1] Напомним для ясности, что декрет о национализации крупной промышленности был издан 28 июля 1918 г., а декрет об организации комитетов бедноты—11 июля 1918 г.

На это указывал в своем докладе конгрессу Ленин. Об этом же говорили в своих выступлениях на том же конгрессе, обосновывая программу Коминтерна, т.т. Бухарин и Тальгеймер (см. Собр. сочин., т. XVIII, стр. 83, также «К вопросу о программе Коммунистического Интернационала», стр. 78, 96).

Нельзя не пожалеть, что после дискуссии, в которой неверное понимание нэпа было основной ошибкой и, в то же время, главным аргументом нэпа (новой оппозиции), книга тов. Попова не только не поможет раз'яснению этого вопроса, но своей неверной формулировкой, еще больше затруднит для своих читателей его правильное усвоение.

По меньшей мере, спорным кажется нам и утверждение тов. Попова о том, что Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов не может и не должен рассматриваться как первый Совет революции 1905 года на том основании, что он возник «как орган экономической борьбы, а не как орган революционной власти» (стр. 85).

Тот факт, что Ивановский совет, действительно возник как «орган экономической борьбы», нисколько не говорит против того, что он был все же первым по времени советом. Возникая вначале как «стачечные комитеты» советы самой логикой борьбы перерастали в органы революционной власти и вооруженного восстания. И таков был взгляд Ленина на советы. Чтобы доказать это достаточно сослаться на его брошюру «Победа кадетов и задачи рабочей партии», где Ленин причисляет к советам «железнодорожные стачечные комитеты на юге» (см. т. VII, ч. I, стр. 121).

Эволюцию от «стачечного комитета» к «зачаточному органу революционной власти» (Ленин) проделал и Иваново-Вознесенский совет. Об этом убедительно рассказывает в своих воспоминаниях один из участников этого совета, тов. Самойлов. «Популярность совета росла с каждым днем не только среди избирателей; она распространялась далеко за пределы города. К нам, в совет, через некоторое время после его избрания, начали поступать самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев; были жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и разного сельского начальства» (Ф. Н. Самойлов, «Воспоминания», стр. 52).

Но и этим дело не ограничивалось. Даже «власти предержащие» вынуждены были считаться с авторитетом совета. Так, например, было исполнено требование совета о закрытии всех винных лавок на время забастовок.

Поэтому, представляется нам, исторически неверно, да, пожалуй, и не к чему, пытаться, как это делает тов. Попов, установить какую то, чуть ли не принципальную разницу между Иваново-Вознесенским советом и, скажем, Питерским, неизмеримо обогнавшим его по темпу и характеру своей работы и по своей исторической значимости.

Последнее, на чем мы хотели бы остановить внимание читателя — это на беглой характеристике тов. Поповым метода ленинизма.

Рассказывая о спорах Плеханова с Лениным по поводу подготовлявшейся ко II с'езду программы партии, тов. Попов делает следующее «глубокомысленое» замечание.

«К чему сводились поправки Владимира Ильича? Это очень важно знать, потому что в этих поправках прекрасным образом находит себе выражение метод ленинизма, отличающийся именно тем, что берет явления в конкретной форме, именно тем, что является приложением марксизма к практике» (стр. 59).

На этой формулировке, затрагивающей, хотя и несколько бегло, вопрос о ленинизме и об его соотношении с марксизмом, необходимо остановиться с возможной полнотой, так как вопрос очень важен. Правда, определение, которое дает тов. Попов, отнюдь не страдает оригинальностью: подобные и аналогичные формулировки в работах, посвященных Ленину и ленинизму, особенно, в первое время после смерти Владимира Ильича, встречались частенько. Не менее верно и то, что уже тогда, т.-е. в момент их появления они встречали дружную и сосредоточенную критическую отповедь, в процессе которой и были найдены верные и ясные определения этого вопроса. Но все это, очевидно, прошло мимо тов. Попова. Он упрямо повторяет старые ошибки и тем тянет своих читателей назад к уже пройденному партией этапу. Ничего другого не остается, как, позаимствовав у тов. Попова некоторое количество упрямства, повторить ему старые возражения.

Мы только что сказали, что тов. Попов повторяет старые ошибки. Теперь, переходя к разбору его утверждении по существу, мы вынуждены оговориться: к старым ошибкам тов. Попов добавляет (и в этом тоже нет ничего оригинального) новую путаницу. Об'яснимся. Как помнит читатель, утверждение тов. Попова кратко сводится к следующему: «Метод ленинизма... является приложением марксизма к практике». Нетрудно видеть, что здесь сама постановка вопроса страдает логическим противоречием. Именно: нельзя определять метод ленинизма через марксизм, а можно и должно говорить о методе ленинизма в его соотношении с методом же марксизма точно так же, как можно и следует сопоставлять ленинизм с марксизмом. Тов. Попов попросту путает метод, т.-е. орудие познания с учением, т.-е. с суммой идей, которые являются результатом приложения метода к конкретной действительности, «опосредствования» этой действительности. Методом марксизма, как это известно всякому, является материалистическая диалектика, представляющая собой, по удачному выражению тов. Деборина, «метод научного познания и революционного действия одновременно». Рассматриваемый со стороны метода, ленинизм и есть «полный возврат» (Бухарин) к критическому и революционному, в существе своем, методу Маркса [1]).

Не задерживаясь на этом совершенно ясном положении, перейдем теперь к вопросу о содержании ленинизма. Дело в том, что Ленин не только отстоял и защитил метод Маркса и добытые с его помощью идеи от всевозможных оппортунистических искажений и извращений теоретиков и практиков II Интернационала; он не только извлек и восстановил подлинное учение Маркса—это смертельно разящее оружие пролетариата в борьбе с буржуазией,—нет, в совершенстве владея методом Маркса и опираясь на достигнутые уже результаты—его учение,—Ленин сумел создать последовательную теорию и практику марксизма эпохи распада капитализма и пролетарских революций. Поэтому, по своему содержанию ленинизм шире марксизма, ибо к той сумме идей, которые были оставлены Марксом, ленинизм прибавил ряд новых, являющихся результатом анализа новой исторической полосы, новых исторических явлений. Легко понять, что это различие между марксизмом и ленинизмом есть различие необходимое и исторически обусловленное. Подобно тому, как в своем развитии старый промышленный капитализм перерастает в монополистический, финансовый капитализм, подобно этому и как отражение этого об'ективного процесса, марксизм перерастает в ленинизм. А это значит, что ленинизм и есть не что иное, как современный марксизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

[1]) Как верно замечает Роза Люксембург, метод исследования составляет «бессмертную часть учения Маркса». Сборник «Памяти К. Маркса», стр. 149.

Теперь понятно насколько ошибочно утверждение тов. Попова, сводящее ленинизм к приложению марксизма к практике.

Ленинизм не есть «марксизм приложенный к практике» или, как говорят некоторые другие авторы, «марксизм в действии». Ленинизм—это и есть современный марксизм, представляющий из себя диалектическое единство теории и практики, абстрактного анализа и практического действия. Теоретик-Маркс немыслим без Маркса-практика—активного участника революции 1848 года, созидателя I Интернационала и т. д. Практик-Ленин немыслим без Ленина-теоретика—автора «Развития капитализма», «Эмпириокритицизма», «Государства и революции» и т. д.

Встречаются в книге и фактические неточности.

На стр. 129, читаем: «По вопросу о профсоюзах на с'езде (речь идет о IV с'езде. *Э. Г.*) была принята меньшевистская резолюция. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии». Как известно, на IV с'езде этой точки зрения придерживались и большевики. Резолюция о профсоюзах, внесенная на с'езд комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно. Только на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией» (см. Ленин, т. VIII, стр. 483).

В остальном книга правильно и достаточно популярно, хотя и несколько сухо, излагает основные моменты нашей партийной истории.

Большим достоинством книги тов. Попова является и то обстоятельство, что, в отличие от всех имеющихся по этому предмету пособий, она доводит изложение истории партии до XIV парт. конференции.

Эм. Газ.

МАНУЙЛОВ, А. А.—К теории сельско-хозяйственной эволюции. «Новая Деревня». Москва, 1925 г., стр. 120.

Вопросы сельско-хозяйственной экономики стояли и еще долго будут стоять, как актуальнейшие вопросы современности. И среди этих вопросов, вопрос характера условий и темпа сельско-хозяйственной эволюции стоит как основной и кардинальнейший вопрос.

Установление того или иного характера эволюции сельского хозяйства, условий и темпа этой эволюции имеет далеко не отвлеченный теоретический интерес. При наличии резко выраженной противоположности двух основных классов капиталистического общества—рабочего класса и класса капиталистов, основная масса населения—крестьянство должно будет сыграть решающую роль в борьбе этих классов-антиподов.

С кем пойдет в этой борьбе крестьянство? Кого оно поддержит? На чью чашку весов бросит свою решающую силу основная масса крестьянства?

Достаточно именно в такой резкой форме поставить проблему крестьянства в революции, чтобы убедиться насколько важна, в какой мере первостепенна роль крестьянства в революции.

И, конечно, не случайно атака ревизионистов на Маркса велась, между прочим, *именно* с этой стороны марксова учения. В условиях распада капитализма, в эпоху империализма, когда неизбежность революционного столкновения пролетариата с капитализмом стала очевидной даже для буржуазных экономистов, перед ними стала новая задача—доказать, что это столкновение, это революционное восстание пролетариата должно окончиться его поражением, ибо крестьянство в этой борьбе пролетариат не поддержит.

И буржуазные экономисты, как и ревизионисты усиленно стали доказывать, что эволюция, развитие сельского хозяйства пойдет по совершенно иному пути, чем развитие промышленности.

Сельское хозяйство, утверждали они, не пойдет по пути того капиталистического развития, через которое прошла промышленность. В сельском хозяйстве будущее обеспечено не за крупными, капиталистическими предприятиями, а за небольшими хозяйствами, способными не только конкурировать, но и в этой конкуренции побивать крупные сельско-хозяйственные предприятия. Закон Маркса, кричали они на всех перекрестках, не действителен для сельского хозяйства, потому что здесь действует «закон убывающего плодородия почвы» и потому возможность приложения капитала строго ограничена.

Надо было во что бы то ни стало доказать, что развитие сельского хозяйства пойдет отличным от промышленности путем, что здесь действие законов капиталистического общества, если не исключено совершенно, то исключено *в основном*.

Атака на эту сторону марксова учения окончилась весьма неудачно. Абсурдность «закона убывающего плодородия почвы» доказала не только теория, но и практика. Опровергла практика и утверждение о экономической невыгодности и нецелесообразности крупно-капиталистических с.-хоз. предприятий. Эволюция сельского хозяйства оказалась *в основном* не отличающейся от эволюции всего капиталистического хозяйства.

Но у противников Маркса осталось последнее оружие... Впрочем, это будет касаться уже Ал. Мануйлова и *его* теории сел.-хоз. эволюции.

Ал. Мануйлов, конечно, отказывается от избитых возражений против марксовой системы, принятых буржуазными экономистами и ревизионистами. Он, *конечно*, против «закона убывающего плодородия почвы», он, *конечно*, не признает экономически нецелесообразными крупные с.-х. предприятия. Больше того, он вообще отрицает «какое-нибудь отличие в этом отношении между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным». Он, наконец, нашел даже об'яснение этому странному противопоставлению предприятий «вообще» предприятиям сельско-хозяйственным. «В нас еще глубоко сидят корни той психики, которая была свойственна эпохе широко-экстенсивного хозяйства, когда при господстве однообразной системы использования почвы и при одинаковых размерах затрат на ее единицу внешним признаком увеличения хозяйства было увеличение его земельной площади» [1]).

Таким образом, Ал. Мануйлов не только указал и доказал ошибки критиков Маркса, но и нашел причины, корни этих ошибок. Что может быть, кажется, лучше? Впрочем, насчет «корней» этих ошибок мы не придерживаемся «академических» раз'яснений Ал. Мануйлова...

Но под шумок «критики критиков» Ал. Мануйлов пытается протащить как раз то, что в своей критике Маркса хотели солидно и обстоятельно доказать буржуазные экономисты и ревизионисты.

«Многолетний спор о пролетаризации земледельческого населения не привел ни к каким результатам,—пишет Ал. Мануйлов в одном месте.

[1]) **Ал. Мануйлов**, «Теория с.-х. эволюции», стр. 38.

«На вопрос—происходит ли пролетаризация крестьянского населения, мы, очевидно, определенно ответить не можем, так как нет цифр, которые с очевидностью показали бы наличие или отсутствие этого процесса»,—говорит он дальше и, наконец, «говорить о наличии процесса пролетаризации крестьянства в России нельзя, так как нет достаточно полных и точных цифровых данных». Самое любопытное, пожалуй, здесь то, что из четырех примеров, приводимых самим автором, два говорят о резкой дифференциации, т.-е. о разложении основного массива крестьянства и увеличении двух крайних групп бедняков и кулаков, а два других—об обнищании деревни вообще и пролетаризации ее беднейшей части [1]). Между прочим, Ал. Мануйлов весьма часто делает ссылки на работы Ленина по аграрному вопросу. Было бы чрезвычайно интересно знать, известна ли автору новой работы о «теории сельско-хозяйственой эволюции» ленинская работа о «Развитии капитализма в России». А если она известна—а она наверняка автору известна,—то как наш почтенный автор может обнаруживать такое забвение, уже ставших прописными истинами, происходящих в деревне процессов дифференциации и пролетаризации ее известной части?

Опираясь, на данные земской статистики Ленин *показал* и *доказал*, на основании гигантского цифрового материала, процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. *Показал и доказал*, что с развитием капиталистических отношений в деревне, идет и неизбежный процесс дифференциации крестьянства: пролетаризация одной его части и выделение численно ничтожной, но экономически сильной капиталистической головки. А Ал. Мануйлов, не потрудившись опровергнуть эти данные о расслоении крестьянства, имеет смелость заявлять, что «говорить о наличии процесса пролетаризации крестьянства в России нельзя, так как (!) нет (!) достаточно полных и точных цифровых данных» (!).

К характеристике автора надо добавить, что, цитируя и притом неоднократно «Новейшие данные о законах развития капитализма в земледелии» Ленина, Ал. Мануйлов умудрился проглядеть как раз ту часть работы, которая говорит о росте и характере капиталистической эволюции сельского хозяйства Соед. Штатов!

Пользуясь официальными статистическими данными С.-Ам. Соед Шт. за 1900 и 1910 г.г., Ленин на основании их всестороннего изучения пришел к выводу, что для всех Соед. Шт. «изменения в соотношении остальных групп (речь идет о группах в сельском хоз. *К. Р.*) характеризуются *вымыванием средних* и усилением крайних» [2]). То-есть часть (и притом, конечно, большая) фермеров переходит из средних групп в малоимущую и неизбежно пролетаризируется. А Мануйлов, совершенно игнорируя все данные и факты—этой пролетаризации, неустанно твердит: «На вопрос, происходит ли пролетаризация крестьян-

[1]) По Мариупольскому уез. беспосевных с 1886 по 1901 г. увеличилось на 47,8%, с посевом до 20 дес. уменьшилось; до 50 дес. увелич. на 51,7%, а с посевом свыше 50 дес. увелич. на 200%! Та же картина резкой дифференциации—и по Полтавской губ. По Никольскому уез. Самарской губ. за десять лет: с 1888 по 1898 г., количество хозяйств безлошадных увеличилось на 32,2%, с одной лошадью—на 42,1%, с 2—3 лошадьми—на 12,6%; с 4—уменьшилось на 19%, 5—10—41,6%, 10—20—45,2% и свыше 20 лошадей уменьшилось на 60,8%! Та же картина в основном и по Воронежской губернии (стр. 70—72).

Можно только удивляться Ал. Мануйлову и его научной «осторожности» не видеть в этих цифрах происходящих в деревне процессов дифференциации. Впрочем, такая «осторожность» и «оптимизм» имеют свои корни и свое об'яснение!

[2]) Ленин, т. III, стр. 252.

ского хозяйства, очевидно, определенно ответить не можем, так как нет(!) цифр, которые с очевидностью показали бы наличие или отсутствие этого процесса».

Но автор не отличается последовательностью.

Выше мы приводили утверждение Ал. Мануйлова, что «между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным»... «разницы нет никакой» (стр. 38). Несколько дальше, на стр. 67, это положение несколько видоизменяется, автор вносит некую поправку, смысл который состоит в том, что «значение этих своеобразных черт» (речь идет об основных чертах эволюции сельск. хоз. *К. Р.*) ведет «лишь к замедлению той общей тенденции, которая свойственна эволюции земледелия и индустрии».

Но вот автор кладет эти свои весьма существенные положения в карман и на стр. 82 преподносит изумленному читателю такое ценное признание: «Единственно возможная форма концентрации капитала в сельском хозяйстве, именно форма «домашней промышленности», не может быть осуществлена частным капиталом»!

Итак, сперва Ал. Мануйлов не находит никакой разницы между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным, затем вносит поправку, что общая тенденция развития в с.-х. замедляется и, наконец, приходит к благополучному заключению, что никакого сходства между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным, нет, ибо в с. х. невозможна концентрация капиталов!

Можно было бы, пожалуй, и обойти по существу вопрос о невозможности «концентрации капиталов в сельском хозяйстве», но одно маленькое замечание нашему незадачливому автору мы сделать все же должны. Концентрация земель в капиталистическом обществе происходит или нет? Этого не может не признать и Мануйлов. Действительно, говорит он, «стремление мелкого земледелия к расширению своих размеров (заметьте, читатель, размеров. *К. Р.*), к превращению в крупные чрезвычайно велико».

Ну, а концентрация земель, не есть ли один из видов концентрации капиталов в земледелии? Как же можно возражать вообще против даже возможности такого рода процессов в земледелии?

Нельзя не остановиться и на некоторых «мелочах».

«То или иное изменение производительности труда обнаруживается из сравнения размеров затрат с размерами дохода»—пишет Мануйлов. И двумя строками ниже: «Для наших целей наиболее пригодным является тот масштаб, которым измеряется все предметы в современных условиях народного хозяйства, т.-е. количество денежных единиц».

Таким образом, по Мануйлову, изменение производительности труда обнаруживается из сравнения размеров денежных затрат с денежными доходами!

Ну, а разве не известны нашему автору такие случаи, когда предприятия с высокой производительностью труда вылетают в трубу, потому что размеры их денежных затрат превышают размеры денежного дохода? Разве неизвестно Мануйлову, что деньги не только масштаб цен, но и выразитель определенных общественно экономических отношений? Разве неизвестно ему, что рыночная кон'юнктура «управляет» производством через посредство денег и что не только степень «производительности труда», но и закон спроса и предложения определяет соотношение между размерами денежных затрат и денежного дохода? Ведь деньги, наконец, есть выражение специфической общественно-экономической формации—капиталистической, в то время, как труд—категория, свойственная всем формациям человеческого общества. Поэтому и само

понятие и определение «производительности труда» только, мягко выражаясь, по легкомыслию можно отнести к категории капиталистического хозяйства. И если А. Мануйлов не согласен с определением производительности труда, сводящимся к отношению количества полученного продукта к количеству затраченного труда, то он должен был иметь смелость открыто выступить против него.

Нам думается, что едва ли стоит задерживать внимание читателя на остальных сторонах новой «мануйловской теории» сельско-хозяйственной эволюции.

Книга Ал. Мануйлова путаная, неверная, вредная.

К. Розенталь.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.